

Маруся Климова

 © Copyright Маруся Климова 2013-2015
 Издание: «Опустошитель»: Москва, 2016

ПРОФИЛЬ ГЕЛЬДЕРЛИНА НА НОГЕ АНГЛИЙСКОГО ПОЭТА *тупое и острое*

Только приземлившись вчера в аэропорту Женевы, я вдруг поняла, что ничего не знаю про Швейцарию. Не то чтобы я плохо учила в школе историю, но этот предмет тогда сводился исключительно к борьбе классов. И это было не столь уж и плохо. Потому что так было даже легче готовиться к экзаменам: просто меняешь рабовладельцев на феодалов и, соответственно, названия тех, кого они эксплуатировали, в зависимости от этапа развития человечества, а в тонкости типа Швейцарии можно было не углубляться. Кроме того, любому, даже совсем тупому гражданину СССР был доступен конечный смысл бытия, что позволяло ему чувствовать себя уверенно и взирать на обитателей других стран как на существ неполноценных и далеких от истины. А теперь все вокруг стало неопределенным и погрузилось во мрак. И, оказавшись за границей, я неизменно чувствую себя потерянной и жалкой, так как мне совершенно нечего противопоставить сытым и довольным собой представителям общества потребления, о которых я, ко всему прочему, еще и ничего толком не знаю.

На станции, где меня должна была встретить хозяйка замка, я обнаружила классическую привокзальную площадку с сидящими на обочине и лежащими на асфальте бомжами, вцепившимися в огромные пластиковые бутылки. Через некоторое время к ним подошла еще и баба с красной физиономией: «Ну, чё, как дела?» Говорили они по-французски, но все остальное было в точности, как в Шепетовке. Даже и не помню, когда я в последний раз была в таких местах.

Зато в замке мне отвели роскошные апартаменты, некогда принадлежавшие его владельцу: с камином, мраморными умывальниками и ванной, а самое главное – это умопомрачительная кровать с балдахином. Комната, где когда-то жил Набоков, тоже вполне приличная, но все же поскромнее. А самое убогое жилище тут почему-то принято называть «комнатой Камю», хотя тот здесь никогда не был. Интересно, откуда такое пренебрежение к нобелевскому лауреату?

Моя шутка о том, что добравшийся на своей машине из Испании англичанин Бен попал в руки маньяка, оказалась не столь уж далекой от истины. Он задержался, потому что в Бордо был атакован группой личностей, которые под видом мойщиков покрыли стекла его машины пеной и пытались проникнуть внутрь. К счастью, он успел вовремя заблокировать все двери и прорваться сквозь плотное кольцо обступивших его со всех сторон бандитов. Можно сказать, что ему крупно повезло. Если, конечно, это не были настоящие работники автомойки, а он просто уехал, им не заплатив. Но я не стала этого уточнять, так как он, судя по всему, был всерьез напуган. Да и какая разница, в конце концов. Всегда лучше подстраховаться, и в накладе он, в любом случае, не остался: сэкономил бабки, а мог бы их лишиться. На вид он такой высокий, толстенький и розовощекий бодрячок, даже странно, что сочиняет стихи. Мне кажется, поэт должен быть худым и томным. Приехавшая вчера итальянка – тоже поэтесса. Как, впрочем, и американка. Похоже, я тут единственный прозаик.

Есть, правда, еще австриец, который был в срочном порядке вызван на замену негру из Южной Африки, потому что у того не хватило денег на билет. Однако чем занимается австриец, я пока не поняла. Знаю только, что он интересуется Ницше. Но лучше бы он интересовался Фрейдом, поскольку он какой-то слишком зажатый, напряженный и весь дергается. Поэтому психоаналитик бы ему определенно не помешал. А на башке у него растрепанные кудрявые темные волосы, правда, довольно редкие. Так что я бы не удивилась, если он, как и остальные, окажется поэтом.

Как бы то ни было, но сегодня по просьбе австрийца хозяйка замка обещала пригласить бабу-копта из соседней деревни, которая тоже интересуется Ницше и даже написала о нем книгу. Поэтому вечером за столом нас, судя по всему, будет целых три ницшеанца. Хотя я пока и не сообщала тут никому о своих философских предпочтениях. Пусть это станет для всех приятной неожиданностью.

Нет, я, разумеется, не расистка, но негров не люблю. В советские времена, например, многое было запрещено, а им посвящали фильмы типа «Цирка» и, вообще, всячески с ними сюсюкали. А все потому, что они постоянно орут, веселятся, прыгают и скачут. То есть негры – это практически дети, только огромных размеров и черные.

У американской поэтессы обнаружились русские корни, и – о, чудо! – она вполне сносно говорит по-русски. Даже не ожидала такого подарка судьбы, так как от английского я все же слишком устаю. А по-французски здесь больше никто, кроме хозяйки замка, не изъясняется. Причем все меня уверяют, что они его понимают, но просто не говорят. Черт! Я тоже всех понимаю на любых языках, хотя бы потому, что в разговоре с людьми понимать бывает особо нечего – достаточно их увидеть. А китайцы, например, еще и все на одно лицо. Так что тут вообще полное единство формы и содержания, можно не напрягаться.

Зато с американкой мы теперь можем спокойно, прямо сидя за столом, обсуждать остальных, имея, так сказать, объект исследования непосредственно перед глазами, что позволяет не упустить какие-нибудь важные детали. Она считает, что австриец – еврей, так как у него кудрявые темные волосы. А мне это как-то и в голову не пришло. В конце концов, я не выдержала и уточнила у него самого. И выяснилось, что я права: он оказался католиком, точнее, был им, пока не пережил серьезную жизненную драму.

У хозяйки замка тоже, кстати, есть русские корни, правда, по-русски она не говорит. Сама она из Парижа и довольно милая. Еще она обожает русских, даже дочку у нее зовут Татьяной. Вот это меня немного настораживает, так как я не встречала еще ни одного иностранца, который бы любил русских и не оказался потом сумасшедшим.

Тут, кстати, очень красивые серебряные подставки под столовые приборы. Мне сначала попала в виде свиньи, но я ее сразу подменила – взяла себе лису. А свинью подложила австрийцу. Пусть жрет, ему в самый раз. К тому же, ему все равно, по-моему. Он больше озабочен тиражами своих книг и еще грантами, про которые все время говорит.

Кажется, я узнала наконец, чем занимается австриец. Бен сказал, что он в основном сочиняет короткие рассказы, однако сейчас решил переключиться на стихи. То есть пребывание в замке настроило его на поэтический лад. Ну вот, я так и думала! Он весь такой нервный и бледный, гораздо больше похож на поэта, чем Бен. Конечно, часть его жизни оказалась потрачена на рассказы, но натура в результате взяла свое. А Бен, раз он такой огромный и круглый, как шар, наверняка, тоже в будущем обретет себя и начнет сочинять романы или, по крайней мере, повести из жизни педагогов и их учеников. Поскольку он сейчас преподает в школе и с годами у него должен накопиться богатый материал по данной теме. Пока же он пребывает в эйфории после оглушительного успеха своего последнего сборника стихов. На презентации в Ибике собралась куча народу, и было куплено целых тридцать два экземпляра. Мама очень его хвалила, а родственники до сих пор звонят и восторгаются его стихами. Однако издатель почему-то отказывается их переиздавать – и это, пожалуй, единственное, что в настоящий момент омрачает его радость.

Селин писал, что сосланные в Зигмаринген коллаборационисты мечтали перебраться в находившуюся на другом берегу Боденского озера Швейцарию, которая, как известно, сохраняла во время войны нейтралитет. Кроме того, здесь государственными являются сразу три языка: немецкий, французский и итальянский. Из чего следует, что эта страна была основана самыми сообразительными подданными соседних государств, которые туда переселились, чтобы укрыться от периодически сотрясающих мир катаклизмов.

Не понимаю, зачем учить историю и перегружать мозг лишней информацией, когда ее в случае необходимости всегда можно реконструировать, опираясь на косвенные данные.

Мой английский постепенно актуализируется у меня в мозгу, и я все лучше понимаю, что говорят поэты вокруг, больше всяких деталей. Боже мой! Лучше бы все оставалось на прежнем уровне.

Между тем, баба-копт, которая написала книгу про Ницше, явилась на ужин только вчера. Правда, оказалось, что она живет вовсе не в деревне, а в Женеве. И ей уже за восемьдесят. В связи с ее приходом была приготовлена такая прекрасная еда, что я даже забыла ей сказать, что я тоже нищешанка. Ну, ничего, у меня еще будет такая возможность, потому что она пригласила всех к себе в гости с ответным визитом и даже обещала приготовить особое блюдо из продуктов, доставленных ей из Египта. В принципе, нищешанкам вовсе не обязательно что-то специально сообщать друг другу, потому что обычно хватает только увидеть человека, чтобы понять, по какую сторону добра он находится. Бывают, конечно, и более сложные случаи. Например, если бы австрийский поэт не предупредил всех о своем интересе к Ницше, то я бы, наверное, вряд ли догадалась.

С другой стороны, сказанное мной, возможно, больше относится к сверхлюдям, а не к нищешанкам. Потому что даже для Ницше сверхчеловек был такой же недостижимой мечтой и идеалом, как, например, для всегда остававшегося закомплексованным уродом Пушкина – денди. Но все равно идея сверхчеловека – это, безусловно, лучшее, до чего за всю историю своего существования сумело додуматься человечество. И, в отличие от проекта создания «нового человека», абсолютно реалистичная. Мне, к примеру, чтобы ощущать себя таковой, даже совершенно не приходится напрягаться, так как куда бы я ни приехала или ни пришла, я буквально повсюду натываюсь на каких-то недоделков и недоумков. Хотя я не исключаю, что мне просто больше повезло, чем Ницше, и я родилась в более комфортное для существования сверхчеловека время.

Сегодня по дороге с озера я реально заблудилась и блуждала по каким-то неведомым тропам и оврагам чуть ли не пять часов. А потом пошел дождь, но, к счастью, у меня был с собой зонтик. И вокруг – ни души. Черт! Это Швейцария, детка. Здесь на ста тысячах квадратных километров проживает один человек.

А, может быть, австриец далеко не так прост? Может, он специально подкинул местному руководству информацию про свой интерес к Ницше, когда узнал про книгу египтянки, которая, судя по всему, является одной из покровительниц замка? Поэтому его срочно и пригласили сюда в качестве замены не сумевшего наскрести бабок на дорогу негра, а вовсе не потому, что он тут проживает по соседству. А негр тоже хорош: вместо того, чтобы выйти на улицу и ограбить какого-нибудь туриста, как у них там принято в Южной Африке, он решил интеллигентно уступить свое место другому. Но что с него взять? Он ведь, вероятно, тоже поэт и, наверняка, интересуется Ницше. Я в этом даже не сомневаюсь. Только черного поэта для комплекта тут сейчас и не хватает. Чтобы он по утрам отсвечивал у меня под окном в саду, мечтательно откинувшись на спинку шезлонга с блокнотиком в руках, и всем своим видом напоминал мне Пушкина. Нет уж, пусть лучше сидит у себя в Африке и голодает.

И потом, австриец успел побывать уже во множестве мест и, похоже, не собирается останавливаться на достигнутом. Вполне вероятно, у него к этому имеется природная предрасположенность. У каждого человека есть свой талант, в конце концов, нельзя всех стричь

под одну гребенку. Не понимаю, почему всех так заклинило на духовности. Есть и другие сферы, где человек может проявить свои способности, которым остальным не мешало бы поучиться.

Иногда я с ужасом представляю, как я на старости лет, не дай бог, превращусь в бомжа. Наверняка, ведь и тогда какие-нибудь наглые придурки в лохмотьях начнут плести против меня интриги. И в результате, я окажусь последней в очереди к помойному бачку. И все потому, что за всю свою жизнь я так и не сумела постичь каких-то самых элементарных вещей, заиклившись исключительно на литературе и красоте. И самое печальное, что я до сих пор чересчур идеализирую людей, хотя они, возможно, далеко не столь возвышенны, как мне кажется.

Забрела вчера в странный городок на берегу озера. Кладбище – прямо в центре, среди домов, а рядом – церковь, у которой на шпилье вместо креста – черный петух. И главное, на улицах вообще никого. А эти все: «Это нормально, когда кладбище в городе». Конечно, нормально: идеальное место для черной мессы.

Помню, я взяла в Публичной библиотеке Гюисманса «Там внизу», а все описания черной мессы там оказались выдраны: какой-то любитель постарался, забрал себе. Вряд ли это было сделано по цензурным соображениям. Гюисманс умер до революции и не успел высказаться по теме социалистических преобразований, иначе бы эту книгу элементарно поместили в спецхран.

Хотя коммунисты почему-то отрицательно относились к сатанистам. Интересно, почему? Думаю, они просто тоже все были подвинуты на добре, но немного туго соображали. А сейчас до них наконец дошло, что и Бог был таким же добрым, как они, и хотел людям счастья.

Никогда еще не находилась так долго в одном помещении сразу с четырьмя поэтами. По-моему, мой стиль уже стал более возвышенным и меланхоличным. А что будет через месяц?

А как тут найти какого-нибудь банкира типа Ротшильда? Где он бывает? Хотела бы случайно с ним встретиться в музее или театре, подойти поближе и повернуться к нему спиной. Как Жан Жене. Чтобы продемонстрировать свое презрение к деньгам.

Вчера возвращалась из Лозанны и опоздала на последний автобус. Пришлось ехать до соседней деревни. А потом целый час тащиться по полю в кромешной тьме. Вот уж не ожидала, что так вляпаюсь: ни фонарей, ни людей, ничего. Кошмар. Зато какое счастье я испытала, увидев вдали огни замка. А то я уже решила, что опять заблудилась, только на сей раз ночью.

А когда садилась на автобус, водитель – темный такой, португалец, по-моему – взял с меня двенадцать с половиной франков, хотя мне говорили, что билет стоит десять сорок. На самом билете, естественно, ничего было не указано. И он всю дорогу со мной беседовал: «Я вас тут часто вижу, вы пешком ходите. Если у вас нет денег, то я могу бесплатно вас подвезти. Вы откуда приехали?» Ну, я ему объяснила, что я писательница из России, а пешком хожу, потому что это полезно для здоровья. Кроме того, я набираюсь тут впечатлений, чтобы потом все описать, и скоро у меня будет вечер в замке, так что он тоже может прийти, если хочет... А он сделал морду гузкой и кивает мне башкой: мол, надо же, писательница, он книжки всегда любил читать.

Билет же, как я потом уточнила, там стоит десять сорок. То есть он все-таки взял с меня на два франка больше. Вот же придурок!

Я еще по Парижу, кстати, помню, что все португальцы на редкость тупые. И еще я где-то читала, что у них отсутствует страх смерти, точнее, занижен порог ее восприятия. Примерно, как у финнов нет гена, отвечающего за расщепление алкоголя, так и у них в мозгу что-то не так, как у нормальных людей. Но у финнов хотя бы сухой закон имеется, а у этих, интересно, есть в Португалии какие-нибудь специальные дополнительные ограничения, чтобы они на красный свет

через дорогу не лезли? Еще их нельзя селить на высокие этажи. И права, кстати, я бы им тоже поостереглась давать, а, тем более, доверять жизнь пассажиров автобуса в горной местности.

Поняла, наконец, в чем мое отличие от поэтов. Они постоянно что-то чувствуют, а я – нет. Вот почему у поэтов редко получается писать прозу: они тащат за собой туда свои чувства. В русской поэзии только Фет, по-моему, абсолютно ничего не чувствовал. И из него мог бы выйти прекрасный романист. Получше Толстого, по крайней мере.

В Лозанне довольно милый музей арт-брют, но фотографировать там нельзя, к сожалению. Все работы выставлены с подробнейшими биографиями авторов, где указаны причины, почему каждый из них подвинулся умом и стал маньяком. Когда я пришла, туда как раз привели группу даунов. В смысле, не школьников или туристов, а настоящих даунов, которые, настороженно оглядываясь по сторонам, стали рассматривать близкое им по духу искусство. В принципе, они и сами неплохо дополняли экспозицию. Не знаю, но, будь я на их месте, мне бы, наверное, увиденное не понравилось. Когда Есенин стал читать уголовникам стихи с матом, те все скривились и попросили его еще про маму. Так и даунам, по-моему, было бы приятней посмотреть на Мону Лизу, а еще лучше – на Ивана Грозного, который убивает своего сына, или же – на мишек в сосновом лесу. Вот Шишкин, мне кажется, для них в самый раз. А после этого музея, я думаю, они перепугаются и будут плохо спать.

Сегодня по пути домой видела пасеку. Забавно, что пчелы такие крошечные – насекомые, по сути – а научились производить мед. Поэтому люди за ними ухаживают и строят специальные домики, прибывая к ним резные досочки, которые покрывают краской и лаком.

Вчера Бен отвез всех на своей машине в Лозанну. Получается, что я зря поспешила и потратила бабки на поездку туда. Разве что ради острых ощущений, когда на обратном пути я опоздала на автобус и шла потом по полю в абсолютной темноте. Наверное, я слишком привыкла к белым ночам и расслабилась. В какой-то момент вообще ничего стало не видно вокруг, даже под ногами. Я постоянно ожидала, что сейчас из зарослей винограда или кукурузы выскочит маньяк и набросится на меня. А когда я проходила под мостом, по ту сторону железнодорожной насыпи, действительно, промелькнула фигура какого-то мужика в развевавшейся футболке и широких штанах. Единственное, я не совсем понимаю, какой толк от подобных переживаний. Даже рассказывать о них нет никакого смысла: все равно никто не поймет. Поэтому я предпочла бы обходиться без них.

А завтра Бен вызвался всех доставить в Женеву, на обед к египтянке-нищенке. Надо сказать, что это довольно благородно с его стороны. В сущности, находиться в окружении поэтов не так уж и плохо. Чем-то напоминает пребывание на даче. Там вокруг обитают добропорядочные обыватели, но гораздо хуже было бы, если бы на их месте оказались маргиналы, которые бы постоянно орали, ругались матом и кидали пустые бутылки мне через ограду. А прозаики, между прочим, особенно наши соотечественники, именно так себя обычно и ведут. Когда я вижу их тупые рожи, я невольно начинаю ощущать себя поэтом.

Хозяйка замка говорит, что у них в окрестностях все достаточно спокойно, так как здесь в основном живут состоятельные люди. Правда, когда замок перестраивали, подготавливая его для писателей, как пожелал его владелец, то где-то неподалеку в саду рабочие обнаружили два скелета, видимо, пролежавшие там много лет. Она тогда уехала и не в курсе подробностей, но какие-то преступления, в том числе и убийства, тут тоже иногда случаются. Да я и сама вижу, что дома здесь вокруг почти все очень приличные, за все время, может быть, два-три относительно обшарпанных строения мне попало. Но, с другой стороны, атмосфера всеобщего благополучия, возможно, даже больше подходит для появления в данной местности какого-нибудь маньяка. Если кругом нищета и развал, то и безумие тоже обычно, я заметила, более равномерно распределяется среди живущих в такой обстановке людей. А если все сыты и довольны, то вся негативная энергия вполне может втемяшиться в голову какому-нибудь отдельному индивиду, пусть и из благополучной семьи, но которого мама, в частности, несколько меньше любила, чем его младшего братика. И тогда еще не известно, что лучше: когда кругом одни сплошные грязные и оборванные сумасшедшие, каждый из которых в худшем случае может тебя укусить или поцарапать, или же один, но такой, который затащит тебя в специально оборудованный подвал с дорогостоящей хирургической аппаратурой и антикварными приспособлениями для пыток и будет в течение месяца маленькими порциями сдирать с тебя кожу, параллельно демонстрируя различные хитроумные изделия и украшения, изготовленные из зубов, костей, волос и кожи своих предыдущих жертв. Мне это было бы особенно неприятно, так как я очень хорошо представляю, что в подобной ситуации меня могло бы ожидать, потому что досконально изучила несколько энциклопедий серийных убийц, проштудировала множество их биографий, не говоря уже о сотнях просмотренных мной триллеров. Так что перспектива оказаться во власти одного из таких типов меня совсем не прельщает, хотя, когда я вижу их на экране или читаю про них в новостях, мне они, скорее, симпатичны.

Тут, видимо, кроется какое-то противоречие между искусством и жизнью, которое я до сих пор так и не сумела для себя разрешить. С одной стороны, искусство является отражением жизни и каждый стремится найти в нем нечто близкое себе, а с другой – все, буквально как в зеркале, перевернуто, и то, что там кажется правым, в реальности расположено слева.

Хорошо, что вчера Бен повез нас на машине. Своим ходом я даже не представляю, как бы добралась. Египтянка живет в пригороде Женевы. Туда бы еще из города пришлось тащиться непонятно на чем. На обед пришли чета пенсионеров из Америки и дочка хозяйки, которая приехала из Берлина, а также огромное количество прелестных юных девушек, кажется, внушек. Я сидела рядом с Клод, подругой хозяйки, которой, по-моему, где-то уже под девяносто, и она недавно бросила курить, поэтому она все время подсаживалась к тому, кто зажигал сигарету и, жеманно подгоняя к себе дым, восклицала: «Ах, как приятно, как приятно! Дайте мне побольше дыма, курите, курите на меня!» Прикольная старушка. Вот только к сожалению там никто не курил, кроме меня и австрийца. Мы с египтянкой все время говорили по-французски, а Бен с австрийцем сидели, открыв «варежки» и тупо на нас уставившись. Но ничего, они же, вроде, уверяли меня, что все понимают.

Дочка из Берлина работает биологом и, видимо, ее так уже достало целыми днями разглядывать в микроскоп микробы и других одноклеточных, что она решила стать писательницей. Я так думаю, потому что она ко мне подседа и завела речь про Толстого, которого недавно для себя открыла. Как он глубоко понимал людей! А я, как это услышала, сразу вспомнила про писателя, у которого был роман с шестидесятилетней романисткой из Африки. Потому что он, по-моему, считает себя новым Толстым, все время говорит про это в своих интервью и как раз где-то здесь живет поблизости, в окрестностях Женевы. Не исключено, что он еще и ходит в косоворотке и лаптях, а вот пашет вряд ли. Чтобы пахать, надо быть здоровым, как Толстой, а он достаточно хлипкого сложения, как мне показалось, когда я его мельком видела на вручении премии. Поэтому я сразу спросила ее, а не знает ли она какого-нибудь писателя, который, по ее мнению, сейчас творит, как Толстой, создавая такую же высокодуховную прозу, заранее ожидая услышать знакомую мне фамилию. Я почти в этом не сомневалась, но, увы, оказалось, что из наших современников она никого равного Толстому не встречала. Чтобы он так же глубоко понимал

людей и пр. У меня она, кстати, тоже поинтересовалась, не пишу ли я, как Толстой. И я зачем-то ей сразу ляпнула, что нет, на него не похожа. И напрасно, наверное. Надо было что-нибудь более расплывчатое ей сказать. Мало ли, она бы мне, возможно, могла еще пригодиться. В Берлине, все же, у меня не очень много знакомых, вдруг придется туда поехать, было бы, где остановиться или хотя бы поужинать. А так, вскоре она пересела к австрийцу и стала что-то с ним обсуждать, наверняка, тоже литературу. Но он-то уж точно на Толстого не тянет: ни внешне, ни вообще. Хотя по-немецки я совсем на слух ничего почти не понимаю. Но когда они стали так громко на всю комнату между собой говорить, я прямо прибалдела. Не знаю, может быть, я уже слишком много выпила к тому моменту, но слушать их было чрезвычайно приятно, давно такого кайфа не испытывала. Всякий раз, когда слышу эту речь, представляю себя в застенках гестапо.

Покупая себе вчера пальто в Бон Жени, я опять испытала некоторое разочарование из-за того, что до сих пор не могу себе позволить носить вещи исключительно от Hugo Boss. С другой стороны, может, это и к лучшему. Иначе, мне уже сейчас, вероятно, было бы совсем не к чему стремиться. Не перечитывать же Ницше и Д'Аннунцио? Книги, в отличие от одежды и еды, окончательно себя исчерпали.

Не стоит давать художественным произведениям, будь то книги или же фильмы, чересчур емкие и выразительные заголовки, так как может случиться, что они полностью исчерпают все, что автор собирался в них сказать. Поэтому я так до сих пор и не посмотрела, например, фильм про престарелую чету под названием «Любовь». Помню, было еще такое чернушное кино про чеченскую войну, которое называлась «Чистилище». Ну и ряд других случаев. Всякий раз, едва ознакомившись с одной только аннотацией, я начинала испытывать непреодолимую скуку от перспективы еще раз увидеть или прочитать то, о чем я уже абсолютно все и без того узнала. По этой же причине, думаю, в СССР никто не читал «Капитал», а большинство верующих никогда не открывали Библию. Эти книги, наверное, стоило бы даже переименовать, чтобы как-то замаскировать, что ли. Как, впрочем, и «Дон Кихота» Сервантеса или же «Фауста» Гете. Правда, тут несколько другая ситуация: названия этих книг просто слишком засветились и потом уже постепенно вобрали в себя все их содержание. Но и их пример показывает, что небольшие слова и фразы, призванные, вроде бы, привлечь внимание читателей и настраивать их на определенный лад, порой ведут себя подобно пиявкам, которые, несмотря на свой крошечный размер, присосавшись к живому организму, способны со временем высосать из него всю кровь.

Нечто подобное когда-то в далеком прошлом произошло и со мной. Однажды мне пришло в голову замечательное название для сборника стихов. И оно настолько мне понравилось, что мне сразу же захотелось воплотить этот замысел в жизнь. Но он, увы, так и остался нереализованным. И тоже исключительно из-за названия. Потому что в какой-то момент я вдруг поняла, что мне абсолютно нечего больше сказать человечеству на языке поэзии. Кроме нескольких слов, которые я собиралась поставить на обложку своей книги: «Я не поэтесса, но говорю стихами».

Вести с родины принимают все более причудливый характер. Чувствую, если верующие окончательно достанут людей искусства, то в будущем те объединятся с гениями научно-технической мысли и начнут вытаскивать останки наиболее зарвавшихся и надоедливых из могил, чтобы вернуть к жизни их тело и мозг, воссоздав по крупинкам из праха при помощи новейших технологий. Память им тоже будет перезагружена и восстановлена, чтобы они понимали, что и почему с ними происходит. Эти реанимированные тела будут подвешиваться за ноги над пламенем, полыхание которого будет способно неограниченно долго поддерживаться за счет подпитки от термоядерных батарей. А чтобы воскрешенные из мертвых опять не окачурились от перегрева и ожогов, под кожу им будут вшиваться датчики, которые смогут подавать сигналы к установленным сверху лоханкам с насыщенной специальными ферментами оживляющей водой. Получив по вайфаю указание от датчика, лоханка будет опрокидываться и поливать висящее над огнем тело, после чего его жизнедеятельность восстановится. Таким образом, поджаривание на

вечном огне сможет продолжаться неограниченно долго. Из-за чего у бывших в своей первой жизни глубоко религиозными личностей создается полное ощущение, что они оказались в аду, о котором так часто когда-то любили порассуждать.

А поскольку ненависть является куда более всепоглощающим и пробуждающим творческую фантазию чувством, чем предписанная христианскими заповедями любовь, то произойдет все это гораздо раньше, чем наступит предсказанный в Библии Конец Света и на землю спустится мифический Бог. Следовательно, у тех, кто сейчас своими высоконравственными поучениями вызывает раздражение у наиболее продвинутых и способных представителей человечества, будет достаточно времени почувствовать все прелести бесконечно растянутых по длительности мучений.

Похоже, мое восприятие мира расходится со взглядами верующих буквально во всем. Даже по поводу памятника Дзержинскому, который, мне кажется, был не так уж и плох. Как, впрочем, и сам герой Гражданской войны, в честь которого он был воздвигнут.

Разве что инициатива православных активистов по изъятию картины Репина из Третьяковской галереи меня немного обнадеживает. Хотя не исключено, что и она стала результатом элементарного недопонимания. Поскольку Репин – едва ли не самый загадочный русский художник. Когда смотришь на его картины, далеко не сразу осознаешь, что уродливо вовсе не то, что на них изображено, а они сами.

Вчера в замок приходила супружеская пара: муж и жена. Они тоже здесь когда-то жили, а теперь поселились по соседству. Мужик не то чтобы урод, достаточно высокий, выше меня, и худой, я бы даже сказала чересчур, примерно, как житель блокадного Ленинграда после шести месяцев осады. Но самое главное – это его лицо. Кожа бледная, как снег, с синеватыми подтеками, а вместо глаз какие-то впадины, из глубины которых исходит зловещее фосфорическое сияние. Вот если бы из могилы вдруг вылез мертвец и сюда явился, он бы точно так выглядел. Настоящий живой труп, короче. Я старалась подальше от него держаться, опасаясь, что мне в нос ударит специфическое амбре, как в парижских катакомбах, где все стены черепами выложены, но потом, оказалось, вроде нет, никаких особых запахов он не источал. Хотя помыться бы ему все равно не мешало. Но я бы на его месте, наверное, даже использовала специальные духи с ароматом тления, для полноты картины, так сказать. Я слышала, что такие тоже бывают и продаются во флакончиках в форме гробика. Левую руку он все время держал на животе, а из верхнего кармана куртки у него торчал носовой платок, при этом сам карман был наполовину зашит внахлест белыми нитками. И ноги у него совсем крошечные почему-то, при достаточно вытянутом вверх туловище, где-то тридцать пятого размера, по-моему, да еще обуты в детские оранжевые сандалики, к тому же. Его жена тоже далека от идеала, но, правда, не такая изможденная, а скорее круглая. И если бы я ее одну увидела, то подумала бы, что она уродина, вероятно, однако на его фоне она выглядит почти красавицей. То есть, если сначала посмотреть на лицо мужа, а потом перевести взгляд на нее, то глаза даже немного отдыхают. Короче, сегодня ночью я довольно долго заснуть не могла после того, как на них насмотрелась. Но, самое главное, что они зачем-то спросили у хозяйки замка, а кто тут в самых больших комнатах живет. Вот это еще меня насторожило. Может они решили меня выселить, а сами сюда поселиться? Реально я, конечно, себе такого не представляю, но все равно, к чему такой вопрос. И вообще, что им здесь надо? Зачем они сюда притащились? Ко всему прочему, они еще правозащитники, по-моему, и недавно вернулись из Москвы, где собирали документы для европейского суда по какому-то темному, как они сказали, делу (*une affaire véreuse*). Мировая общественность еще не в курсе! Вот с такими мне бы совсем связываться не хотелось. Да даже если бы они где-то в соседнем помещении обосновались, перспектива каждый день видеть их рожи меня совершенно не радует. Это все равно, что на кладбище поселиться, а я все-таки сюда немного развеяться приехала. И если мне захочется волнующих ощущений, то у меня тут достаточно с собой триллеров накачено.

Что-то у меня совсем испортилось настроение теперь.

Во Франции в "Ашан" по ошибке завезли кокаин вместо бананов. В Чехии на днях произошла похожая история.

У итальянки какие-то проблемы, поэтому она вчера отправилась к себе на родину. Хотя, может, еще вернется, кто знает. На прощание она подарила мне камушек с приклеенным к нему стихотворением на крошечной бумажке. Очень трогательно. А накануне после ужина все собрались в гостиной и читали друг другу собственные стихи по-английски, на который они сами себя и переводят, как я поняла. Я, естественно, сразу пошла досматривать последнюю серию второго сезона «Убийства». Однако через некоторое время услышала стук в дверь. Выяснилось, что они вышли в сад полюбоваться на звезды, и свет из моего окна им мешает.

А тут, между прочим, я недавно узнала, лет десять назад жил один американский поэт. Так он вообще выдержал только три дня, а потом заявил, что ненавидит эту страну, населяющих ее буржуа, кофе с булочкой по утрам, щебетание птичек и все эти подстриженные лужайки и кустики, и поэтому уезжает к себе назад в Нью-Йорк слушать вой машин и крики бездомных, вдыхать аромат выхлопных газов и наслаждаться простой и грубой пищей пролетариата. Вот это, я понимаю, поэт! Байрон отдыхает. Я бы не удивилась, если бы за прошедшие со времени его эффектного отъезда годы он достиг известности и удостоился крупной литературной премии. Надо будет потом уточнить его фамилию и навести справки. В этой жизни иногда, как в шахматах, стоит пожертвовать какую-нибудь фигуру, чтобы выиграть потом всю партию.

А вот итальянская поэтесса до такого не додумалась, хотя ей и представился отличный шанс сравняться с самим Д'Аннунцио, раз уж она все равно была вынуждена отсюда уехать по делам. У американца, возможно, тоже бабушка умерла или тетя, но он, в отличие от нее, прекрасно сориентировался. И поэтому теперь знаменит и купил себе виллу на Гавайях, а не перебивается на жалкие гранты, переводя самого себя на другие языки. Но, как говорится, рожденный ползать летать не может.

Кажется, австриец на меня обиделся за то, что я называю его немцем. Особенно ему почему-то не нравится, что я считаю Австрию частью Германии. Он уже несколько раз меня поправлял, а сегодня за завтраком совсем как-то задергался и даже, по-моему, стал заикаться от возмущения: «Ну, я же вам говорил, что Австрия не имеет отношения к Германии!» А потом и вовсе удалился в свою комнату. Но мне-то, в принципе, без разницы. Я могу называть его австрийцем, если ему так хочется, а здесь, к примеру, немцем. Он ведь все равно по-русски не читает. Но просто я уже привыкла, и мне лень перестраиваться.

Из всех цифр самым необычным и интересным мне всегда казался ноль. И не только потому, что он круглый и его можно перепутать с буквой «о» – что уже делает его ближе мне как писательнице – но он еще и наиболее употребим в быту, даже кассирши в магазине постоянно тычутся в него носом, хотя они тоже далеко не математики. И этим ноль существенно отличается от бесконечности, которая обозначается странного вида загогулиной и, судя по всему, не является полноценной цифрой. Поэтому без нее, на мой взгляд, можно было бы спокойно обойтись. Просто отбросить ее и забыть. Кассирши и продавцы исчезновение бесконечности, наверняка, даже не заметят.

Но, если говорить серьезно, то откуда обычно берется бесконечность? В частности, из деления единицы или какой-нибудь другой цифры на все тот же ноль. А кто так решил? С какой стати при делении фактически на пустое место, каковым, по сути, и является ноль, должна получаться бесконечность? Возьмем, к примеру, вечность, которая представляет собой полный аналог бесконечности, только во времени. Я могу разделить час своей жизни на равные периоды и, соответственно, использовать получившиеся отрезки времени для каких-нибудь полезных дел

вроде заварки чая или же разговора по телефону. Но если я разобью этот час на пустоту, то есть, ничего не буду с ним делать, то он, будет тянуться вечность? Что-то я сомневаюсь. Час жизни, который я не использую ни для каких целей, длиной с вечность – по-моему, это какая-то бессмысленная схоластика, из-за которой у людей и возникает путаница в мозгу. Таким образом, и при делении единицы на ноль тоже следует считать, что с ней ничего не происходит, а получается опять та же единица. С практической точки зрения так даже удобней и понятней. Не говоря уже о том, что при подобном понимании нуля никто не будет пытаться подsunуть тебе вечность, которая, как я уже сказала, является полным аналогом бесконечности, в качестве вознаграждения за вполне конкретный труд. Вечность просто-напросто утратит всю свою привлекательность и ценность. Кроме того, у меня, например, уже сейчас такое чувство, что за свою жизнь я успела устать от вечности даже больше, чем от так называемой суеты. А что будет, если ты действительно уткнешься в нее носом, оказавшись на том свете, когда уже не сможешь даже пальцем пошевелить, не то чтобы отвернуться? Лично меня совершенно не радует такая перспектива.

Поэтому я и говорю, что бесконечность обычным людям на фиг не нужна, разве что математикам. Но я-то не математик. И вечность мне тоже не нужна. Обе эти сущности возникли из неправильного понимания нуля как чего-то реального, похожего на единицу. Тогда как, на самом деле, бесконечность и вечность состоят из неограниченного числа пустот, то есть, их попросту нет. И если представители точных наук со мной не согласятся, то я тогда предпочла бы жить в мире с другой математикой, более близкой и понятной мне. С радостью бы переселилась куда-нибудь на Луну, чтобы вокруг было что-то типа пространства Лобачевского, где параллельные прямые пересекаются. Пусть там вообще все будет перекошено и перевернуто с ног на голову, главное, чтобы мне никто не пудрил мозги этой вечностью.

Тут после завтрака все писатели интересуются друг у друга, кто чем будет заниматься. И каждый подчеркнуто громко, чтобы все слышали, отвечает: «Я иду работать!» Надо же, а я вот до сих пор так и не смогла избавиться от ощущения, что если я не буду переводить, а просто сидеть и, что называется, «писать», то это все равно, что не делать вообще ничего, а заниматься ерундой и убивать время от скуки. Поэтому при других обстоятельствах мне бы, наверное, никогда в голову не пришло объявить, что я собираюсь предаться напряженному труду, когда я сажусь за компьютер набрать какой-нибудь текст, пусть даже и с самыми гениальными мыслями.

Однако здесь я единственный прозаик. Человек, создающий увесистые тома, называющиеся романами, должен выглядеть не менее внушительно, чем авторы тоненьких книжиц, где даже страницы до конца не заполнены, а слова сгруппированы в столбики, разделенные между собой огромными пустотами. Из поэтов только Гете, по-моему, сопоставим по солидности с Толстым. Ну, может быть, еще Данте или Гомер. А такие, как Рильке и Рембо, даже до Солженицына не дотягивают. Поэтому здесь на вопрос: «Что вы собираетесь делать?» – я тоже отвечаю: «Иду работать!»

Уже сентябрь, а комары тут ночью до сих пор залетают в комнату через окно. Не так много, конечно, но все равно хорошо, что я захватила с собой электрическую фигню, которая их нейтрализует. Хотя, на самом деле, эти твари существуют не только для того, чтобы раздражать людей. Иногда, я заметила, испытываешь специфическое удовольствие, когда удается прихлопнуть какого-нибудь, особенно такого, который уже успел как следует насосаться крови. Мисима писал про Жене, что тому хотелось возвысить всех униженных. А мне вот, сколько себя помню, всегда приятно было наблюдать, как опускают кого-нибудь, чьи амбиции не совпадают с возможностями. Того же Хусейна, например. При этом важно дать подобному типу шанс получить свое маленькое удовольствие, а потом уже подвести итог. Чтобы все находилось в гармонии с природой и развивалось по законам красоты.

Мне нравится Жене. Но, видимо, у нас с ним где-то в глубинах подсознания немного разные архетипы, поскольку я никогда не была беспризорницей и не воспитывалась в приюте.

У хозяйки замка, как я уже говорила, есть русские корни. Ее прадед, по-моему, был генералом и жил в Петербурге. А родилась она в Париже. Забавно, что практически все французы, так или иначе связанные с литературой, имеют русские корни. Во всяком случае, из числа тех, кого я встречала. Французские аристократы, в свое время укрывшиеся в России от своего взбунтовавшегося народа, облагородили русскую нацию. Вот и белые русские, по-моему, оказали благотворное влияние на французов, добавив их демократии немного аристократизма. Правда, это в основном касается тех, кто уже даже и по-русски не говорит. Потому что остальные, которые кучкуются в православных храмах и, что называется, чтут свои обычаи, как правило, напоминают олигофренов.

Жаль, что нигде в мире нет такого острова, население которого полностью состояло бы из тех, кто бежал из своих стран после различных революций. Я хотела бы на нем жить. Главное, чтобы там был совершенно новый, ни на что не похожий язык, и культура, никак не связанная с прошлым тех, кто там поселился.

Иногда видишь перед собой какого-нибудь урода, а потом замечаешь на нем рубашку от Версаче или хотя бы крокодильчика Лакосты и сразу начинаешь думать, что не такой уж он и страшный. И, может быть, даже не дурак.

Это ли не свидетельство того, что люди уже превзошли природу в способности творить прекрасное?

Три зебры вырвались с фермы на улицы Брюсселя. Путешествуя по городу, животные несколько раз воспользовались наземными переходами, также известными как "зебры".

В пятницу ближе к вечеру хозяйка замка повезла всех на открытие книжной выставки в находящийся по соседству городок. Правда, я осознала, куда все собрались, только уже оказавшись в машине, так как целый день ни с кем не общалась. Черт, они все вырядились, особенно австриец, напяливший на себя красные штаны и желтые штиблеты – видимо, у них там в Австрии так принято – а я как была в футболке и брюках, так и поехала. С нами также отправился и муж хозяйки – датчанин. Классический алкоголик! Лицо одутловатое с синими подглазниками, а нос с фиолетовым оттенком. Внешне он чем-то похож на актера Краско, только постарше, и тот уже умер, а этот ничего, жив и довольно бодр, несмотря на преклонный возраст. Обычно он приходит вечером к аперитиву, сразу же вцепляется в бутылку вина и не успокаивается, пока все не выжрет. А поскольку к ужину тут положено всего две бутылки, то остальным, как правило, практически ничего не достается. У самой хозяйки тоже лицо достаточно испитое, хотя в молодости, думаю, она выглядела неплохо. Вообще, она – актриса и играет в местном театре, совмещая это занятие с обязанностями по управлению замком. А ее муж, помимо своего основного увлечения, связанного со спиртным, еще и писатель. И он, мне кажется, старше ее лет на двадцать. У мамы хозяйки замка, кстати, тоже совершенно алкоголический вид: красный нос, умильный взгляд и постоянно блуждающая по лицу блаженная улыбка. Она тут приходит иногда подработать в качестве кухарки, и, надо сказать, готовит лучше остальных. В целом же, у них, я думаю, дружная семья, потому что у них имеется общий интерес, и им есть, чем заняться на досуге.

Датчанин, муж хозяйки, всегда вел себя очень раскованно и за ужином, как правило, говорил без умолку на различные философские темы, потому что он, как я поняла, не просто писатель, а еще и социолог. Но в машине он стал так громко орать и размахивать руками, что я невольно подумала, что он находится не только под воздействием алкоголя, а употребил еще и какие-нибудь вещества. Всю дорогу он рассказывал про свою новую книгу, посвященную Брейвику, и при этом по очереди прицеливался во всех сидевших в машине то из воображаемого автомата, то из сложенного в виде двух пальцев правой руки револьвера, который энергично выхватывал из-за пояса театральным жестом, как это обычно делают герои американских вестернов. Поступок самого Брейвика он, естественно, осуждал, так как находил в нем все симптомы кризиса

европейской цивилизации. Даже Бен и австриец, которые сами часто квасили с ним вечером в саду у меня под окном, совсем притихли и сидели, вжавшись в сиденья, молча переглядываясь между собой. Похоже, они оказались не готовы к столь энергичной лекции по социологии. А хозяйка замка, наоборот, как и ее муж, пребывала в чрезвычайно приподнятом настроении, периодически заливалась громким смехом и время от времени резко нажимала на тормоза, чтобы потом стремительно разогнаться. Ну, а когда мы уже практически подъехали к пункту назначения, датчанин и вовсе всунулся по пояс из окна машины и стал палить по звездам все из того же воображаемого автомата. В результате, у меня появились серьезные сомнения, стоит ли возвращаться назад вместе со всеми или же лучше сесть на автобус, потому что так было гораздо надежней и спокойней. Но организаторы выставки устроили в честь открытия мощнейший фуршет, и на последний автобус я опять опоздала. У местной мэрии, судя по всему, много бабок. К счастью, на обратной дороге датчанин как-то совсем притих, вообще ничего не говорил и, сидя в углу, даже задремал, по-моему. Зато Бен с австрийцем теперь приободрились и наперебой рассказывали друг другу, с кем им удалось на выставке познакомиться. Особенно, как я поняла, преуспел австриец, который сумел вручить свою визитку какой-то богатой бабе-издательнице, решившей учредить после смерти своего мужа еще одну резиденцию для писателей, буквально в нескольких километрах от замка, и занимающейся сейчас ее обустройством. Разговор двух классических даунов, короче.

На само открытие выставки собралась толпа народу. Даже как-то странно для сельской местности. А в качестве почетных гостей, как я поняла, там присутствовали Амели Нотомб и Эрик-Эммануэль Шмитт. Правда, когда мы приехали, они уже ушли. Но я помню их по Парижу. Нотомб выпускает по книге каждые полгода, и поэтому у нее вся жизнь расписана буквально по минутам. При этом она утверждает, что никогда не пользуется компьютером, а все свои сочинения записывает ручкой на листочки бумаги, которые уже потом передаются наборщице. И это правильный ход, как мне кажется, вне зависимости от того, делает она так в реальности или же нет. Потому что она и так очень похожа на киборга, и работать на компьютере – для нее это, пожалуй, был бы уже перебор, тем более, что она достаточно часто пишет про любовь. Видимо, она и сама это чувствует, надо отдать ей должное. А от лица Шмитта, я помню, исходило прямо какое-то сверхчеловеческое сияние, особенно когда он улыбался, обнажая свои белоснежные зубы. Но, может быть, так было только тогда, потому что я встречалась с ним, когда еще прошло сравнительно немного времени после того, как он пережил озарение и пришел к Богу, а сейчас, возможно, это уже не столь сильно бросается в глаза. Интересно было бы на него посмотреть. Жаль, что я его не застала.

На заключительном чтении в зале собрались одни пенсионеры, причем не просто, а в возрасте за девяносто, как минимум. Давно я таких, да еще в столь внушительном количестве, не видела. Обычно на литературные вечера собираются личности, которые сами мечтают стать писателями. А этих, интересно, что сюда привело? Любовь к искусству? Желание поступить в Литинститут? Только потом до меня дошло, что они явились исключительно ради фуршета, чтобы выпить и пожрать на халяву: после того, как все кинулись к накрытым столам. И у них у всех, между прочим, тоже лица типичных алкоголиков. Один ко мне приковылял выразить восхищение, так у него даже белки глаз не белые, а красные. Обычно подобное бывает с очень большого перепоя – это я хорошо по себе знаю. А ведь ему уже все сто, по-моему: сгорбленный, с клюкой, весь трясется и еле передвигается. Он, думаю, и ко мне направился именно потому, что первым к столу ему все равно было не успеть, и он это прекрасно понимал. А раз ты не можешь быть первым там, то стоит попробовать стать первым здесь, богатый жизненный опыт помог ему оценить обстановку и принять разумное решение. Нет, все-таки, Швейцария – это определенно страна алкоголиков-долгожителей! Вчера я лишний раз в этом убедилась. Так что, возможно, алкоголь не так уж и вреден для человеческого организма, и, на самом деле, с ним дела обстоят, как, к примеру, с загрязнением окружающей среды, про которое тоже все вокруг постоянно трывают. В девятнадцатом веке с экологией проблем не возникало, а средняя продолжительность жизни раза в три, кажется, была меньше, чем сейчас. То есть, получается, что химия, выхлопные газы и прочие отходы промышленного производства оказывают благотворное воздействие на организм человека. Факты, во всяком случае, свидетельствуют именно об этом. Вот и я вчера, глядя на столетних

старцев с бутылками и бокалами в руках, могла собственными глазами убедиться, насколько полезны спиртные напитки для достижения людьми долголетия.

Я читала по-французски, естественно. Правда, при таком раскладе, наверное, можно было вообще не напрягаться и изъясняться на родном языке: мало ли кто из пришедших никогда не слышал звучания русской речи, то на закате дней восполнил бы этот пробел, по крайней мере. А так, даже не знаю, какой в моем выступлении был смысл. Тем более, что даже хозяйка замка решила проигнорировать данное мероприятие, оставив писателей наедине с восторженной и полной жизненных надежд публикой. Хочется верить, что присутствовавшие в зале хотя бы не забыли дома слуховые аппараты. Насчет зрения я спокойна, потому что с годами, как известно, у людей развивается дальновзоркость. Поэтому те, что сидели в задних рядах, возможно, видели меня даже яснее расположившихся ближе. Зато зрители из первого ряда могли лучше меня слышать...

Сразу вслед за мной к микрофону подошел австриец, и опять в красных штанах, правда, вместо желтых ботинок на ногах у него на сей раз были кроссовки. Потому что ботинки по поводу этого торжественного случая он одолжил Бену, который явился на выступление в своей обычной футболке и потертых джинсах. Непонятно, зачем ему тогда понадобились ботинки? А австриец, оказывается, притащил с собой из Австрии еще и целый чемодан книг и расставил их во время своего выступления буквально повсюду: на столы, стулья, на камин, на шкаф, а кое-что – даже прямо на пол. После чего начал тыкать в них по очереди указкой: «вот тут я пишу про любовь, а вот тут – про послевоенное детство моих папы и мамы...» Причем делал он это не просто в целях пропаганды собственных произведений, а, как потом выяснилось, в надежде их продать, оценив каждое в двадцать шесть франков. Тем, кто заинтересуется, естественно. Но таковых, увы, не нашлось. Поэтому придется ему теперь тащить свой чемодан назад, да еще и заплатить в самолете за перевес, потому что такое количество книг явно потянет килограмм на тридцать, не меньше. Честно говоря, когда я впервые его увидела, и услышала, что он интересуется Ницше, то подумала, что он просто дурак. Тогда как Бен мне сразу показался непосредственным и жизнерадостным дауном. А сейчас я даже не знаю, кто из них двоих тупее. Один другого стоит, по-моему: оба дебилы.

Единственное, я довольна тем, как баба из комитета, курирующего замок, меня представила публике. Она где-то полчаса, по-моему, говорила, перечислив чуть ли не все мои заслуги и достижения. Интересно, где она умудрилась все это нарыть? Только про «Дантеса» она почему-то ничего не сказала. Поэтому после, во время фуршета, я попыталась восполнить возникшую лакуну, но у двух старух, членов местного СП, когда я стала разъяснять им происхождение названия этого журнала, лица реально вытянулись от ужаса. Почему-то их прямо всех перекосило. А я так и не поняла, почему. Чего они испугались? Дантес же, вроде, не Гитлер. Черт! Они меня даже напугали своей реакцией.

В завершение баба из комитета решила зачем-то – видимо, для галочки – рассказать еще и про итальянскую поэтессу, которая уже отправилась домой в связи с возникшими у нее личными проблемами, и почему-то говорила о ней так, как обычно говорят про покойников: «Элиза преждевременно покинула нас, но мы все ее помним, и поэтому я хочу прочитать вам ее стихи...» А итальянка, между прочим, перед отъездом проговорила, что уезжает, потому что решила завести себе ребеночка, и у нее подошла очередь на искусственное оплодотворение. И я не исключаю, что она так неожиданно объявила о своем отъезде, потому что до последнего надеялась сэкономить бабки и решить этот вопрос естественным путем. Но после подумала хорошенько, прикинула все «за» и «против», посмотрела на тех, кто ее окружает, и решила не рисковать. Уж лучше один раз заплатить. А то потом родится у тебя поэт, и будешь всю жизнь мучиться.

Что из себя представляет типичный писатель прошедших двух десятилетий? Если бы меня попросили создать его собирательный портрет, используя исключительно визуальные образы, то я бы изобразила его на фуршете и с пластиковым стаканчиком в руках. Вот этот стаканчик кажется мне наиболее характерной чертой людей искусства рубежа двух тысячелетий, на фоне которой теряются все остальные детали и факты их биографий.

Профиль Гельдерлина, который я заметила на пляже на ноге Бена и даже его сфотографировала, оказался печатью литературной премии. Это что-то типа премии Белого – только у нас вручают бутылку водки и рубль, а у них ставят соответствующий штамп. Ну, разумеется, сам бы он себе такую татуировку сделать никогда не додумался. А если бы сделал, то премию бы вряд ли получил. Подобными премиями обычно награждают личностей с хорошим вкусом.

В уходе Рембо из литературы есть что-то неприятное. Хорошо знаю это по себе. Бывает, какой-нибудь тип надоедает тебе своими звонками и письмами, предлагает для прочтения рукописи, а потом встречаешь его случайно на улице, и выясняется, что он уже больше не поэт, а торгует оружием. Зачем, спрашивается, было отнимать чужое время и силы? Ненавижу подобный жанр.

Поэтому я стараюсь избегать соприкосновения с такими личностями не только в качестве друзей, но и врагов. Если я кого-то не люблю, то мне тоже важно знать, что и через десять лет все мои усилия для того, чтобы ему нагадить, не пропали даром. То есть он должен продолжать барахтаться, чтобы как-то удержаться на поверхности, и я могла спокойно продолжать его топить. С этой точки зрения, недоброжелателей и противников тоже лучше выбирать помоложе, чтобы они не исчезли раньше времени в небытии по состоянию здоровья.

Когда я слышу слово «культура», я вспоминаю Геббельса.

Не буду говорить о красоте, поскольку считается, что она дается людям от природы. Я так не думаю, но допустим...

Может быть, в таком случае, существует род деятельности, который накладывал бы на человека печать интеллекта? На лицах ученых, я заметила, обычно присутствует расслабленная просветленная улыбка, как у Эйнштейна, делающая их похожими на добродушных дурачков, привыкших считать себя умнее других. Или же они напоминают обиженных на весь мир мрачных сумасшедших, как математик Перельман. В любом случае, как правило, бывает достаточно одного взгляда, чтобы понять, что мозг человека науки слишком перегружен решением специальных проблем и не способен полноценно обрабатывать общедоступную информацию. Не говоря уже о том, что именно физики вместе с геологами и другими представителями естественных наук стояли у истоков такого дегенеративного жанра, как бардовская песня. А как выглядит среднестатистический автор-исполнитель с гитарой, думаю, все себе прекрасно представляют.

Политики, возможно, и не так глупы, как кажется. Однако проверить это фактически нереально, поскольку они постоянно вынуждены изображать из себя кретинов, видимо, чтобы отбить у потенциальных конкурентов всякое желание заседать с ними где-нибудь в парламенте или правительстве.

Все бизнесмены просто идиоты. Даже не знаю, чем это объяснить.

Православные священники покрыты густой растительностью, и их практически невозможно отличить друг от друга. По этой причине мне сложно сказать что-либо определенное про их внешность. Однако, судя по тому, что они обычно говорят, а также по физиономиям представителей других конфессий, им определенно есть, что скрывать.

Про писателей я уже до фига всего говорила. Но тут еще проблема в том, что личности, имеющие дело с обыкновенными словами, вообще не испытывают никакого сопротивления материала. В отличие от скульпторов, например, которым приходится долбить камни. Поэтому я не уверена, что занятие литературой оказывает какое-либо влияние на облик писателей. Особенно сейчас, когда буквально все что-то пишут и ведут собственные блоги в интернете. В данном случае, наверное, даже можно проследить обратную зависимость: чем дебильнее выглядит тот или иной тип, тем с большей вероятностью можно утверждать, что ты имеешь дело с писателем. То есть определяющим фактором для этой профессии является именно внешность.

Художники, как правило, бывают отморозками с красными носами. Или же они напоминают сомнамбул и пребывают в постоянном полусне, но это, если они не квасят, а курят «травку». Но

тут, опять-таки, больше сказывается не то, чем они занимаются, а их образ жизни. Я, по крайней мере, уже даже и не помню, когда в последний раз встречала художника, который вообще умел бы рисовать. По-моему, в эпоху беспредметной живописи и всевозможных инсталляций им это не требуется. Точно так же, как и поэтам – рифмы, например. Встречаются, правда, иногда старательные и скромные творцы типа Филонова. И вот таких у них принято считать гениями. При том, что Филонов со стороны производит впечатление откровенного олигофрена, даже по сравнению с остальными.

Не знаю, может быть, у каких-нибудь преступников или же воров в законе не такой тупой вид, как у других. Пожалуй, им еще удастся сохранить некоторый романтический ореол. Поскольку, если, к примеру, кто-нибудь вернулся домой и увидел, что его квартиру ограбили, то того, кто это сделал, он уже обычно не застает, так как тот уже покинул помещение и растворился в ночи. И в банки они тоже всегда являются в масках, так что сотрудникам и посетителям крайне редко удастся их разглядеть. Вот это обстоятельство и оставляет у меня надежду, что хотя бы в криминальной среде можно потенциально встретить интеллектуалов, которых просто пока никто не видел. И, действительно, если преступник много лет занимается своей деятельностью, а его до сих пор не поймали, и поэтому никто не знает, как он выглядит, то он, возможно, и вправду не так глуп. И это только те, кого ловят и показывают потом в передаче «Человек и закон», похожи на дегенератов. Все логично, по-моему.

Почему же тогда у человечества настолько сильно развито самомнение по поводу собственных умственных способностей, если буквально все его представители, чем бы они ни занимались, внешне производят впечатление дураков? Если бы завтра, в частности, на Землю прилетели инопланетяне, мне кажется, они были бы неприятно поражены. Еще бы. Они вложили кучу бабок в создание супермощных ракет, потратили лучшие годы жизни на перелет, может быть, даже без шанса дожить до возвращения домой к своим близким, и все ради того, чтобы обнаружить в космосе братьев по разуму. И кого они в результате увидят? Сборище каких-то недоумков. Безусловно, если они потом копнут поглубже и узнают, что тот же Эйнштейн придумал теорию относительности, то, возможно, они свое мнение и изменят. Но первое-то впечатление будет именно таким. Они ведь так могут и улететь, толком ни в чем больше не разобравшись.

Я думаю, что в столь завышенной самооценке, свойственной большинству людей, во многом виновато кино. Просто актерам в отдельных фильмах, действительно, иногда более-менее удается воплотить на экране образ какого-нибудь гения или же не совсем законченного придурка, а зрителям потом кажется, что такие и в реальности тоже встречаются. При этом сами исполнители этих ролей в жизни точно так же, как и остальные люди, обычно страдают слабоумием. Даже если актер и считается интеллектуалом, то он, я заметила, практически всегда занимается сочинительством жуткой графомании и интересуется книгами, утратившими свою актуальность лет сто назад. То есть репутация не совсем полного дурака вполне может сохраняться у актера, благодаря сыгранным им ролям, но только до тех пор, пока он жив. Поскольку чаще всего факты его увлечения поэзией и интереса к философии всплывают уже после его смерти, когда его коллеги по профессии начинают их всячески обсасывать и с нескрываемым восторгом делиться с окружающими свидетельствами того, какой умный и разносторонне одаренный человек жил и трудился рядом с ними. Чтобы зрители не думали, что в их среде встречаются одни имбицилы, вроде них, которых вообще больше ничего не интересует, кроме как выпить и пожрать.

За время пребывания в замке я окончательно убедилась, что жанровые различия между людьми гораздо значимее национальных, и поэты отличаются от прозаиков сильнее, чем, к примеру, русские – от немцев или датчан. Правда, и внутри прозы имеются непреодолимые рубежи. В частности, большая часть человечества существует по законам «женского романа». И только это обстоятельство, видимо, оправдывает присутствие в современном мире религии, которая, если исходить из логики развития человечества по пути прогресса, уже давно должна была бы исчезнуть.

Христос – это типичный для занимательного чтения положительный герой, практически пустое место, персонаж без каких-либо характерных свойств, вобравший в себя традиционный набор штампов от любви к ближним до готовности к самопожертвованию, каких в реальности просто-напросто не бывает. Однако его присутствие делает жизнь домохозяек, а также их мужей,

мамаш и знакомых более увлекательной. Без него они, скорее всего, совсем не знали бы: чем заняться, кого любить и кого ненавидеть.

Отдаляясь от мира, ты все равно погружаешься в мир идей, которые не менее уродливы, чем те, кто их породил. Сами люди, в определенном смысле, даже более безобидны: просто говорящие куски мяса.

Что-то я уже устала бродить по лугам и горам. В Петербурге хотя бы улицы есть, и он расположен на равнине. Здешние жители, наверное, принимают меня за сумасшедшую, а некоторые уже здороваются. Хотя здесь, как и во Франции, вообще все здороваются, к тому же тут сельская местность. Вчера в соседнем городке видела старуху, в точности как моя бабушка в Шепетовке: в таком же платке и цветастом халате, и выражение лица такое же злобное. Но говорила она со мной достаточно приветливо и подробно объяснила, где у них лучше купить вино, которое они сами производят. И сразу же из окошка дома, где мы стояли, высунулась баба в шляпе с широкими полями и перьями и тоже поздоровалась. Наверняка, она специально эту шляпу на себя напялила, чтобы мне продемонстрировать. В окрестностях тут пасется огромное количество овец, и еще почему-то повсюду бродят дауны. Их реально много. А вот людей почти не видно – вокруг одни тупые овцы и дауны. Но это лучше, чем сумасшедшие, на которых на каждом шагу приходится наткаться в Париже. Дауны, все же, поприятней и ведут себя спокойно, ни на кого не бросаются и не орут. Правда, один жирный даун за мной на прошлой неделе все-таки увязался и долго шел сзади, повторяя как автомат: “Мадам, мадам..” Потом, на обратном пути я его опять заметила с вершины холма и опознала по его манере подтягивать штаны на жирной жопе, поэтому села на скамейку переждать до двенадцати тридцати, когда они тут все жрут, и, точно, в это время его уже там не было. У них тут все по расписанию, как у роботов. И откуда, интересно, эти дауны берутся? Хотя здесь неподалеку располагается дурдом, где работает одна из кухарок замка. Наверное, их выпускают оттуда прогуляться. А, может быть, кстати, наиболее смирным сумасшедшим там тоже разрешают выходить. Надо это иметь в виду, на всякий случай. Потому что тихие по-своему даже опасней буйных, поскольку издали их практически нельзя отличить от обычных людей, они ведь не вопят и не скачут, а когда к тебе приблизятся, то может оказаться уже поздно.

И еще хозяйка замка куда-то делась. Уже три дня ее не видно, после того, как ее муж уехал на писательскую конференцию в Бонн. И в результате, холодильник совсем опустел. Похоже, она решила уморить всех голодом, так как жрать вообще стало нечего. Хорошо хоть кухарка вечером приходит и готовит ужин. Черт! Еще и месяца не прошло, а тут все как-то разладилось и дезорганизовалось. Пора, наверное, уже отсюда сваливать. Австриец позавчера напился, бродил ночью по коридору и орал: «Бен! Бен!» - а потом постучал ко мне в дверь и попросил сигарету. Он в последнее время совсем опустился, не бреется и ходит в пижамных штанах, нечесаный и с крошками на лице. Не представляю, как он потом будет адаптироваться к нормальной жизни, наверняка, ведь угодит в дурдом. Он, мне кажется, явно равнодушен к Бену. И американка, по моему, тоже. Она, я заметила, с ним постоянно кокетничает. Она тут самая старшая – ей уже за шестьдесят – и в принципе, самая вменяемая. У нее, по ее словам, есть роскошный дом в Мексике, куда она всех постоянно приглашает. Вчера она даже разослала фото со строением, напоминающим сарай. Еще у нее там есть сосед, который давно в нее влюблен и уже несколько раз делал ей предложение руки и сердца, хотя так он вообще-то трахает лошадей, и это всем там в округе известно. А у Бена, кстати, есть баба, с которой он целыми днями треплется по телефону.

Воры украли ботинки узников концлагеря Майданек. Это уже не первое воровство на территории музея: ранее из Майданека злоумышленники похищали пепел жертв и кепку заключенного.

Благодаря переводчикам сериала «Мост» открыла для себя прекрасную сентенцию: «Зубов бояться – в рот не давать!» Помню, я как-то познакомила одного французского слависта, который по-русски изъяснялся исключительно матом, с выражением: «Пиздуйте по холодку». Даже странно, что он его не знал, а я его вспомнила в связи с постоянно транслировавшейся тогда по ТВ рекламой колготок «Эледуе»: «Надеваю и иду». После чего он целый вечер только одно это и повторял, заливаясь счастливым смехом.

А в замке я подсказала американской поэтессе словосочетание «жопа мира», причем тоже совершенно случайно, просто пытаюсь подобрать нужные слова для определения места, где мы с ней находимся. Так что я довольна: во время своего пребывания в Швейцарии культурную миссию по пропаганде родного языка я полностью выполнила.

Вернулась домой и сразу же встретила рядом с помойкой бомжа, похожего на Жана Жене. Практически полная его реинкарнация: немного сутулится и даже сигарету так же держит.

Приятно, что в Петербурге бомжи напоминают Жене, тогда как в Париже, в основном – Достоевского и Некрасова.

Всякий раз, открывая кабинку туалета в торговом центре Галерея на Лиговском, я ожидаю увидеть там сидящий на унитазах труп с перерезанным горлом, как в одной из серий последнего сезона CSI. Потом меня забирают в полицию и долго допрашивают, после чего включают в программу защиты свидетелей. Сменив имя, я уезжаю на Кипр, где, поселившись в уютном домике на берегу моря, доживаю остаток дней вдали от мирской суеты...

Но, наверное, это было бы слишком большой удачей. Реальная жизнь, увы, мало похожа на кино.

У искусства и общества диаметрально противоположные задачи: общество готовит человека к жизни, а искусство – к смерти, и поэтому общество порабощает, а искусство освобождает, так же, как и смерть освобождает человека от жизни, а по большому счету, и вообще от всякой ответственности.

Отвечая на вопросы глянцевого журнала, сказала: «Я всегда старалась максимально ограничивать в себе любые гуманистические порывы, которые считаю крайне опасными симптомами духовной расслабленности. Искусство -- это сфера сверхчеловеческого. Добром и нравственностью занимаются политики и находящиеся у них на содержании критики, а художник призван служить красоте!»

По-моему, неплохо звучит. И там вокруг, наверняка, будет много всяких красивых бутылочек и коробочек с бантиками, где рекламируется косметика и духи. Ты как будто погружаешься в мир, наполненный чудесными фимиамами и роскошью. Как в сказке!

Никогда не понимала тягу людей искусства к героическим поступкам. Маринетти, например, просто сильно повезло, я думаю. Итальянские фашисты проиграли и таким образом стали преступниками, что и позволило этому поэту сохранить романтический ореол. А что было бы, если бы они победили? Стоит ли так рисковать, когда можно пойти и ограбить банк, скажем, если уж очень хочется адреналина? Такой поступок, по крайней мере, гарантирует гению отсутствие мемориальных досок, названных в его честь улиц и прочих вульгарных атрибутов, ставящих под сомнение его умственные способности и эстетическое чувство.

Помню, мой дедушка сравнивал меня с Ольгой Кобылянской и даже показывал мне ее портрет, бережно хранившийся у него в тумбочке, и мне это сравнение почему-то было приятно. До сих пор с грустью вспоминаю, что во время выступления на одном из праздников в детском садике в Шепетовке мне не досталось красивого украинского костюмчика с разноцветными лентами: таких костюмчиков было очень мало и мне не хватило. Меня же заставили вырядиться в унылый русский сарафан, напоминающий балахон и ужасно меня раздражавший. Так что хотя бы теперь я решила ни в чем себе не отказывать.

Иногда просыпаясь по ночам, я открываю американскую «Энциклопедию серийных убийц», которая всегда лежит на столике рядом с моей кроватью. И это чтение немного меня успокаивает, помогает избавиться от преследующих меня кошмаров.

Прежде всего, гений должен быть одинок. То есть гений отличается от остальных людей тем, что старается держаться от них подальше, ибо, иначе, зачем ему было бы вообще писать – он мог бы просто разговаривать. Далеко не все писатели, конечно, являются гениями, однако обычные люди, как правило, писателями не становятся. Им это просто не нужно, поскольку они постоянно общаются друг с другом, делятся впечатлениями, обсуждают погоду, новые фильмы и т.п.

Другое дело, что порой бывает довольно сложно отличить письмо от устной речи. Почти вся современная литература, например, является обычной обывательской болтовней. В то время как человек, склонившийся над рукописью или мечтательно вззирающий на луну с пером в руке, определенно больше похож на гения, чем остальные люди.

Не стоит также забывать, что одно из главных удовольствий, которое писатель получает от сочиненной им книги, заключается именно в том, что на нее ему практически никто не может ответить. Писатель оттягивается на полную катушку, поливает весь мир грязью или, еще хуже, достает читателей своими нравоучениями, а тем ничего не остается, как бежать на почту и упаковывать свое возмущение в какие-то жалкие конвертики и отправлять их на адрес издательства. Но все равно никто из них не может быть уверен, что его письмо дошло до адресата. Есть, конечно, еще и критики, которые являются своего рода делегатами от читателей, но их, к счастью, единицы. Разумеется, даже эти единицы – и те порой доставляют писателю много хлопот и всячески стараются сломать ему кайф.

Тем не менее, так называемое «человечество» уже много веков борется со всевозможными пороками, а наркотики, публичные дома и алкоголь в той или форме продолжают существовать. Вот и с традиционной литературой, я убеждена, в обозримом будущем никому справиться не удастся, сколько бы там все ни говорили об ее исчезновении под натиском новых технологий, интернета и т.п.

Мне всегда нравился 18-й век с его красочными нарядами, маскарадами, напудренными париками и покрытыми толстым слоем пудры лицами – в отличие от искусства и моды двадцатого столетия, где слишком явно прослеживается тенденция к разрушению форм и обнажению. Не думаю, что это верный путь. Раздеться человек может только один раз, а одежда таит в себе гораздо больше возможностей, в том числе и для того, чтобы выделиться из толпы и привлечь к себе внимание окружающих, если вдруг возникнет такое желание.

Вот и я выбрала для себя яркую и выразительную «маску» в виде своего псевдонима, который до сих пор многих пугает. И это забавно.

Истинное предназначение писателя заключается в преодолении литературы. А когда писатели становятся писателями, да еще начинают получать за это деньги, то у них в голове часто возникает серьезная путаница, и они перестают понимать, чем они на самом деле должны заниматься. Такая же неразбериха воцаряется и в мозгу читателей, которые и без того постоянно путают писателя с

писателем, и наоборот. Поэтому я считаю, что писателю желательно иметь какую-нибудь далекую от литературы профессию и заниматься на досуге чем-нибудь попроще: например, лечением людей, адвокатской практикой, бизнесом или даже политикой.

Все, что связано с внешним успехом, почти всегда бывает сопряжено с какими-то абсурдными и случайными обстоятельствами. Не так давно, к примеру, мне попалась заметка, посвященная молодым годам Ален Делона, где содержались намеки на несколько достаточно «темных» лет его молодости, когда он подрабатывал танцовщиком в ресторане, а потом, благодаря связям с мафией и еще чему-то такому, что вызывало у автора статьи явное осуждение, сумел подняться и прославиться. Так вот, я этого осуждения абсолютно не разделяю. Наоборот, думаю, что французенкам сильно повезло, и они должны быть признательны Делону за то, что видели все эти годы на экране именно его лицо, а не физиономию какого-нибудь более хваткого урода. Российским телезрительницам, в частности, в этом отношении сейчас повезло куда меньше.

То же самое можно сказать и про писателей. Читателям одной страны в определенный период времени везет больше, другим – меньше. Однако путь к успеху самого автора крайне редко бывает хоть как-то связан с его способностями к литературе.

Я и сегодня неплохо отношусь к Блоку. Но если бы он был жив и устроил, к примеру, свой вечер, я бы на него не пошла. То есть дело не только в том, что в наши дни больше нет титанов и гениев, как многие думают. Все несколько сложнее.

Врачи, по моим наблюдениям, реагируют на упоминание интернета еще болезненнее, чем писатели. «Ну, вы побольше читайте, что там пишут!» - с возмущением воскликнул хирург-старичок с бородкой, разглядывая мой распухший у ногтя палец. Это он так откликнулся на мои слова об обнаруженных мной в сети способах лечения подобных воспалений. И ведь, действительно, в скором будущем человечество сможет запросто обходиться без большинства представителей этой профессии. Хирургам, кстати, следует больше опасаться конкуренции роботов, а ко всяким там терапевтам уже сейчас можно не ходить: отсканировал анализы, и компьютер выдал тебе диагноз.

Забавно, что до самого последнего времени я о такой перспективе даже не задумывалась. Люди чаще всего сами выдают свои слабые места.

Избавившись от пагубного воздействия учения Маркса, русский народ стал жертвой отсутствия влияния идей Фрейда.

Жить стало хуже, жить стало скучнее.

Политологи напоминают мне экс-чемпионов мира по шахматам на пенсии, которые, стоя перед подвешенной к стене демонстрационной доской с картонными фигурками, тычут в нее указкой: «Эта партия уже разыгрывалась в 1937-ом году...»

Хорошо, если так. Я бы тогда точно выиграла.

Мой сосед за стеной не только целые дни напролет брэнчит на пианино, но еще и периодически врубают по вечерам, а иногда даже ночью, телевизор на полную мощность. При этом в репертуаре у него в основном Шопен, Моцарт, Брамс, Бетховен и прочая классика. Ужасно утомляет. А ведь, если подумать, то, по крайней мере, звуки, которые он извлекает из клавиш, могли бы восприниматься мной не как шум, а как прекрасная музыка.

Стремление Штокхаузена и других авангардистов превратить какофонию, скрипы и стук в музыку, с этой точки зрения, выглядит вполне оправданным. Они заботились о душевном спокойствии таких, как я. Благодаря им, невнятный гундеж телевизора за стеной сейчас почти ласкает мой слух и уж, во всяком случае, раздражает гораздо меньше, чем Полонез Огинского.

Сравнение людей с собаками, слонами и крокодилами оскорбительно для животных, а отождествление правящей партии государства с жуликами и ворами унижительно для представителей уголовного мира.

Чем больше боты становятся похожи на людей, тем приятнее их банить. Еще одно косвенное подтверждение того, как важно ненавидеть людей. Это чувство придает смысл даже самым будничным и незначительным делам и поступкам. Когда-нибудь, когда роботы достигнут полной идентичности с людьми, их можно будет запускать в специальные тиры и расстреливать из пистолетов и автоматов. Возможно, это удовольствие будет достаточно дорогим, но главное, что твое будущее не будет омрачено перспективой полицейского преследования и морального осуждения окружающих. Просто заплатил деньги и получил удовлетворение.

Толстая баба за кассой в овощном магазине недалеко от моего дома всякий раз, когда туда забредают одинокие посетители, небрежно швыряет чек в их корзинку с покупками и молча отворачивается к стене, не отвечая на их кивки и слова благодарности. Таким образом, она сделала свою работу увлекательным и полным драматизма занятием, в то время как ее сменщицы просто целый день тупо ерзают на стуле, зевают и слушают русский шансон. Более того, если бы не она, я бы, наверное, вообще этот магазин игнорировала, потому что там жутко тесно и покупать особенно нечего. А так, я иногда туда захожу, чтобы взбодриться и получить заряд жизненной энергии. Подойдя к кассе, я кидаю деньги за покупки в блюдечко и, не проронив ни слова, беру сдачу, стараясь не дать жирной кассирше ни одного шанса почувствовать, будто я заметила, что она уже отвернулась от меня к стене. И, как правило, мне это удается, поскольку я действую сознательно, а она, видимо, больше по наитию. Поэтому все удовольствие, которое она обычно получает от подобной процедуры, достается мне. В любом случае, ее злоба и презрение к людям, определенно, сделали мою жизнь более осмысленной и интересной.

Если в мошонке художника, действительно, уже была дырочка от пирсинга, то эта акция с прибавлением ее гвоздем к брусчатке Красной площади не такая уж и тупая. Тут есть элемент искусства.

Стоит только что-нибудь понять, как ты перестаешь это чувствовать. Поэтому личности, познавшие окончательную истину бытия типа «первичности материи» или же «существования Бога», обычно и действуют, как роботы. Их уже ничем не прошибешь. Да я и по себе могу сказать, что ни религия, ни большинство явлений искусства меня больше не волнуют, так как я их слишком хорошо понимаю. Хотя это не только моя проблема. Писатели, художники, верующие и политики не делают ничего такого, что выходило бы за границы моего знания. Они тоже виноваты. У меня даже есть подозрение, что каждый из них сначала открыл для себя какую-то истину и так на ней и остановился, перестав развиваться. А я уже только потом поняла то, что открылось им. Сама бы я, наверное, не знала сейчас вообще ничего. Однако чьи-то совершенно ненужные мне озарения и безумия, подобно мусору, засоряют мой светлый внутренний мир.

Однополые браки – последняя надежда поборников традиционных ценностей. Больше сегодня семья никому на фиг не нужна.

У одного из горняков, погибших на шахте в Кемеровской области, обнаружены наркотики.

Натолкнулась вчера случайно на небольшую заметку про Макдональдс. Даже бегло ознакомившись с методами, которые используют там при отборе кадров и работе с клиентами, понимаешь, насколько владельцы этой сети общепита круче современных политехнологов. Об издательствах, литературных журналах и галереях я вообще не говорю.

И меня это совсем не удивляет. Самое эстетское сообщество Живого Журнала тоже ведь было посвящено еде. С теми, где обычно обсуждают литературу, не сравнить, во всяком случае. Так что и встреча писателей с президентом еще абсолютно ни о чем не говорит. Гораздо хуже было бы, если бы на подобный форум собрались повара и кондитеры. Не только духовной пищей, к счастью, жив человек.

Молода и прекрасна, Адель, а теперь еще и Нимфоманка... Прогнившая Европа все больше погружается в глубины телесности, в то время как Россия возносится над миром к вершинам духовности.

Следует все-таки понять, что личности, устроившие недавно грандиозное всероссийское писательское собрание, не имеют особых иллюзий насчет бабок и прочих привилегий, какие были у представителей творческих профессий в СССР. Им просто нравится играть в СП, так как они получают от этого чисто эстетическое удовольствие наподобие того, как кто-то воображает себя в мечтах на башне Вячеслава Иванова, например.

Мир спасет красота, но это будет недоступная толпе и открытая исключительно взору избранных красота, о которой и заявила недавно во время своего программного выступления в Берлине депутат Думы.

Я думаю, что, уже только продемонстрировав абсолютную тождественность коммунизма и христианства, Россия выполнила свое историческое предназначение. Благодаря ее бесценному опыту, человечество сможет избавиться от множества идеологий, ничтожность и бессмысленность которых стали теперь очевидны буквально всем. И тогда люди, наконец, начнут жить, подчиняясь исключительно законам природы, как это и происходит в животном мире, частью которого они всегда были.

Еще я думаю, что если люди мне неинтересны, то это исключительно их проблема. Это ведь они всю жизнь старались понравиться нужным им личностям, устраивались на работу, заполняли анкеты, составляли CV, защищали диссертации, совершенствовались, одевались соответствующим образом, вырабатывали определенные интонации, походку, осанку, возможно, даже репетировали перед зеркалом... И вдруг с кем-то из них наши пути пересеклись. Я, что ли, виновата? Встреча со мной никогда не входила в их планы.

Графомания – страшная сила, хотя далеко не все это понимают. Я заметила, что даже если человек вообще ничего никогда не сочинял, и то можно надолго завоевать его благосклонность, просто сказав: «Как вы замечательно говорите! Вам обязательно надо писать». Или даже: «Как жаль, что вы ничего не писали!» – если вы имеете дело с тем, кому уже под девяносто, с трясущимися руками и капающей изо рта слюной. Не исключено, что при определенном стечении обстоятельств вам еще и отломится часть его бабок по завещанию. Странно, что вот уже на протяжении многих

веков к умирающим приглашают священников, а не маститых писателей и критиков, которые могли бы подбодрить лежащего на смертном одре подобными словами. Да и во время заупокойной мессы родственникам усопшего, наверняка, было бы приятней послушать небольшой доклад о ненаписанных романах и поэмах навсегда покинувшего этот мир близкого им человека, а не о туманных перспективах достижения им загробного блаженства. Такой вдохновляющий пример позволил бы им дальше жить с сознанием, что они теперь стали счастливыми правообладателями несуществующих и поэтому не подверженных тлению гениальных книг, не говоря уже о способностях к литературе, которые, наверняка, кому-то из них должны были передаться. Спецслужбы, мне кажется, тоже могли бы это как-то использовать при вербовке агентов. Однако они почему-то предпочитают действовать по старинке, подсылая к политикам и работникам оборонного сектора баб, хотя такой метод куда менее эффективен.

Советский Союз стал могущественной сверхдержавой исключительно потому, что его граждане осознавали себя причастными к великой русской литературе девятнадцатого века. А теперь? Жителям России предлагают взамен какую-то жалкую религию. Тот, кто до такого додумался, абсолютно не разбирается в человеческой психологии.

Сам подозреваемый объяснил тягу к воровству курьезным образом: дескать, ему стало скучно, а спать не хотелось

Существует множество ситуаций, когда действия отдельных личностей или же групп могут быть определены как занятие проституцией. При этом те, кто вполне сознательно посвятил себя непосредственно этой древнейшей профессии, как ни странно, вызывают у окружающих наименьшее раздражение, а иногда даже сочувствие, особенно по сравнению с остальными. И наоборот, чем дальше тот или иной индивид по роду своих занятий и служебному положению находится от жриц продажной любви, тем большее отторжение он провоцирует.

Нечто похожее происходит, и когда речь заходит о порнографии.

У меня, в частности, до сих пор сохранилось ощущение от научного открытия математика Перельмана, будто я стала свидетельницей чего-то крайне неприличного. Причем такого, с чем мне ни до, ни после больше сталкиваться не приходилось. А ведь, казалось бы, что может быть общего у танцев в ночном клубе вокруг шеста и точными науками? Но, видимо, деятельность математиков обычно бывает столь туманной и скрытой от глаз посторонних, что внезапное публичное обнажение уникальных интеллектуальных способностей человека в данной сфере и произвели на меня впечатление совершенного прилюдно стриптиза. Возможно, эффект усилился еще и одновременной демонстрацией какой-то абсолютно нечеловеческой и гипертрофированной скромности, выразившейся в отказе от причитающейся за научное достижение крупной суммы. Правда, все это чуть позднее было несколько смазано столь же очевидной для всех недоразвитостью, если не сказать, неполноценностью субъекта. Но первоначальное ощущение я все равно и сейчас помню.

Вот это я и считаю порнографией в ее самой неприятной и отталкивающей форме. Как, впрочем, и выставленные на всеобщее обозрение страдания Иисуса Христа.

Римский Папа признался, что в молодости работал вышибалой в ночном клубе, и это занятие помогло ему потом привлекать людей к Богу. Жаль, что оно никак не поспособствовало постижению им истины. Сейчас, думаю, у него уже шансов нет.

Широко распространено мнение, что личности, имеющие тайную склонность к однополрой любви, с особой неприязнью относятся к представителям сексменьшинств, так как присутствие последних

в этом мире делает явным их собственную сущность. Если это так, то я, наверное, по своей натуре какая-то совсем неземная и возвышенная.

Проникновенно-одухотворенные лица всегда вызывали у меня тошноту.

Всегда жалею, когда герои развенчиваются и приравниваются к преступникам. Это их сильно облагораживает.

В человеческом мире, с чего бы ни начинались всевозможные идейные столкновения, почти сразу всем становится понятно: кто прав, уже не имеет значения, и осталось только выяснить, кто сильнее. Именно по этой причине тот, кто изначально сделал ставку на силу, больше других рискует проиграть. Зато его будет утешать сознание своей правоты.

Вот почему истина у большинства людей ассоциируется исключительно с тупостью.

Стоит только пообещать людям какой-нибудь нереально высокий процент на вложения, как они выстраиваются в километровые очереди ко всем подразделениям МММ и другим подобным финансовым учреждениям. Нарисуй им перспективу оказаться в окружении семидесяти девственниц, и они будут взрывать самолеты и себя.

Главная проблема православия, в этом смысле, заключается в крайне туманном описании обещанного рая, которому явно не хватает конкретики. Плюс на редкость гнусные физиономии самих верующих. Провести целую вечность среди таких рож гораздо хуже, чем посидеть пару раз в месяц на заседании СП, которое и продолжается-то всего два-три часа. Короче, тут есть еще, над чем работать.

Виртуальное пространство – это уже Новое Средневековье. Здесь каждый великий писатель возводит свой собственный замок из слов и окружает его невидимыми стенами созданного им контекста, которые периодически пытаются взять штурмом различные мелкие людишки, одержимые идеей всеобщего равенства.

А тем временем Иран запустил в космос вторую обезьяну. Труд сделал из обезьяны человека, а наука сделала из обезьяны космонавта.

Главные героини в детективных романах, если и не обладают безупречной внешностью, то наделены таким неотразимым обаянием, что буквально все персонажи мужского пола в них влюблены, а кто-нибудь один еще и выступает в качестве их покровителя. При этом он даже не претендует на особо близкие отношения, а просто постоянно переживает за судьбу своей протеже и периодически предлагает ей свою помощь и поддержку. Одеваются они с неизменным утонченным вкусом и изяществом, не позволяя себе никаких излишеств в виде чрезмерной яркости или аляповатых золотых украшений, что было бы моветоном, волосы у них уложены ненавязчиво и спадают на плечи естественными волнами или торчат в виде милых беззаботных прядок, обрамляя беззащитное наивное личико. Макияж тоже незаметный, натуральный и сделанный мастерски, но дорогой, иначе нельзя. Даже лекарства у них в аптечке изысканные, а не копейный аспирин и корвалол, которым обычно запасаются на всякий случай представители простонародья. Избранник же главной героини – неизменно накачанный культурист и красавец с мужественным подбородком и римским профилем. Отдыхают они исключительно на Лазурном берегу, Гавайях и других подобных местах, а, обращая друг к другу, называют какими-нибудь ласковыми именами типа: «Ласточка» или же «Кисонька»...

Чем больше я читаю различные детективы, тем яснее вижу, что их авторы являются настоящими реалистами, потому что большинство людей, в сущности, примерно так и живут. Тогда как я сама, вероятно, всегда была романтиком, поэтому склонна их сильно приукрашивать.

Попыталась сегодня утром вспомнить, как выглядит «Троица» Рублева, которую я когда-то в юности видела в Третьяковской галерее, но так и не смогла. Это произведение затерялось где-то в глубинах моего сознания, полностью слившись со множеством аналогичных икон.

А вот Малевичу, пожалуй, наоборот, удалось создать по-настоящему неповторимый Черный квадрат. При этом, думаю, он потратил гораздо меньше усилий, чем все эти иконописцы, которые, если верить фильму Тарковского, ходили в каком-то жутком рванье, постоянно закатывали глазки к небу, обсуждая свои грандиозные замыслы, и вообще ужасно мучились. Надеюсь, им хотя бы удалось потом попасть в рай. Это было бы справедливо!

В течение всей своей жизни родившийся гением человек вынужден пребывать во враждебном ему окружении обывательского мира. И самое печальное, что опасность иногда подстерегает его с самой неожиданной стороны. В качестве примера можно вспомнить судьбу того же Лорки. Поэт, явно не лишенный от природы способностей, имевший неплохие связи, далеко не бездарных друзей и т.п., пал жертвой обстоятельств, к которым, возможно, сам имел достаточно слабое отношение. Скорее всего, просто в минуту случайного затмения или же в результате элементарной неосторожности, наподобие той, что совершила попавшая под машину при переходе улицы авторша культовой книги американских домохозяек «Унесенные ветром». Тем не менее, обстоятельства гибели Лорки опустили его в моих глазах даже ниже нее и навсегда отбили у меня охоту открывать сборники его стихов. А все потому, что вместо гения он после смерти, как по мановению волшебной палочки, запечатлелся в глазах потомков в качестве героя. То есть обывателям удалось навязать ему такую роль, которая для них самих, в силу их скудных умственных способностей, является едва ли не единственным шансом на то, чтобы запечатлеться в вечности. И таким образом, Лорка просто пополнил ряды глубоко враждебных мне даунов, которые тут же стали пихать мне его в нос в качестве примера для подражания, наряду с отважно павшим на дуэли Пушкиным и прочими многодетными отцами семейств – не буду называть их имена – защитившими своих любимых жен от разного рода хулиганов.

И как после этого я должна к нему относиться? Рыдать над его трагической участью? Вполне естественно, что единственное чувство, которое у меня возникает, когда я слышу имя Лорки – это желание подойти и совершить контрольный выстрел в голову. Пусть даже и чисто символически: с точки зрения вечности, так сказать.

Не понимаю, почему некоторые люди ставят себя в заслугу любовь. Если писатель обожает литературу, то это еще вовсе не гарантирует, что он способен создавать выдающиеся произведения. По моим наблюдениям, чаще бывает совсем наоборот. Так и личностям, работающим с детьми, вовсе не обязательно их любить. Какой-нибудь прагматичный и циничный менеджер может принести детскому фонду гораздо больше пользы, чем сюсюкающий с маленькими мальчиками и девочками слюнявый дебил. Тот же Хармс ненавидел детей, но, будучи поставленным перед необходимостью, сочинял для них неплохие стихи. Я долго не могла понять, почему философы все такие тупые. И только недавно до меня дошло, что разгадка этого феномена заключается уже в самом названии их профессии, которое на русский переводится как «любовь к мудрости». Даже крайне недалекие и ограниченные личности типа сотрудников коммунальных служб и те, как правило, с глубочайшим презрением относятся к своим обязанностям, а для философа трепетное отношение к объекту исследования – вообще нонсенс. То же самое можно сказать и про филологов. Из врачей разве что терапевты и диетологи могут себе позволить умильное отношение к пациентам, а для хирурга – главное, чтобы у него не дрожали руки.

Так что любовь – это исключительно для личного пользования и удовольствия, тогда как окружающим она не особенно нужна. Гордиться тут точно нечем.

В эпоху всеобщего среднего образования и публичных библиотек надо только побольше квасить и не читать книг, чтобы оказаться причисленным к простому народу. Даже жизнь в провинции после

изобретения интернета не имеет особого значения. Между тем, и сегодня приходится слышать отсылки к этому специфическому социальному слою как к носителю конечной истины бытия. И все потому, что так делали многие выдающиеся личности прошлых веков.

Этот элементарный пример показывает, насколько все-таки важно эстетическое воспитание в начальных школах для любого государства. Если люди не способны распознать эпигонство в искусстве, то они перестают замечать его и в политике. А это уже может иметь для их жизни гораздо худшие последствия, чем жеманные стихи воображающего себя Блоком или Пушкиным графомана, которыми он достает исключительно своих близких и знакомых.

Журналист, переодевшись в священника, пытался проникнуть в палату Микаэля Шумахера.

Помню, в советских фильмах актеры, исполнявшие положительные роли, получали от государства всевозможные дополнительные привилегии в виде поощрительных премий и почетных званий. И это понятно: они выполняли крайне неблагодарную черную работу, на которую далеко не всякий уважающий себя человек, наделенный хотя бы минимальным эстетическим чувством, согласится. Сегодня же множество людей, получивших благодаря интернету доступ к публичности, абсолютно не скрывают своей приверженности к добру и прочим высоконравственным ценностям. При этом действуют они, судя по всему, в массе своей совершенно бескорыстно. Похоже, люди за последние годы сильно поглупели.

Если подумать, то без православных и примкнувших к ним депутатов мне сейчас, наверное, было бы уже совсем нечего нарушать. Поэтому правильно подобных личностей в Библии называют «солью земли». Они придают смысл жизни таких, как я.

В этом году, кстати, я окончательно перестала употреблять словосочетание «современное искусство». Меня и раньше оно раздражало, а теперь, думаю, оно вообще лишилось всякого смысла: можно спокойно говорить просто «искусство», и все. А вот религия, наоборот, стала современной.

Неизвестный в маске Деда Мороза ограбил салон сотовой связи в Москве.

Посмотрела вчера забавный фильм, где-то десятилетней давности, по-моему, про то, как мужик держал свою дочку с рождения в специальной комнатке с задраенными фольгой окнами, привязав ее руки и ноги к стулу, а ночью надевал на нее смирительную рубашку и укладывал в кровать в виде клетки. Кормил он ее сам и в основном жидкой пищей, а чтобы припугнуть, изображал собаку, рычал и лаял, или же бил палкой, если она открывала рот и издавала какие-то звуки. И все для того, чтобы получить потом социальную страховку на ребенка с отклонениями. Жена ему подыгрывала, но, когда дочке исполнилось двенадцать и можно было подавать заявление в медучреждение, а ее супруг уже вошел во вкус и ничего не хотел менять, она на него все-таки донесла. Мужик покончил с собой, а дочка так и не научилась изъясняться на человеческом языке и, вообще, вела себя ненормально: ела руками, мочилась под себя, плевалась, ужасно боялась собак и т.п. После того же, как этот факт был предан огласке, на нее набросилась целая куча психологов и лингвистов, желавших получить грант на подтверждение известной гипотезы, в соответствии с которой после двенадцати человек уже не в состоянии обучиться речи, если он по каким-то причинам не заговорил ранее. Ученые между собой перегрызлись, гранты иссякли, и девочка стала никому не нужна, поскольку никто не хотел возиться с неадекватным чудовищем. Говорить она так и не начала, так что баба, поддерживавшая гипотезу о возрастном барьере обучения

речи, осталась довольна. Фильм американский и, насколько я поняла, основан на реальных событиях.

В другом фильме, помню, тоже по реальным событиям, отец держал дочку в коробке под кроватью и использовал ее по прямому назначению для удовлетворения своих нужд. Жена его в этом поддерживала. Когда же все вскрылось, то дочка не желала покидать свое убежище и все время твердила, как она любит своего папашу.

Жаль, что во вчерашнем фильме жертва так и не научилась говорить. Из-за этого он производит несколько двойственное впечатление. Наверняка, ведь ей там у себя в отдельной комнатке вполне нравилось, а эти дебилы-ученые и полицейские разрушили ее уютный мирок и сделали ее несчастной. Но папаша тоже виноват – надо было действовать по заранее составленному плану. И тогда у них, возможно, сейчас была бы одна из самых счастливых семей в мире. Плюс они получали бы пособие от государства и могли бы не работать.

Есть просто дураки, а есть дураки, чья глупость ускользает от окружающих. Вот их и принято считать умными. Первые, конечно же, опасней.

Забавно, что даже на следующий день после дня рождения Мао я продолжаю ощущать на себе влияние его стиля. Вот что значит по-настоящему великий человек!

Весь мир – театр, но далеко не все люди в нем – актеры. Есть и гардеробщики.

Я считаю, что людям искусства надо быть внимательнее к научным вторжениям в язык. Писатели, злоупотребляющие специальной терминологией, рискуют оказаться в крайне двусмысленном положении – с точки зрения вечности, по крайней мере. Вот сколько лет прошло, а я, например, так и не стала употреблять достаточно полезное, вроде бы, и емкое слово «дискурс». Просто это не мой стиль. Кроме того, не исключено ведь, что, когда этот термин окончательно перейдет в язык и приживется в нем, то он обретет не совсем тот смысл, который вкладывали в него авторы диссертаций. И тогда те же ученые, только в будущем, начнут классифицировать современных литераторов, разделяя их на людей стиля и дискурса. Лично я всегда была равнодушна к науке, но о чем думают «люди дискурса», я не понимаю.

Перед праздником, я заметила, у всех на улице слюнявое настроение. Одна девка, вырядившаяся в уродливый пуховик, украшенный крестиками и снежинками, и в шапочке из скатавшегося мохера с огромным кривым помпоном, от избытка чувств даже подхватила под руку старушку с клюкой и повела ее через Невский возле Катькина садика. При этом она гордо оглядывалась по сторонам, и видно было, как ей хочется, чтобы все смотрели на ее гуманный поступок. На другой стороне, правда, старуха так вцепилась в нее своей клешней, что она едва вырвала свою руку и чуть не упала. А старуха была явно настроена на долгое предновогоднее общение.

Когда-то очень давно, помню, тоже зимой ко мне пристала такая же старая карга, чтобы я помогла ей перейти улицу, поскольку тогда было очень скользко из-за гололеда. Я согласилась, а после не знала, как от нее избавиться: она требовала, чтобы я вела ее все дальше, сначала – до дома, а потом – в подворотню, и только возле самого подъезда мне с огромным трудом удалось от нее освободиться. Хватка у нее оказалась просто железной. И дело было не днем на Невском, а в довольно-таки мрачном безлюдном месте возле Лиговского, да еще поздно вечером, так что я, в конце концов, уже не на шутку перепугалась. Наверняка ведь, там в подъезде меня поджидал ее сообщник, и они бы меня ограбили, а, может быть, даже и замочили. Ни одно доброе дело в этом мире не остается безнаказанным.

Папа Франциск подарил маленьким пациентам римской больницы шоколадные яйца.

Грустно, конечно, но за всю свою многовековую историю человечество не придумало ничего более успокаивающего и отвлекающего от насущных проблем, чем триллеры. Но сейчас, по-моему, этот жанр переживает серьезный кризис из-за нехватки новых сюжетных ходов и тем. Все стало каким-то чересчур предсказуемым, обычным и будничным, почти как в реальной жизни вокруг. Не хватает праздника, который и должно вносить в жизнь настоящее искусство. Ну, допустим, подвешат жертву за ноги к потолку, выколют ей глаза, раздробят молотком позвоночник, проткнут железным прутом насквозь, вырежут печенку или там селезенку, долбанут ломом по башке, понапишут иголок под ногти, можно еще уши ножницами отрезать, но все это как-то уже несколько приелось. Хотелось бы чего-нибудь оригинального и неожиданного.

А поскольку данный жанр был бы невозможен без реальных маньяков, то тут, я думаю, именно у России есть неплохие шансы внести в него свежую струю, сделав тем самым жизнь людей во всем мире более веселой и беззаботной. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, потому что сама там никогда не была, но мне кажется, что где-нибудь в Сибири или еще дальше, в каком-нибудь городе типа Комсомольска-на-Амуре или же Улан-Удэ, наверняка, застроенном сплошь блочными пятиэтажками с обшарпанными стенами, утопающими в дыму окрестных металлургических и химических предприятий, к которому добавляются миазмы из расположенных поблизости очистных коллекторов и незримые лучи плохо зарытых радиоактивных отходов, за прошедшие десятилетия вполне могли родиться и вырасти личности с нестандартным образом мышления, способные дать новый толчок развитию триллеров, поставив его создателям какой-нибудь абсолютно фантастический, нетривиальный и незатасканный материал. В конце концов, духовная жизнь человечества всегда развивалась по законам, схожим с теми, что управляют происходящими в природе процессами. И формирование гения в литературе, к примеру, появляющегося на свет в той или иной стране при стечении определенных исторических обстоятельств, мало отличается от того, как под воздействием различных атмосферных и климатических условий из горных пород постепенно возникает редкий драгоценный камень типа бриллианта или же изумруда. Так почему бы и России, с ее необъятными просторами, уникальными культурными традициями и условиями жизни, не дать миру человека с экстраординарными способностями в сфере триллеров? Даже в Петербурге есть районы, потенциально пригодные для появления подобных личностей, но такие места имеются практически во всех более-менее крупных населенных пунктах мира. И они, как показывает практика, на настоящий момент себя уже фактически исчерпали. А тут целые города, да еще окруженные бескрайней тайгой, где по ночам воют волки и тигры. Это не может не обнадеживать.

Оказывается, в футболе нога – это фаллос, а ворота и гол, соответственно, тоже понятно что. И в этом вся его суть и секрет популярности.

Когда на такое наталкиваешься, то понимаешь, что некоторым психоаналитикам требуется помощь их коллег. Но не только поэтому психоанализ так и не получил широкого распространения в психиатрии. Изобретение Фрейда оказалось не то чтобы неверным, а, скорее, абсолютно нерентабельным. При таком количестве сумасшедших вокруг гораздо практичнее кормить их таблетками, чем приставить к каждому по доктору, на содержание и обучение которого требуются несоизмеримо более значительные средства.

Футбол – это азартная игра. Самые богатые люди планеты приобретают себе команды, а представители низов за них болеют. Современный мир мог бы быть устроен не менее гармонично, чем в античные времена, если бы не церковь, которая, по сути, является фабрикой по производству психически больных, не способных оплатить достаточного количества специалистов для их максимально комфортного и безболезненного возвращения на трибуны стадионов.

Нет, ну, безусловно, если бы на моих глазах какой-нибудь трупешник выскочил из гроба и широкими шагами отправился прямо на небеса, да еще с эффектной подсветкой и звуками типа светомузыки, и чтобы вокруг порхали младенцы с крыльями, пусть даже надувные, а не

настоящие, то я бы тогда тоже стала апостолом или как там их, то есть поверила, что происходит нечто не вполне обычное. Но ведь и остальных людей тоже можно понять. Разве нет?

Журнал ФОРБС опубликовал восемь основных отличий России от СССР, где перечислены несколько банальностей, вроде отделения союзных республик и свободного рынка. Однако, как выражаются в лингвистике, все эти признаки не являются дифференциальными. Важно, что советская культура была аскетической, а сейчас культивируется распушенность. И больше, по моему, особых отличий нет.

В связи с наступлением нового года уже несколько дней навожу порядок у себя на дисках, очищая их от лишнего мусора и раскладывая все в папки. Самые добрые и просветленные лица у создателей триллеров: такие приятные старички, классические маньяки. А женские романы и мелодрамы, судя по всему, снимают главным образом личности с подчеркнута правильными протокольными физиономиями с поджатыми губками и глазами навывкате или же алкоголики с красными носами. Отечественных фильмов у меня накопилось меньше всего, поэтому для каких-либо обобщений материала явно недостаточно.

А вот идея возрождения доброго кино, на которую я в последнее время все чаще стала наткаться в Вестнике СК, кажется мне задачей абсолютно фантастической. Однако это вовсе не делает ее невыполнимой. Если бы я, к примеру, в свое время хотя бы приблизительно догадывалась, что из себя представляют люди, занимающиеся или же просто интересующиеся литературой, то никогда бы, вероятно, не взялась даже за переводы, не то что за собственные романы. Потому что это все равно, что отправиться в утлой лодочке через океан, кишачий ядовитыми змеями, или что-то типа того. Теперь-то я это понимаю. Притом что саму литературу я, в принципе, знала неплохо. А личности, рассуждающие сейчас о возрождении духовности и пишущие статьи про доброе кино, наоборот, более-менее разбираются в людях, в том числе и причастных к творчеству – это очевидно. Однако о самом искусстве у них вообще нет ни малейшего представления. Но именно в этом, возможно, и заключается их единственный шанс.

Видела вчера, как девушка-гот с розовыми волосами вышла покурить из кафе и плюхнулась на тротуар. Сначала я подумала, что ей плохо или же она обкурилась, но потом заметила, что у нее туфли на огромных платформах, из-за которых она еще долго барахталась на мокром асфальте и не могла подняться. Пока она лежала я успела разглядеть выпавшую у нее из сумочки металлическую расческу с крестиком внутри красного сердечка и зажигалку с гробиком и черепушкой. Все-таки есть в этих готах что-то готическое.

В Австралии врачи удалили таракана из уха пациента.

Приезжаешь в Париж, и там почти все на прежних местах. Это успокаивает и вселяет уверенность в завтрашнем дне. А здесь даже булочную на углу Невского и Караванной, которая держалась, по моему, дольше всего, и ту недавно переделали в универсам. Когда-то мы с одним моим приятелем часто туда ходили. Потому что только в ней продавались белковые хлебцы, необходимые для диетического питания и поддержания фигуры. Там, помню, еще работал такой кокетливый продавец, который, увидев нас, вылезал из подсобки и жеманным голосом заводил разговор о погоде и других отвлеченных материях типа уродливых нарядов стоявших в очереди к кассе баб. И еще у него был постоянно подбит то один, то другой глаз – видимо, следы бурной жизни, которую он вел.

Возможно, именно из-за него потом, много позже, когда я узнала несколько версий гибели Пазолини, то сразу подумала, что его вполне мог замочить обычный булочник, и фашисты тут ни при чем.

La stupidité des philosophes est encore du fait qu'en faisant le bilan du millénaire ils croient sincèrement que cette manière primitive puisse leur aider à éviter les malentendus avec leurs amis qui pourraient se fâcher contre eux s'ils avaient mentionné les succès des uns et négligé les mérites des autres pendant l'année passée¹.

Посмотрела сегодня с утра чудесный фильм под названием «Вскармливание». Про мужика, который кормит баб до тех пор, пока они не умирают от ожирения. Параллельно он вывешивает в сети показатели их уровня холестерина, давления и пр., принимая ставки на то, сколько они проживут. Не так плохо, по-моему, и полезно для похудения. Пожалуй, я была не права, что все сюжетные ходы триллеров себя уже исчерпали. Кое-какие новые идеи еще можно найти.

«Он пугает, а мне не страшно», – сказал как-то Лев Толстой про Леонида Андреева. Никогда не любила Толстого, но иногда у него попадаются забавные фразы. А вот Достоевский, который мне когда-то нравился, наоборот, постоянно нес исключительно чепуху. Особенно про красоту, конечно, которая спасет мир.

Скука, вода и туман. Только это и делает Петербург более-менее пригодным для жилья. Весь прошлый год прошел, как в тумане.

Единственное, с чем России по-настоящему везло – это враги. Если отбросить кое-какие мелочи и не считать татар, которые остались в глубоком прошлом, то Наполеон и Гитлер – прекрасные, романтические персонажи, облаченные в эффектные мундиры. А советские граждане сражались еще и с белогвардейцами. Не удивительно, что русские люди с такой легкостью сегодня обращаются в православие. Им легче, чем другим народам, выполнить одну из самых трудных христианских заповедей: любить своих врагов.

Сартр не только Селину пытался всячески нагадить, но еще и Жене после посвященной ему Сартром книги впал в депрессию и едва не бросил литературу. А самое главное, он сочинил произведение под названием «Тошнота», где использовал некоторые приемы позаимствованные у Селина, причем даже не пытаясь этого скрыть, так как в качестве эпиграфа там он тоже взял цитату из Селина. И это еще не все. Молодежь, читающая Сартра, учится упиваться состоянием отчаяния и отвращения к окружающему миру, в то время как наиболее продвинутые личности сегодня уже давно постигли науку вызывать тошноту и получать от этого удовольствие. Плюс ко всему, он еще по совершенно непонятным причинам отказался от Нобелевской премии. Вместо того, чтобы взять и отдать ее бедным или же детям. То есть Сартр был еще и дурак.

Каждый нормальный человек интересен своим безумием. Поэтому сумасшедшие, желая привлечь к себе внимание окружающих, часто прикидываются нормальными. Сами по себе они никому не интересны.

¹ Глупость философов заключается еще и в том, что, подводя итоги тысячелетия, они искренне верят, будто таким примитивным образом способны избежать неприятностей со своими знакомыми, которые могли бы на них обидеться, если бы они отметили успехи одних и обошли вниманием достижения других за прошедший год. (франц.)

Чрезмерное доверие к словам иногда оказывается роковым. Помню, когда-то очень давно я читала про супружескую пару, решившую держать у себя дома камышового кота, который, на самом деле, оказался вовсе не котом, а кем-то вроде рыси, и в результате однажды ночью загрыз мирно спящего в кроватке младенца. А бывает и наоборот. Все знают, к примеру, что рукописи не горят, но в случае пожара в библиотеке пожарные почему-то кидаются тушить не только книги, но и хранилища с рукописями. Этому феномену лично я вижу два объяснения. Либо они совсем не интересуются литературой, а большую часть жизни квасят, жрут, смотрят телевизор и спят, либо не склонны придавать словам Булгакова слишком буквальный смысл и видят в нем глубокомысленное иносказание. Например, рукопись Пушкина уже размножена в виде огромных тиражей, поэтому никакой огонь в отдельном месте ей не страшен, однако ее все равно следует спасти, так как при случае ее можно выставить на аукцион и заработать на этом неплохие бабки, отдав их потом тем же детям или бедным.

Пермский полицейский сочинил историю со своим похищением, чтобы объяснить затяжную пьянку и отсутствие на службе.

Ознакомившись с покаянием создателя лучшего отечественного автомата, я существенно изменила о нем свое мнение. Во-первых, сколько людей погибло от сконструированной им из нескольких кусков железа фиговины. Сотни и сотни тысяч! Каков масштаб личности! И самое главное, после долгих размышлений в последние годы жизни он пришел к полному пониманию своей роли в истории человечества, а значит, получив отпущение грехов у Патриарха, отправился в рай исполненным сознания собственной значимости.

Если же еще хотя бы на мгновение представить, что слухи, будто он позаимствовал свое открытие у пленного немца или репрессированного инженера, имеют под собой серьезные основания, плюс настоящий творец, чье имя осталось практически никому не известно, до сих пор жив, то этот простой на вид «сын крестьянина», как он сам себя любит называть, написав покаянное письмо главе православной церкви, где подробнейшим образом изложил катастрофические последствия открытия, которое ему не принадлежит, и вовсе становится фигурой, сопоставимой с Нероном, а в некотором смысле даже круче.

При всей моей нелюбви к религии, я думаю, что верующие – далеко не самая худшая часть населения планеты. Ими, по крайней мере, движет боязнь лишиться вечной жизни и гореть в адском пламени. У подавляющего большинства людей сильнее страха уродства обычно оказываются куда более ничтожные поводы.

Печально, но православные священники элементарно оказались не готовы к возложенной на них миссии. Увы. Даже не знаю, чему и как их там учат в академиях и семинариях. Что-то обо всем слышали краем уха, но ни в чем толком не разбираются, и при этом всюду суют свой нос. Худшая разновидность интеллигенции, по сути.

Если, к примеру, в каком-нибудь сериале режиссер, желая сэкономить бабки и время, записывает речь актеров непосредственно на камеру вместо того, чтобы все стереть и заново озвучить, то такие сцены, взятые как бы прямо из жизни, выглядят там крайне неестественно и напоминают не прошедшие тепловую обработку куски сырого мяса в кулинарном блюде, которые человеческий желудок отказывается переваривать. В кино буквально все, любые мелочи, имеющие отношение к

так называемой реальности – будь то голос, потрепанный костюм или же слегка помятая прическа – должны быть полностью уничтожены и заново воссозданы. Только тогда фильм становится похож на жизнь, если это, конечно, входит в замысел режиссера.

Не исключено, что и радикальные перемены в отношении к так называемому простому народу, которые можно теперь наблюдать практически во всем мире, тоже прямо или косвенно связаны с появлением и развитием кинематографа. Да и в многочисленных телешоу представители низших слоев населения смотрятся сейчас абсолютно ненатурально. Видимо, эта социальная прослойка оказалась хуже остальных приспособлена к появлению новых технологий, в корне изменивших традиционные человеческие представления о подлинном и аутентичном.

И сильнее всего такие перемены коснулись достоверности выставленных на всеобщее обозрение страданий. Если раньше любой изувеченный, оборванный, голодный или побывавший в каких-либо серьезных передрыгах индивид, по сути, автоматом отправлялся после смерти в рай, то теперь подобная перспектива кажется крайне сомнительной. С какой стати личности, не приложившие никаких особых усилий, чтобы сделать свои страдания эффектными и убедительными для окружающих, должны удостаиваться посмертных призов? Если попробовать взглянуть на окружающий мир глазами обычного среднестатистического зрителя современных сериалов, то получается, что наиболее ленивые и равнодушные к своим ближним люди удостаиваются за свою жизнь главных наград исключительно потому, что участвуют в представлении, поставленном самим Господом Богом, то есть фактически по благу. Справедливо ли это? Какой пример подадут подрастающему поколению те, кто делают вид, будто вокруг ничего не изменилось, и сегодня, как в далеком прошлом, можно продолжать высказывать предположения о благополучной посмертной участи наиболее бездарных представителей человеческого рода? Такое поведение выглядит вдвойне аморальным еще и из-за того, что в сравнении со многими выдающимися мастерами современного кинематографа сам Господь Бог тоже выглядит весьма посредственным режиссером, если, конечно, в его замысел, действительно, входило создать нечто похожее на реальную жизнь, как об этом сказано во всех трактующих его замысел специальных сочинениях типа Библии.

Тот, кто слишком долго делает людям добро, рискует сам стать добрячком.

В то время, как в Турции генералов судят за «постмодернистский путч», в России на передний план идеологической борьбы окончательно вышел гомосексуализм, которому противостоят гетеросексуалы, придерживающиеся самых разных политических, философских и религиозных взглядов. Единственное, что их объединяет – это сознание своего численного превосходства. А вдруг статистика ошибается, и они имеют дело вовсе не с меньшинством? Это было бы прикольно.

У не известной мне певицы Жанны Фриске диагностировано онкологическое заболевание. Новости с каждым днем становятся все абсурднее и абсурднее.

Работа порабощает.

Il y a les gens tellement nuls que même leur haine ne m'inspire point. Avant de commencer sentir quelque chose ils auraient dû penser à devenir quelqu'un².

² Некоторые люди настолько ничтожны, что даже их ненависть меня нисколько не вдохновляет. Прежде чем начать что-то чувствовать, им бы следовало позаботиться о том, чтобы чем-то стать. (франц.)

В Кузбассе полиция поймала 100-килограммового вора-"форточника": мужчина сбежал от жены с ее дрелью и без своей челюсти.

Ницше научил своих почитателей относиться к людям исключительно как к средству. Так что увеличение средней продолжительности жизни гениев в искусстве – не только заслуга медиков.

Я думаю, что с той самой поры, как Газпром отказался от строительства грандиозной башни на Охте, все и пошло наперекосяк. Этот мир обречен, и погубит его хороший вкус.

Встретила вчера на Садовой знакомую, которая шла из Союза Журналистов, куда только что заплатила взносы, и наслушалась от нее всяких ужасов про готовящееся возрождение цензуры путем создания специальных комитетов при каждом СМИ, самый главный там кого-то уже подставил, нескольких человек убрал, доступ в Международную Федерацию перекрыл, и вообще наступают страшные времена. При этом, излагая мне эти факты, она почему-то испуганно озиралась по сторонам, а на меня глядела чуть ли не как на спасительницу и последнюю надежду на избавление от надвигающейся угрозы. Интересно, почему? Что во мне ее так обнадежило?

Можно было бы, конечно, у нее поинтересоваться, но зачем лишний раз расстраивать человека? Пусть лучше она обретет душевное спокойствие в беседе со мной, чем пойдет в церковь изливать душу священнику. Результат будет примерно тем же, но там с нее еще сдерут бабки на свечки и прочие пожертвования, а я, по крайней мере, выслушала ее абсолютно бесплатно.

Самая характерная черта русских людей, отличающая их от французов – это доброта. В русской литературе нет не только маркиза де Сада и Опасных связей, но и такой увлекательной детской книжки, как Граф Монте-Кристо. Правда, имеется мало известная зарубежной общественности драма Лермонтова «Маскарад». Следует это признать.

В последнее время часто думаю о «Коме» Пьера Гийота, которую я перевела. Все-таки, это не то чтобы плохая, но какая-то не совсем правильная книга. Есть в ней что-то не то. Автор описывает, как в момент обострения психического заболевания он стал упорно отказываться от еды, в результате впал в кому и чуть не умер. То есть, по сути, выдает поступки, совершенные им в ненормальном состоянии, за факты своей биографии. Тогда как, на мой взгляд, фактом его биографии тут можно признать только саму болезнь. При этом книга была удостоена достаточно престижной литературной премии и получила неплохую прессу. Если бы речь шла о России, то меня бы это нисколько не удивило, поскольку здесь возможно вообще все что угодно. Но для Франции, где многочисленные интеллектуалы обожают обсасывать подобные тонкости, это как-то странно.

Кто бы что ни говорил, а вселенское противостояние хакеров и казаков принимает все более драматический характер.

Сегодня днем в О'Кее две туши заслонили собой подход к лотку с хлебом, из-за чего я вынуждена была несколько минут выслушивать их разговор про праздничную реконструкцию блокады в Парголово или Лигово, я не поняла. «Там даже зенитки будут, все-все в точности, как во время войны. Мы и своего обязательно с собой возьмем, чтоб он знал, что в этом мире существует еще кое-что кроме айпада», – чуть ли не на весь магазин вопила девка, со спины похожая на глисту. Потом я заметила, что спереди она больше напоминает надувную резиновую женщину: с обтянутым бледной кожей лицом, дыркой вместо рта, куда удобно вставлять член, и приклеенными

пуговками глаз, над которыми буквально нависал выпуклый лоб (bombé, как говорят французы). А вторая, на вид постарше и попроще, сначала больше молчала, а потом, видимо, чтобы не ударить в грязь лицом, тоже стала распинаться про то, как ей приятно встретить родственную душу, хотя раньше она никогда подобных эмоций не испытывала, зато теперь, стоит ей только обо всем этом подумать, как у нее прямо мурашки по коже, и на глаза слезы наворачиваются... В этом месте я уже чуть не сблевала. Не знаю, заметили ли они меня и специально расписывали свои экстатические переживания, чтобы меня достать, или, действительно, впали в состояние эйфории от предвкушения празднования знаменательной даты, но в ближайшие три дня, чувствую, мне еще часто придется наткнуться на таких вот рож. Надо быть к этому готовой.

Помню, в десятом классе отец взял меня на день рождения своего знакомого, где собрались в основном его коллеги из пароходства, Макаровского училища, капитаны и другие номенклатурные начальники, в том числе и из КГБ. Все расселись за стол, расслабились, начали квасить, и вдруг один из присутствующих поднялся со своего места и совершенно серьезно предложил тост за генерального секретаря коммунистической партии товарища Леонида Ильича Брежнева. Никогда не забуду, как всех перекосило, но, тем не менее, все встали и выпили. А мужик явно поймал кайф. Я тоже тогда почувствовала ужасную злобу и, ерзая на стуле, начала думать, чтобы такое сказать, чтобы этого типа достать, но так ничего и не придумала. Вспоминая об этом сегодня, я даже жалею иногда, что это время уже никогда не повторится. Сейчас бы я, конечно, знала, что сделать.

Вороны и чайки на порядок более благородные птицы, чем голуби. Поэтому не вижу в том, что они недавно напали на выпущенных в Ватикане парочку жирных голубей, ничего дурного. Если бы я верила в предзнаменования, то сказала бы, что это, скорее, хороший знак. Но стоит ли забивать себе голову подобной чепухой?

И потом, меня удивляют сотрудники Ватикана. На протяжении сотен лет они прекрасно организовывали куда более сложные аттракционы и фокусы. А тут в ситуации, которая, судя по всему, кажется им достаточно важной, раз уж они устраивают по этому поводу специальные мероприятия, они вдруг не смогли нормально подготовиться и продемонстрировали крайне низкий уровень профессионализма. Если бы Римский Папа работал не в Ватикане, а жил и трудился в СССР, он, как минимум, лишился бы своей должности, а может быть, даже и партийного билета.

Практически все революции и войны случаются не вовремя. Вот и события на Украине отвлекают внимание публики от моей новой книги. Идеальная среда для существования писателя – царство скуки, где ничего не происходит. Тогда можно спокойно сочинять книги и смотреть сериалы. У французов, правда, даже их революция была не лишена изящества, а войны, которые вел Наполеон, сами были практически совершенным произведением искусства. И во время Второй мировой войны они заняли самую безопасную и эстетически привлекательную позицию коллаборационистов. Жан Жене писал, что Франция просто не смогла устоять перед таким количеством голубоглазых блондинов и пала. Что не помешало тем же французам позднее в последний момент сымитировать освобождение своей родины жалкой кучкой людей, возглавляемой де Голлем, и таким образом попасть в Совет Безопасности ООН в качестве страны-победительницы. Подобная ловкость не может не восхищать.

Забавно, что история государств творится значительным скоплением самых разных и мало похожих друг на друга личностей. В то время как большинство литераторов, абсолютно свободных и не связанных с окружающими какими-то особыми узами, за всю свою жизнь не способны изречь хотя бы пары более-менее остроумных и изящных фраз. Из-за этого, думаю, и случаются войны и революции. Когда читателям становится скучно.

Прошлась сегодня по Итальянской, где разместились экспозиции ко Дню снятия блокады. Жители города на площади возле Дома Кино под бодрый марш «Сталин дал приказ» тычутся носом в

стенды с портретами Жданова и мрачными казенными плакатами с окровавленными трупами детишек. А вечером баба в новостях советует молодежи почаще посещать подобные мероприятия, чтобы знать, как раньше жила она и ей подобные. Странно. На вид ей не больше, чем мне. Во времена моей молодости за такую музыку при неблагоприятных обстоятельствах можно было и на зону загреметь. Особенно если бы ее кто-нибудь врубил на полную мощь во время первомайской демонстрации.

С другой стороны, еще этим летом я и сама иногда слушала песню про Сталина, хотя не на площади, а в автобусе и через наушники. О чем потом и написала в «Безумной мгле». Не исключено, что кто-то из организаторов этой акции прочитал мою книгу и позаимствовал у меня идею с песней. Такого рода вещи, конечно, трудно доказать. Но мне приятно думать, что и я тоже могла как-то поспособствовать тому, что это в целом достаточно унылое мероприятие стало чуточку веселее.

Из праздников только один день гибели Пушкина и остался. Больше отмечать, похоже, нечего. И самое главное, что на улице сейчас и солнышко, и прохладно, где-то за -10, по-моему. Самое то, чтобы пойти куда-нибудь выпить за нашего героя. Подумала сегодня, кстати, что, возможно, Пушкин как истинный христианин, чтобы не противиться злу насилием и сохранить при этом лицо в глазах окружающих его тщеславных дворян, специально метил в пуговицу Дантеса – все ведь знают, что он был достаточно меткий стрелок. Он, конечно, рисковал, но ему это удалось. Зато теперь он, несмотря на свой распутный образ жизни, множество баб и пр., находится в раю. Православным, я считаю, стоило бы даже подумать о причислении его к святым в таком случае.

Есть, правда, и другая версия: что коварный Дантес предусмотрительно надел под костюм кольчугу, и таким образом не только убил Пушкина, но, возможно, еще и отправил его в Ад. Хотя, на мой взгляд, для Бога, наверняка, должно быть достаточно одного намерения, если таковое у Пушкина имелось. Поэтому, я считаю, что сейчас Пушкин пребывает именно в Раю вместе с Берроузом, который тоже метил в яблоко на голове своей жены и случайно промахнулся, а также другими меткими стрелками-любителями и благородными киллерами, проявившими недюжинное мастерство в аналогичных ситуациях.

Подумала еще раз сегодня, как все-таки русским людям повезло, что Селин в 1936 году на пару недель заехал в СССР и запечатлел, что тогда там происходило! Иначе бы они, вероятно, до сих пор строили Котлован и упивались загадочной непостижимостью окружающего их мира.

Моя мамаша в восторге, что президент постоянно говорит одно, а делает другое. И это печально. По себе знаю, что в искусстве нельзя слишком часто повторять один и тот же прием, потому что таким образом автор его обесценивает. То же самое можно сказать и о деятельности секретных служб, которая десакрализируется. Причем подобные процессы происходят сейчас не только в России, но и других странах, в том числе и благодаря усилиям всяких там викиликс и прочих сноуденов. В окружающем мире и так все давно стало простым и понятным, а что будет после исчезновения этой, по сути, последней тайны? Останутся только добрый Римский Папа и голуби.

Проблема еще в том, что если за поступками какого-то индивида или групп лиц отсутствует прагматика, а есть только желание получить чистое удовольствие, то любой, кто станет подобному поведению противиться, обречен на столь же не замутненное какими-либо практическими результатами страдание. Поэтому лично я полностью разделяю по данному вопросу т. зрения Льва Толстого о непротивлении так называемому злу насилием, вне зависимости от того, чем он сам ее мотивировал: скорее всего, какой-нибудь высококонрастной ерундой. Меня же утешает мысль о том, что каждый, кто сейчас ловит кайф и пребывает в эйфории – например, от празднования 8

марта, победы на Олимпиаде или чего-то еще, что ему представляется таким же значительным и важным – через некоторое время будет вынужден пережить столь же глубокую депрессию типа ломки, причем без малейшего вмешательства извне, а исключительно по закону сохранения энергии в природе.

По этой причине, кстати, я сама уже давно стараюсь извлекать из любой ситуации максимум пользы для себя, а все сопутствующие радостные чувства от этого сводить к минимуму. То есть радость от успеха как бы все равно есть, но ты ее не чувствуешь, и поэтому природе потом у тебя нечего забрать назад и она обламывается. А сознание победы еще и над самой природой, соответственно, твое торжество еще усиливает.

Одно меня радует: Петербург – город декаданса, и здесь, по крайней мере, не празднуют юбилей Гагарина и День Космонавтики.

Получила вчера по почте Этическую хартию СК. В письмо заботливо вложены конверт и листочек с пустыми графами в соответствующих пунктах, где я должна подтвердить или опровергнуть свое согласие с присланным мне документом. При этом на вложенном конверте даже уже предусмотрительно напечатан обратный адрес и приклеены марки с изображениями московского, астраханского, ростовского кремля и зайчика. Когда я их увидела, то едва не прослезилась. Точно такое же искушение, между прочим, я несколько раз испытала вчера, когда натыкалась на улице на жирных неповоротливых баб с букетиками. Вообще, мне кажется, в свете происходящих вокруг событий на меня в самое ближайшее время вполне могло бы снизойти дарование слез, которое, насколько я знаю, считается в христианстве едва ли не высшей стадией развития человека. И, скорее всего, так бы оно и случилось, если бы к данному моменту я уже не достигла еще более крутого сверхчеловеческого уровня, от которого, естественно, мне жалко отказываться.

Как ни грустно это осознавать, но в гармоничном идейном согласии с окружающими меня людьми я, вероятно, пребывала только где-то в районе пятилетнего возраста, когда периодически интересовалась у папы с мамой, а что сейчас было бы, если бы дедушка Ленин был еще жив. Дальше все пошло как-то наперекосяк.

Ненавижу умудренных богатым жизненным опытом пенсионеров и болтливых таксистов. Отстоять в очереди к какому-нибудь МММ, лишиться там своих бабок, чтобы под конец жизни прийти к выводу, что этот мир населен коварными жуликами и ворами? Стоило ли ради этого вообще жить? Мне кажется, лучше сразу повеситься.

Возвышенная духовность – во всех отношениях более перспективная жизненная стратегия. Достаточно вспомнить того же Солженицына. Никогда его не любила, но его пример, по крайней мере, в высшей степени поучителен. Меня, в частности, всегда удивляло парадоксальное несоответствие между запредельной наивностью, если не сказать глупостью, свойственной героям его книг, и насыщенной различными событиями и фактами биографией его самого. Вроде бы человек побывал и на фронте, и в тюрьме, а с такими непомерно раздутым самомнением, как у его персонажей, особенно тех, что выступают в качестве alter ego автора, ни один обыватель сегодня, думаю, не протянул бы долго и в обычной коммунальной квартире, не то что на войне или в лагере. Получается, что сам автор не просто выжил, справился с тяжелой болезнью и т.п., но еще и сумел достичь внушительных успехов в жизни, включая Нобелевскую премию, однако его личный опыт не оставил абсолютно никакого следа в его произведениях.

И довольно долгое время этот феномен оставался для меня загадочным. Чисто интуитивно я, естественно, всегда чувствовала, что имею дело с крайне подозрительным субъектом. Но то, как конкретно воплощается в жизнь столь вопиющее противоречие между персонажами книг и создавшим их творцом, от меня ускользало. Пока я, наконец, не врубилась, что автор в данном случае никогда и не собирался делиться с читателями своим личным опытом. А зачем? Можно ведь ходить в библиотеку, в архивы, собирать различные документы о местах, где ты когда-то побывал, группировать в столбики статистику и потом излагать все это на бумаге. То есть действовать примерно, как робот на Луне, который совершает заложенные в него программистом

несложные манипуляции с камнями, перетаскивая их в летательный аппарат для дальнейшей их транспортировки на Землю. А что касается чувств и мыслей, то их можно так же просто позаимствовать у русских писателей девятнадцатого века. Иными словами, Солженицын является типичным представителем литературного направления, к которому принадлежат писатели, считающие себя наследниками и продолжателями русской классики. Вот и все.

Зашла сегодня в Летний сад. Из-за заборов вдоль аллеи чувствуешь там теперь себя, как в загоне для скота. Не очень уютно, надо сказать. Села на скамейку, чтобы перекурить, но тут, откуда ни возмись, выскочила маленькая девочка в розовом пальтишке и начала прыгать вокруг. Пришлось убрать сигарету на всякий случай. Там теперь из-за любого забора вслед за девочкой запросто может вылезти полицейский, который, может быть, туда эту девочку специально и подослал, чтобы срубить с меня бабки. А я до сих пор, кстати, так толком и не поняла, где теперь можно курить, а где нет. Вполне возможно, что присутствия скачущей поблизости девочки достаточно, чтобы к тебе приебались. Раньше в открытом пространстве можно было хоть как-то сориентироваться и заметить приближающихся людей в форме издали, а теперь за этими заборами их фиг разглядишь. Господи, как же я все-таки ненавижу детей!

Муж внучки итальянского диктатора Муссолини подозревается в сексе с девочками-проститутками... Начало новости звучит почти, как «Профиль Гельдерлина на ноге английского поэта». Что-то я в последнее время стала испытывать слабость к длинным названиям. Может и это как-нибудь использовать? В частности, в произведении о бесконечно ускользающей от моего понимания трансформации идей Бердяева и Ницше в голове моей мамы.

Ко всему прочему, по всему городу сейчас развешаны плакаты с девочкой, которая, как гласит надпись у нее над головой, «ищет себе маму». При этом более гнусной детской физиономии, чем на этой картинке, я еще, кажется, никогда в жизни не встречала. Такие обрюзгшие недобрые лица обычно имеют ущемленные и обиженные жизнью сотрудницы Сбербанка или почтовые служащие, которые как бы постоянно к тебе приглядываются, выискивая малейший подходящий повод, чтобы тебе нагадить, пусть даже и по мелочи. К счастью, они, как правило, бывают крайне ограничены в средствах, к тому же изолированы от посетителей перегородками и защитными стеклами. Девочка же, оказавшись в теплом семейном кругу, сразу же получит доступ к аптечке, клею «Момент», бензину и другим отравляющим веществам, которые при случае запросто может добавить в чай или кастрюлю с супом своим благодетелям. Думаю, дизайнеру пришлось приложить немало усилий, чтобы найти именно такой тип для данной социальной рекламы, которой он, скорее всего, и хочет предупредить потенциальных удочерителей, какому риску они себя подвергнут, если поддадутся на призыв, который он был вынужден написать под давлением начальства.

В этом мире гораздо больше хороших и добрых людей, чем кажется. Просто надо внимательней взглянуть в то, что тебя окружает.

Фон Триер в Нимфоманке продемонстрировал, что у него все более-менее в порядке с чувством юмора, в чем я после нескольких его предыдущих фильмов стала сильно сомневаться. Я даже думаю, что, сделай он свое скандальное заявление после Нимфоманки, то и жюри Каннского фестиваля отнеслось бы к нему более снисходительно. Тогда как автор Меланхолии, по-моему, просто обязан был выдержать пару недель конкурсной программы, не болтать лишнего и, по крайней мере, на людях показываться исключительно с лицом, выражающим глубокую озабоченность судьбами человечества.

Какое счастье, что Бердяев мне уже давно до лампочки, и Христос вместе с раем по фигу, и – что там еще? – Ницше с фашизмом тоже уже успели поднадоесть, не говоря уже о Блоке и прочих

шизофрениках Серебряного века. Иначе бы, вероятно, от всей этой каши слов и имен вокруг я сейчас гораздо больше страдала и плохо спала.

Надо отдать должное коммунистам: они в этом отношении вели себя куда более целомудренно и любили то, что им по-настоящему было близко, а все остальное либо прятали в спецхран, либо просто не знали. Благодаря чему, я все-таки выросла человеком с более-менее устойчивой психикой и могу теперь спокойно предаться созерцанию перетряхивания всего этого вытасченного из покрытых плесенью сундуков пыльного хлама, которое несколько шутников подсунули доверчивым обывателям в качестве очень важных и значимых для всего человечества духовных ценностей.

Покупала сегодня в Гостином кофеварку френч-пресс. Пока выбирала, приземистая баба в потрепанном пальто с красной вязаной полоской, натянутой на несоразмерно большую голову с прилизанными сальными волосками, собранными сзади в тощий хвостик, копалась в ряду напротив, переговариваясь с девочкой лет двенадцати, видимо, дочкой. Я, кстати, давно заметила, что наиболее уродливые бабы где-то к пятидесяти годам практически все напяливают себе на башку такие вязаные полоски. Интересно, зачем? Наверное, им кажется, что от этого они становятся красивее. Потом она громко объявила, что ей надо бы посмотреть еще и там, где стояла я, и пошла в моем направлении, ожидая, что я немедленно отойду и пропущу ее, так как иначе ей было не протиснуться. Но я продолжала стоять, сделав вид, что ее не замечаю, тогда она приблизилась ко мне вплотную и вдруг стала излучать гнусный запах, почти как скунс, у которого, я слышала, при прикосновении срабатывает специальная железа, распространяющая невыносимую для других живых существ вонь. В результате я просто вынуждена была уйти.

Чувство крови у русских.

Tout ce qui ne tue pas mes ennemis les rend plus forts³.

Когда-то давно несколько доброжелателей предлагали мне немного видоизменить название фрагмента из «Безделиц для погрома» Селина и опубликовать его по-русски под заголовком «Безделицы для разгрома». Тогда я этого не сделала, а сейчас жалею.

«Безделицы для разгрома», «Школа трупов» и, особенно, «Попали в переделку» – прекрасные названия для нескольких актуальных памфлетов. Правда, наученная горьким опытом Селина, я их писать вряд ли буду. До сих пор не теряю надежду на мемориальную доску на своем доме.

Кадыров снова объявил Доку Умарова мертвым. Это уже восьмой раз, когда Доку Умарова объявляют мертвым. «Умаров давно мертв. Мы просто ищем труп Умарова. Кто найдет труп, тот станет великим воином».

Ничего в этом мире не меняется. Сколько себя помню, постоянно наблюдаю одну и ту же картину. Стоит тебе поделиться с окружающими, что ты видишь перед собой идиота, как сразу же появляется несколько придурков, которые, не скрывая своего удовольствия, поведают тебе, что, несмотря на этот маленький недостаток, «у него есть очень хорошие стихи». И наоборот: негативно отзовешься о книге, и тут же тебе сообщат, что ее автор прекрасный человек. И так во всех сферах.

Еще меня всегда удивлял поэт Заболоцкий. Во время НЭПа в «Столбцах» обличал мещан,

³ Все, что не убивает моих врагов, делает их сильнее. (франц.)

искренне полагая, что маленькие радости жизни, которым те предавались, представляют самую большую опасность для его будущего, потом на несколько лет сел в лагерь по причинам, не имеющим никакого отношения к модным прическам и чарльстону, а под конец жизни, уже на свободе, сочинил философское стихотворение про красоту, которая не имеет четких внешних очертаний, а спрятана глубоко внутри человека, как в сосуде, откуда дает о себе знать слабым мерцанием наиболее наблюдательным личностям, вроде него. Из прищуренных глаз висевших тогда повсюду портретов Ленина, например. Ну не дебил ли?

Человек рожден для удовольствий. Поэтому представления некоторых высокоморальных писателей и журналистов, будто кто-то к кому-то в этом мире приспособливается, являются одним из самых больших и опасных заблуждений, какие только можно себе представить. Люди не приспособливаются, а затаиваются. Вот почему время от времени в человеческом обществе и можно наблюдать картину, как наиболее непосредственные и нетерпеливые из них, подобно зайчикам, белкам и оленям, почувствовавшим отсутствие поблизости волков, лис и прочих хищников, покидают лесные заросли, где они проводят большую часть своей жизни, и выскакивают на полянку, чтобы, воспользовавшись моментом, немного там попрыгать и покувыркаться, получив, тем самым, свою долю счастья и необходимую им для дальнейшего существования порцию солнечного света и витаминов.

Писатель Сорокин все сильнее становится похож на Толстого. А простой русский мужик Савенко больше не любит рослых негров.

Писатель, отказываясь от позаимствованных из чужих книг мыслей и стереотипов, демонстрирует тем самым искреннюю готовность поделиться с читателями пережитыми им самим чувствами и впечатлениями. То же можно сказать и про политиков. Обычно они используют разного рода идеи в качестве своеобразной дымовой завесы для осуществления не доступных пониманию широких масс замыслов. Отсутствие же какой-либо внятной идеологии в государстве указывает на то, что его руководство не намерено скрывать своих истинных целей, а наоборот, решило сделать их для своих поданных предельно ясными и понятными, поскольку рассчитывает на полную поддержку и сочувствие с их стороны.

Удивительно, но все дефекты вкуса, тупость и бездарность окружающих меня людей, ранее казавшиеся мне такими обыденными и привычными, вдруг перестали быть забавными. Похоже, что эти странные инопланетные существа так и умрут с томиками Быкова, Пелевина, Прилепина и Шишкина под подушкой. А я, видимо, уже никогда не узнаю, о чем, собственно, их кумиры писали в своих пророческих книгах.

Главное преимущество украинцев по сравнению со многими другими народами в том, что у них утонченность вкуса является не только следствием образования или сексуальной ориентации, но и связана с местом проживания. В западных областях, в частности, среди прекрасных покрытых туманной романтической дымкой холмов и гор, не идущих в никакое сравнение с унылым холодным однообразием швейцарских Альп, например. То есть во многом predetermined природой. Нет ничего удивительного, что именно эта местность дала миру Захер-Мазоха.

По этой причине им, в отличие от тех же русских, нет никакой необходимости в критические моменты своей истории провозглашать самыми характерными чертами своего национального характера исключительно тупость и уродство.

В Гостином, я смотрю, руководство тоже окончательно ебнулось. Вместо радующих слух забавных песен типа: «Выбирайте сумму, на которую дарить, не забывайте ее вы в кассу оплатить», – теперь

из всех репродукторов раздаются заунывные религиозные песнопения и реклама православной пекарни. Больше пяти минут такую пытку нормальному человеку выдержать невозможно. Буду теперь лучше ходить в Пассаж: там, по крайней мере, музыка более-менее нейтральная, хотя тряпки стоят дороже. Но, как говорится, не хлебом единым жив человек.

Если бы в результате всей этой возни хотя бы президентский полк облачился в форму казаков, то я была бы удовлетворена. Но боюсь, что Юдашкин – или кто там еще? – даже этого не допустят.

В спорте особенно заметно, что увлекательность того или иного состязания напрямую зависит от строгости соблюдаемых в нем правил, особенно в игровых видах. Я не сильно разбираюсь в футболе, но, по-моему, он собирает больше зрителей, чем регби, где можно хватать мячик руками. Не менее популярен и бокс, в котором запрещено бить ниже пояса и по затылку. Приблизительно так же обстоят дела и в искусстве, которое в двадцатом веке постепенно превратилось в настоящее царство упадка и уныния и, опять-таки, во многом благодаря отсутствию рифм, расплывчатым потокам сознания и лишенной строгих очертаний беспредметности. И только в обыденной жизни люди, часто сами того не желая, все еще вынуждены подчиняться законам природы, что делает наблюдение за поведением тех или иных двуногих особей более-менее забавным и познавательным.

Яблоко ударило по голове Ньютона. И, похоже, это было последнее важное событие в истории человечества. Если бы любой индивид, решивший, к примеру, подняться на балкон высотного здания – чтобы затем, переступив через опасную черту, запорхать и воспарить к небесам – был в состоянии осуществить свой неожиданный и оригинальный замысел, этот мир окончательно погрузился бы в хаос полной свободы самовыражения и безграничной скуки.

Политики оказались не менее надоедливymi, чем верующие. Их постоянное мельтешение не идет ни в какое сравнение даже с мухами, назойливость которых у Апухтина все-таки не лишена декадентской утонченности. В результате моя голова непрерывно грузится абсолютно не нужной мне информацией. Тогда как я предпочла бы прожить свою жизнь в неведении хотя бы по поводу Бога, например. Пусть бы его тень и сейчас маячила где-нибудь в туманной ночи, а я бы сохраняла в душе ни к чему не обязывающую смутную, но не лишенную некоторой притягательности надежду на его существование и спокойно занималась своими делами. А в промежутках, как Лермонтов, выходила на пустынную дорогу и любовалась звездами.

«Лучше жить на коленях, чем умереть стоя», – любимая цитата моего детства, которая, если не ошибаюсь, принадлежит Жану Жироду.

Черт! Заглянула сейчас в гугль и обнаружила, что он умер в начале 1944 года, то есть больше, чем за год до окончания ВОВ. Правда, от сердечного приступа, но все равно неприятно. Мне кажется, что авторы подобных высказываний просто обязаны доживать до окончания глобальных катаклизмов типа мировых войн. Всякие там землетрясения и цунами, которые случаются практически ежедневно, естественно, не в счет. А то получается, почти как в случае с создателем диеты для звезд Голливуда Аткинсом, который, как потом выяснилось, сам стал жертвой ожирения, не справился с избыточным весом и, поскользнувшись на улице, ударился башкой о тротуар.

Если этот мир наконец-то не спасет красота, то слеза ребенка его, определенно, погубит.

После того, как я узнала, что в России сейчас победили люди, еще более простые, чем писатели, мне стало окончательно не по себе. Боюсь, что я буду плохо спать.

Не слишком часто, но раза три или четыре в своей жизни я бросала просмотр заинтересовавших меня поначалу сериалов, когда один или несколько исполнявших ведущие роли актеров вместо того, чтобы продолжать играть, как их, вероятно, учили в театральном ВУЗе, вдруг ко второму или третьему сезону начинали навязчиво кривляться. Возможно, они сами в этом были даже и не виноваты, а просто становились жертвами просчетов в сценарии или ошибочных установок режиссера. Однако, по моим наблюдениям, поначалу высокий рейтинг практически всех таких сериалов очень быстро падал, а сами проекты лишались дальнейшего финансирования и сворачивались.

Скорее всего, исключительно по этой причине, постоянно имея дело, главным образом, со словами, то есть фактически с пустотой, я и сама тоже постепенно начала испытывать инстинктивный страх перед ощущением полной свободы, легкости и отсутствия сопротивления материала. К счастью, занятие литературой позволяет мне обходиться без услуг сценаристов и рекомендаций режиссеров.

«Признаками духовного кризиса могут быть такие понятия, как страх, экзистенциальная тревога, тошнота, скука...» Настоящие русские интеллигенты («с человеческим лицом») всегда жили и будут жить по понятиям. Не то, что некоторые!

Не знаю, кто как, а лично я никогда не отвечаю своим недоброжелателям сразу. Просто я давно заметила, что мозг большинства отстающих в развитии от общих среднестатистических параметров индивидов устроен по образцу и подобию роботов, поэтому отсутствие причинно-следственных связей в поступках других людей серьезно травмирует им психику, из-за чего они на какое-то время даже способны потерять ориентацию в окружающем мире. Что и позволяет незаметно подтолкнуть их в оказавшуюся случайно поблизости яму, например.

С этой точки зрения Сталин, несмотря на негативное отношение к кибернетике, своим поведением и общей жизненной стратегией являет собой крайне поучительный пример для ведения войн будущего, когда человечеству напрямую придется столкнуться с вторжением на Землю инопланетных киборгов.

Безусловным признаком возрождающейся ныне в России духовности следует признать хотя бы то, что отечественные политики на данный момент уже практически ничем не отличаются от писателей, большинство из которых во все времена грузили своих читателей проблемами, связанными с длительным проживанием в сельской местности, отсутствием материнской заботы, женского внимания, диплома ВУЗа и прочими неудачами в личной жизни, делая таким образом и без того нелегкую жизнь последних еще более сложной и тяжелой.

Политика для гения – это все равно что атмосферные колебания температуры, влажность и другие особенности климатических условий, под воздействием которых формируются редкие драгоценные камни типа алмаза или изумруда. Для обывателей же в социуме природу заменяет экономика.

Что-то, я смотрю, кругом очень много аптек пооткрывалось. На всей улице Марата раньше, помню, всего было максимум две, а теперь чуть ли не через каждые сто метров на них натыкаешься. И за углом на Боровой не успела одна появиться, как фактически напротив недавно возникла другая. И самое главное, в какую из них ни зайдешь: внутри – ни души и полная тишина,

чтобы продавца дозваться, приходится минут пять в окошко стучать. Подозрительно все это. Причем торгуют там в основном молодые девки и пенсионерки на вид вполне славянской внешности, не то что в овощных лавках и табачных киосках. А ведь еще Розанов писал, что «русский человек никогда не станет аптекарем».

Поскольку слова окончательно перестали что-либо значить, надо бы им хоть какое-то применение найти, что ли. Можно их в рамочки помещать, а потом распечатывать, вырезать и приклеивать к холодильнику, например. К тому же, в русском языке довольно много всяких красивых и выразительных слов накопилось: эвтаназия, турбулентность, ребрендинг, реструктуризация, гудвилл, выгодоприобретатель, аффилированность, брахицефалия, и т.п. У зашедшего на кухню человека при виде таких наклейек будет повышаться аппетит.

Il s'est trouvé que les pop-stars ne soient pas tellement inoffensifs comme je les avais cru avant... Et il se peut que c'est tout ce que j'avais appris du nouveau sur le monde environnant pendant les derniers vingt ans.⁴

В Петрозаводске десантники "по приколу" затушили пивом Вечный огонь у памятника защитникам Отечества, отмечая День ВДВ.

Посмотрела, наконец, кино «Незнакомец у озера». Название явно перекликается с известным советским фильмом «У озера» про защиту окружающей среды с Шукшиным в главной роли, но речь несколько о другом. Местность, где разворачивается действие, чем-то отдаленно напоминает Швейцарию, где я побывала прошлым летом. Настоящие райские кущи, а вокруг в изобилии бродят голые мужики с болтающимися гениталиями, и почему-то ни одной бабы. Практически как в Женеве, где я тоже наблюдала множество накачанных молодых людей при полном отсутствии девок их возраста, хотя пожилые дамы там все-таки были, причем все достаточно холеные и ухоженные. Ну, а обосновавшиеся у озера личности постоянно знакомятся друг с другом, делятся болевыми проблемами, а затем удаляются в ближайший лесок и трахаются. Никто никого не достает, все счастливы. Если, к примеру, в момент совокупления поблизости возникает какой-нибудь мирный дрончер, то, стоит ему сделать замечание, как он сразу же, натянув штаны, безропотно удаляется. То есть все фактически, как в той же Женеве, правда, там прямо на улицах и даже в подворотнях никто при мне не трахался – возможно, из-за присутствия пожилых дам.

И вдруг среди этих счастливых появляется красавец, чем-то похожий на Фредди Меркьюри, и тоже со своим другом. Этот Меркьюри, которого на самом деле зовут Мишель, очень нравится Франку, забредшему к озеру в поисках любви, и периодически беседующему с жирным мужиком, одиноко сидящим на берегу и созерцающим водную гладь. Однако у Мишеля, как я уже сказала, есть партнер, поэтому Франку остается лишь с тоской вглядываться на красавца издали. Что он и делает, притаившись на заросшем кустами берегу озера, в воде которого плещутся Мишель и его друг. Однажды, когда уже стало смеркаться, и местность вокруг опустела, он становится свидетелем ужасного преступления: красавец Мишель хладнокровно топит своего приятеля. Франк, дрожа от страха, сидя в кустах, дожидается наступления ночи, а потом тихонько убирается восвояси. Утром же он снова возвращается к озеру и видит, что одежда и кроссовки утопленного парня так и лежат на песке, на том же самом месте, а вокруг сидит несколько голых юношей: никому ни до кого нет дела, всем все абсолютно до лампочки. Жирный мужик тоже, как ни в чем не бывало, продолжает сидеть в сторонке и пялиться на озеро. И вот наконец-то появляется Мишель. Они с Франком тут же находят общий язык, уединяются в леске и предаются любовным утехам. Так продолжается несколько дней, пока тело утопленного не всплывает на поверхность. После чего к озеру приезжает полиция, и тщедушный следователь в очках опрашивает всех присутствующих, однако

⁴ Поп-звезды оказались не такими безобидными, как я раньше думала... И, пожалуй, это все, что я узнала нового об окружающем меня мире за последние двадцать лет. (франц.)

никто ничего вразумительного сказать ему не может. Франк поглядывает на Мишеля с опаской, но все равно не в силах противостоять его чарам и даже соглашается купаться с ним в озере, хотя внутренне весь дрожит от страха. Следовательно продолжает допросы, Мишель начинает волноваться и, в свою очередь, смотрит с подозрением на Франка и жирного мужика, поскольку тот все время сидит на берегу и поэтому является потенциальным свидетелем. А жирный мужик, видимо, желая ускорить ход событий, еще и сам намекает Мишелю, что он что-то такое видел, после чего демонстративно удаляется в лесок, как бы приглашая Мишеля последовать за собой. В результате Франк обнаруживает мужика с перерезанным горлом под кустом, в то время как Мишель, промелькнув среди кустов с обагренными кровью руками, скрывается в лесных зарослях. Тут неожиданно появляется следователь, которому Мишель тоже всаживает в живот нож. Франк опять прячется в кустах и сидит там до наступления темноты, слушая, как Мишель ходит вокруг и кричит: «Франк! Франк! Иди сюда! Я не сделаю тебе ничего плохого! Франк!» И вот, когда Мишель уже, вроде, окончательно собрался уходить, Франк, вопреки всякой логике вдруг поднимается в полный рост и сам начинает орать в кромешную тьму: «Мишель! Мишель!» - то есть фактически звать свою погибель...

Короче, это произведение, возможно, и посильнее Фауста Гете, но, если сравнивать его, к примеру, со старым советским фильмом «У озера», который я уже упоминала выше, то тут, пожалуй, все как-то уж слишком просто и понятно. Там, если мне память не изменяет, юная журналистка разрывается между любовью к самому озеру и внезапно охватившей ее страстью к директору предприятия, строящегося на берегу объекта ее главной сердечной привязанности и способного его погубить.

Встретила сегодня днем у подъезда соседа по лестничной площадке. И поскольку он юрист и занимается недвижимостью, то решила расспросить его, что сейчас происходит в ТСЖ, на собраниях которого я никогда не хожу, однако из наклеенного у почтовых ящиков объявления недавно узнала, что там пару месяцев назад случилось что-то типа переворота, и инициативная группа жильцов сместила старого председателя. В результате же я не услышала от него ни одного конкретного факта, а только абстрактные философские рассуждения о профессионализме одних и отсутствии высшего образования у других. Причем, начав говорить, он, казалось, уже вообще не собирался останавливаться, и мне пришлось терпеть его разглагольствования чуть ли не полчаса, пока его наконец не забрала домой возвращавшаяся из магазина с кошелками жена. Этот разговор невольно напомнил мне мое первое знакомство с творчеством писательницы Марининой, в книгах которой я тоже когда-то по наивности пыталась найти забавные случаи из жизни преступников и маньяков, так как ее повсюду представляли в качестве автора детективов, имеющего за плечами опыт работы в милиции, однако очень скоро я убедилась, что все свои сюжеты она черпает исключительно из газет и собственной головы, поэтому я могу спокойно обойтись без ее посреднических услуг.

Точно такое же чувство вызывают у меня сегодня и постоянно мелькающие перед глазами аналитические статьи журналистов, экономистов, социологов и прочих экспертов, большинство из которых якобы лично знакомы с ведущими отечественными политиками и бизнесменами. Судя по всему, они дни напролет не отрываются от экрана телевизора или же, в лучшем случае, не вылезают из соцсетей. Тем же, похоже, заняты и поставляющие им информацию депутаты и предприниматели.

Одно меня утешает. Перспектива расставания с этим миром становится все менее и менее грустной. Еще совсем недавно мне было немного обидно, что я никогда не узнаю, какой формы будут мобильники и другие технические новинки будущего. А если же люди всерьез намылились в ближайшие столетия вслед за римским папой помогать бедным и целовать ноги больным СПИДом, то тогда тут особо и говорить не о чем. Пусть они без меня прыгают в прорубь и возводят свои высокодуховные храмы. Мне лично уже сейчас эти штамповки с золочеными куполами успели остоебенить.

В Чувашии мужчина избил свою беременную жену, принял роды и убил младенца.

В Стокманне на Невском начались «сумасшедшие дни». Заглянув туда вчера, я, действительно, обнаружила в продовольственном отделе внизу настоящее столпотворение, хотя на этажах с тряпками все было более-менее спокойно. Тем не менее, какая-то приземистая баба под шестьдесят с вытаращенными глазами, чем-то отдаленно напомнившая мне позабытую ныне ведущую пятого канала Беллу Куркову, стоя среди мирно примеряющих пальто симпатичных девушек, минут десять, наверное, на весь зал орала в телефон, что вокруг нее полно свихнувшихся теток, которые хватают все подряд, отчего она чувствует себя среди них, как в дурдоме.

Я думаю, что в новой религии будущего, каждый, кто совершит нечто забавное и необычное – неважно что – будет попадать в рай. Возможно, впрочем, что это будет религия переходного периода, а затем, когда к людям снова вернется чувство прекрасного, ее формы слегка смягчатся. Однако каннибалы и серийные убийцы все равно останутся на иконостасах уже воздвигнутых к тому времени храмов, став для обывателей чем-то вроде недосягаемого идеала прошлых лет наподобие того, чем являются для них сегодня первые христианские святые или же русские классики девятнадцатого века.

Из современной военной техники мне больше всего нравятся беспилотники. Помню, в одном из первых сезонов «Хорошей жены» целая серия была посвящена бабе, которую судили за то, что, сидя за монитором в Америке, она нажала на кнопку и угробила кучу мирных иракцев вместе с детишками. На самом деле, подобные достижения современной техники очень помогают мне в работе над своими книгами, где-то на бессознательном уровне, во всяком случае. Сидишь дома за компьютером, а чувствуешь себя, как на войне. Я даже думаю, что это одна из причин, по которой вплоть до новейших времен в мировой литературе практически не было значительных женщин-писательниц. Но сейчас все изменилось.

«Духовность», «добро», «бог», «русские»... практически все более-менее значимые слова и понятия к настоящему моменту, я смотрю, уже разобраны. Поэтому мне, видимо, придется довольствоваться случайно оказавшейся никому не нужной «красотой».

Но что поделать, так уж устроен этот мир: кто не успел, тот опоздал.

Шахтеры мне никогда не нравились, честно говоря. Даже среди пролетариата – наиболее тупая его часть. Плюс ко всему, они еще никогда не моются, и грязь на лицах делает их похожими на негров.

С другой стороны, их непробиваемую дубовость и накопившуюся энергетику от многолетней долбежки жестких горных пород можно иногда эффективно использовать при разрешении различных социальных конфликтов, чтобы склонить чашу весов в свою сторону. В этом отношении, они даже чем-то напоминают мне переводчиков, которые, в силу специфики своего труда, тоже отличаются большей настойчивостью и твердостью духа от писателей и других легковесных личностей, посвятивших себя занятию литературой.

Умер Маркес. Читала когда-то. Ничего не помню, но, судя по экранизациям, ни одну из которых я досмотреть не смогла, он сочинял такую бредятину, что провалы в моей памяти легко объяснить защитной реакцией организма на засорение мозга избыточной и совершенно не нужной мне информацией.

«А в 2012-м младший брат писателя Хаим рассказал BBC, что Маркес страдает от старческого слабоумия и больше не может писать. Впрочем, в окружении автора затем заявили, что он находится в хорошем состоянии для своего возраста».

Мне кажется, что если кто-нибудь берёт в руки мою книгу, он этим оказывает себе редкую честь, какую только можно себе оказать. Вспомнила сегодня, что это высказывание Ницше я когда-то собиралась поместить на обложку своего романа «Белокурые бестии», но в последний момент почему-то этого не сделала, о чем теперь жалею. Всегда нужно доводить свои замыслы до конца.

Припев последнего хита Пугачевой «Нас бьют – мы летаем» пробудил в моей памяти слова другой песни, которую я несколько лет назад случайно слышала в каком-то магазине, правда, в мужском исполнении:

*На небе случилось затмение,
И Солнце накрылось Луной,
В тот день увлеклась она пением,
Решив стать эстрадной звездой.*

И в том и другом случае, присутствует то, что в филологии и литературоведении, если не ошибаюсь, принято называть «эвфемизмом».

И все-таки, я считаю, что Святой Дух исходит только от Отца. Потому что, если он излучается еще и от Сына, то получается, что он как бы из них троих самый незначительный. А католики, которые за столько лет не смогли врубиться в такую простую вещь, тупые.

Вчера дважды оказалась на грани если не гибели, то травмы. Вышла прогуляться, и сначала какой-то великовозрастный дебил чуть не переломал мне ноги, врезавшись в меня сзади на роликах, а буквально через несколько минут мне в спину въехала юная велосипедистка. А ведь это была всего лишь Пасха. Девятого мая, думаю, из дома лучше вообще не выходить. У меня такое предчувствие, что в этот день все озабоченные поисками мамочки малолетние жутики с перекошенными лицами слезут с развешанных по городу плакатов и начнут кидаться на прохожих. События будут разворачиваться приблизительно, как в триллерах по Стивену Кингу.

Возможно, конечно, вчерашние инциденты произошли случайно, однако я обратила внимание, что с некоторых пор практически все детишки дошкольного возраста, которые попадают мне навстречу на улице, однозначно стали корчить особо злобные рожи и стараются вырулить на своих самокатах и трехколесных велосипедах прямо на меня.

Выступать против нравственности – это все равно, что бить лежачего. Поэтому я обычно и не могу отказать себе в таком удовольствии.

Пример Ленина лучше всего показывает несовместимость гениальности и добра. Семьдесят лет во всем мире муссировался вопрос о масштабах его личности, в то время как параллельно он отсвечивал в фильмах, литературных произведениях и на живописных полотнах в качестве простачка с добродушным прищуром. А когда выяснилось, что, на самом деле, он называл интеллигенцию говном – плюс некоторые другие забавные детали – то к тому моменту он уже окончательно стал никому не нужен и не интересен.

Создавать добрые книги и фильмы куда проще, чем хорошие. Хотя бы потому, что в добрых произведениях персонажи должны приветливо улыбаться, помогать старушкам, не бросать своих близких в трудную минуту и совершать другие полезные для окружающих дела и поступки. А вот как себя обычно ведут герои романов, которые претендуют на то, что потомки причислят их к так

называемым «шедеврам»? Так сразу этого и не скажешь, тут, определенно, присутствует нечто ускользающее.

С этой точки зрения отношение некоторых творческих личностей к сегодняшним веяниям в культурной политике мне не совсем понятно. По сути, им предлагают меньше напрягаться и не тратить лишние силы на процесс труда, да еще обещают повысить при этом зарплату, а они чем-то недовольны. Ничего удивительного, что даже те, кто раньше смотрел на подобных индивидуумов снизу вверх, почтительно называя их «властителями дум», «гениями» и пр., теперь постепенно начинают относиться к ним как к дурачкам.

Сегодня Международный день ДНК. Еще один из немногих достойных внимания праздников. Без этого научного открытия жизнь сейчас стала бы скучнее, так как не было бы CSI и многих других детективов и триллеров. Отпечатки пальцев исчерпали себя где-то к середине прошлого века, по моему. Теперь по ним ловят только уж совсем законченных лохов.

Вообще, нельзя не заметить, что в современном мире преступники становятся все более интеллектуальными и уже сейчас грабят банки при помощи компьютерных программ, тогда как многие представители государственной власти, наоборот, даже внешне начинают напоминать тип личности, подробно описанный когда-то Ломброзо. А это значит, что в сравнительно недалеком будущем эти две социальные группы, вполне вероятно, окончательно поменяются местами. Каким образом подобная метаморфоза произойдет, пока сказать трудно, но в целом это было бы логично, потому что соответствует общей тенденции эволюции человечества, согласно которой более сильный и развитый животный тип постепенно подчиняет себе остальных.

А поскольку тут можно говорить еще и о торжестве утонченных форм жизни, выраженных, в том числе, и во внешнем облике человека, то знаменитое пророчество Достоевского про спасение мира красотой, в которое сейчас мало кто верит, тогда также способно получить неожиданное подтверждение.

Узнала вчера, что один известный писатель собирается сейчас писать биографию Ильи Глазунова, и поняла, что просто обязана сесть за жизнеописание Петросяна. Если русские всерьез претендуют на то, чтобы их считали арийцами, две эти книги должны издаваться в одном томе в качестве конволюта. Красота без юмора, как и юмор без красоты – это удел недочеловеков.

Никогда не разделяла восторгов по поводу в той или иной форме сбывшихся литературных пророчеств. Подавляющее большинство таких предсказаний принадлежит писателям, которые абсолютно не врубаются в то, что творится у них перед носом. Между тем, людям, в том числе и занимающим руководящие посты в государстве, вообще не свойственно что-либо планировать. Однако оказавшись в затруднительной для себя ситуации, они, подобно утопающим, начинают хвататься буквально за все, что подвернется им под руку, включая и так называемые идеи. А это значит, что и через сто лет с человечеством может случиться все что угодно: в частности, на Марсе будет обнаружена жизнь, а большинство населения Земли снова станет поклоняться волхвам или исповедовать культ вуду.

По этой причине истинным пророком следовало бы признать того, кто никогда ничего не предвидит и не предвидел, поскольку более-менее понимает тех, кто его окружает. Толпе, к сожалению, этого не объяснишь.

Люди делятся на голодных и сытых – один из широко распространенных стереотипов, который, как я теперь поняла, не имеет ничего общего с реальностью. Куда более важной системообразующей чертой человеческого бытия является тупость, подобно невидимому магниту, притягивающая к себе представителей самых разных национальностей, социальных прослоек и идеологий.

Идея: кто сильнее тарачит глаза и громче всех орет, тот и прав, – в принципе, была предварительно обкатана на многочисленных телешоу типа «Пусть говорят». Поэтому подобная манера поведения меня сейчас не особенно удивляет.

Еще один пример того, как все же полезно время от времени смотреть телевизор. Если хотя бы раз в год на даче я его не включала, то, вероятно, к настоящему моменту окончательно отстала бы от жизни и многого не понимала.

Иногда недостаточно понимать, что впереди тупик, надо еще быть уверенным, что путь до него не длиннее твоей жизни. Вот почему в человеческом мире, помимо умных, почти всегда находятся еще и самые умные.

На мой взгляд, вскидывать руку в древнеримском приветствии гораздо приятнее и гигиеничнее, чем лезть к знакомым со слюнявыми поцелуями.

Кажется, я поняла, почему так популярен футбол. Когда идешь по улице и пнешь какую-нибудь деревяшку или камушек, и то сразу чувствуешь удовлетворение, а на душе становится легче. Поэтому люди и носятся по полю за мячом, чтобы его посильнее лягнуть.

Зачем, интересно, награждать людей разными обидными для них ярлыками, позаимствованными из прошлого, если они сами, к примеру, постоянно твердят, что любят детей и добро? Так и надо их понимать. Я считаю, что не только народы, но и отдельные индивиды и группы лиц имеют полное право на самоопределение.

Люди, я заметила, обожают симметрию. Особенно представители простого народа. Если бы в учении Маркса, в частности, не было единства и борьбы противоположностей – благодаря которому буквально все в этом мире, включая добро и зло, уравнивается – то оно, наверняка, не получило бы столь широкого распространения в массах. То же самое можно сказать и про религию, где Бог вбирает в себя и силу, и истину, и красоту, то есть фактически ничем не обделен. Когда личности, у которых полно проблем и постоянно чего-то не хватает, видят перед собой подобный пример, они испытывают вполне понятное удовлетворение.

А вот постмодернизм, где все как-то наперекосяк, их, наоборот, раздражает.

Если выбирать между Модерном и Большим стилем, то я, пожалуй, предпочла бы Модерн. Во-первых, дома на вид, по сравнению со сталинскими, поприятней: кирпичи бывают разных цветов, и всяких веночков и завитков побольше. Индивидуализм, опять-таки, плюс декаданс... А так, особой разницы между ними нет.

В Большом стиле мне нравится, что он создан маленькими людьми. В этом есть что-то трогательное.

Завидую иногда ветеранам ВОВ. Окажись я на месте кого-нибудь из них, я сочиняла бы книги, как у Пруста – кое-что, возможно, на французском – и публиковала их исключительно в самиздате. А о моем героическом прошлом узнали бы только далекие потомки, благодаря архивным изысканиям литературоведов. Например, что я подбила танк. Это было бы прикольно.

Обилие плохих фильмов, стихов и картин удручает. И все, как дымовой завесой, стыдливо прикрыто пафосом. Такое впечатление, что наиболее слабые и недоразвитые из человеческих особей для защиты от окружающей среды после нескольких веков эволюции научились сегодня излучать его припрятанными в черепной коробке специальными железами, наподобие того как скунсы, почувствовав прикосновение посторонних, выделяют липкую жидкость с отталкивающим запахом.

По мнению блогера, некие вандалы после сноса хотели утопить памятник в ближайшем заболоченном овраге. Но советский солдат дал им последний бой! Он зацепился ногой за край канавы и потому упал не так, как хотели его уронить. От удара нога солдата раскрылась. Таким съёмочная группа его и обнаружила.

Интернет лишил писателей конкурентного преимущества, которое ранее гарантировал им печатный станок. Однако, если подумать, это достижение прогресса мешает не только им, но и читателям. Поскольку практически каждый, кто высказывает свое мнение о чем-либо произведении, теперь ведет собственный публичный блогик, то есть в определенном смысле тоже является писателем и может быть оценен окружающими в таком качестве. Тогда как раньше даже мечтавшие о литературной карьере личности хранили рукописи в столе или каком-нибудь другом труднодоступном для посторонних глаз месте, и поэтому могли спокойно обсуждать любого раздражающего их автора, сидя на кухне в узком кругу единомышленников и получая от этого гораздо большее удовлетворение.

Не говоря уже, что и сам объект критики сегодня также имеет возможность беспрепятственно знакомиться с текстами того, кто на него наезжает. Что и вовсе делает гения фактически неуязвимым для недоброжелателей.

«Быть самим собой» – по-моему, так это ужасно скучно. Даже если ты родился бородатой женщиной, а уж про остальных людей я вообще не говорю.

Все же в слове «духовность» есть что-то противное: как будто в тесном жилом помещении долго не проветривали и сильно надышались. Поэтому, вероятно, и все производные от него понятия типа добра, бога, нравственности, гуманности и любви тоже с каким-то неприятным душком.

А вот произнесешь, например, «бездуховность» – и сразу чувствуешь, будто стоишь на горной вершине, где вокруг бодрящий холод и разряженная атмосфера.

С Марксом все более-менее понятно: он был таким же тупым, как и его последователи.

Однако бывает и наоборот: чем утонченнее родоначальник какого-нибудь учения, тем более грубые и уродливые формы оно принимает, когда его вдруг решают воплотить в жизнь. А в некоторых случаях – как сейчас в России, например – у истоков, возможно, и вовсе стоит такое неземное и возвышенное существо, что большинство тех, кто сейчас якобы претворяет в реальность его идеи, вообще не подозревают о его существовании. А если вдруг и узнали бы, то, наверняка, сильно удивились, чем они, на самом деле, занимаются, а точнее, какой смысл их поступкам отдельные посвященные личности все это время приписывали.

Объяснение же подобному феномену следует искать именно в рафинированности скрытого от глаз толпы идеолога, породившего настолько эфемерные и ускользающие от человеческого глаза и слуха умозаключения и понятия, что они способны оказать воздействие на окружающую реальность не более, чем какой-нибудь слабый ветерок, дуновение которого ощущают на себе только самые субтильные стебельки, листики и комарики, в то время как все остальные представители флоры и фауны существуют, не обращая на него никакого внимания и подчиняясь исключительно своим природным инстинктам.

Даже беглого знакомства с рейтингами поп-певцов, сериалов, триллеров и прочего трэша достаточно, чтобы понять, что большую часть населения Земли в наши дни составляют денди.

Главное зло так называемых «истины» и «добра» заключается в том, что каждый, кого окружающие заподозрят в симпатии к ним, автоматически превращается в их глазах в человека,

которого устраивает перспектива попадания в рай, то есть фактически в лоха. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заметила, что личности, приехавшие в Петербург из сельской местности, отличаются от городских жителей не только манерой одеваться или говорить, но и особенным выражением лица, какое бывает, к примеру, у овец, свиней, коз и даже птиц типа кур и индюков. И это понятно. Если человек с детства привык постоянно наблюдать за разными домашними животными, то он невольно перенимает и их манеру поведения. Такой феномен, в частности, был описан Кипплингом в «Маугли», правда, в самом крайнем его проявлении. Кассирши продовольственных магазинов, в частности, обычно смотрят на тебя, как коровы из-за ограды, когда они перестают жевать траву и поворачивают голову в сторону какого-нибудь проходящего мимо незнакомца – когда я жила у бабушки в Шепетовке, то сама постоянно наблюдала подобную картину. А молодые люди из салонов связи больше всего напоминают мне баранов.

Теперь на каждом шагу, я смотрю, стали попадаться «столовые», а кое-где даже возродились «рюмочные» и «закусочные». Не знаю, так ли это на самом деле или мне просто что-то чудится, но, проходя мимо них, невольно ощущаешь специфический аромат тушеной гнилой капусты и бульона из требухи, хорошо знакомый по временам, когда подобные заведения в народе называли не иначе как «тошниловками» и «гадошниками». Вот она, волшебная магия слова!

Сидя сегодня в скверике возле дома Радищева на Марата, я минут двадцать наблюдала мужика, который расположился на скамейке напротив и громко разговаривал сам с собой, делая вид, будто беседует с кем-то по мобильнику. То, что он, на самом деле, бредит, я определила по тому, что он закончил свой первый разговор только через несколько минут после того, как убрал телефон в сумочку, а следующий, наоборот, начал, забыв его своевременно достать. Кроме того, он был в сером пиджаке, но без носков и в розовых домашних тапочках в цветочек, и сидел, безмятежно откинувшись на спинку скамьи, блаженно улыбаясь и глядя в небеса. Главное темой его монолога было бесконечное перечисление процентов от кредитов и сумм от выручки, которые он намеревался получить от разного рода вложений, договоров и сделок. И это меня даже как-то приятно удивило. Если сумасшедшие до сих пор воображают себя бизнесменами и видят инопланетян, то, возможно, дела вокруг обстоят вовсе не так плохо, как я думала. До сегодняшнего дня я почему-то была уверена, что они все уже давно считают себя наполеонами и прячутся от чертей.

До недавнего времени как-то над этим не задумывалась, но сейчас обратила внимание, что смыслы слов и поступков абсолютно не подвластны людям, а подчиняются, видимо, исключительно законам физики и других точных наук, описывающих явления неорганической природы. Лучше всего это заметно по тому, что все попытки их исказить, назвав, например, черное белым или же уродливое прекрасным, оказываются безрезультатными. Даже если это намереваются сделать достаточно большое количество людей, ссылающихся на поддержку самого Господа Бога.

С этой точки зрения, деятельность церкви, уже на протяжении многих веков оспаривающей очевидные для всех вещи, представляется мне в высшей степени неразумной. Поскольку священнослужители могли бы реально усилить свое влияние, по крайней мере, среди наиболее доверчивых индивидуумов, если бы утверждали, что эти, как теперь выяснилось, не зависящие ни от кого смыслы сохраняют устойчивость по отношению к человеческим желаниям и прихотям исключительно благодаря поддержке высшего существа, интересы которого они представляют в этом мире.

Допустим, я решила бы получить какую-то пользу для себя от того, к чему, на самом деле, не имею никакого отношения. Возьмем земное притяжение, к примеру. Ясно, что мне было бы гораздо выгодней говорить, что это именно я усилием своей воли его всячески стимулирую и поддерживаю, чем отрицать его наличие, подталкивая, таким образом, различных безумцев к самоубийственным прыжкам с большой высоты.

Теперь же и самые наивные из людей убедились, что в состоянии ориентироваться в этом мире, спокойно обходясь без какого-либо участия Бога и, тем более, церковных служащих. Точно так же, как все давно врубилась, что сила гравитации никак не связана ни со мной, ни с другими личностями, поскольку к настоящему моменту никто так и не догадался вовремя заявить о правах на нее и создать у окружающих хотя бы иллюзию своей к ней причастности.

В Хабаровском крае сожжен в "лексусе" православный меценат и сгорел построенный им храм. В местном руководстве православной церкви пока не видят связи между двумя этими трагедиями, сообщает агентство религиозной информации "Благовест".

Слышала, что скоро в литературе и фильмах нельзя будет приукрашивать преступников. А у меня в книгах и так вообще ни одного положительного персонажа нет. Сама иногда удивляюсь своей предусмотрительности.

По мнению психоаналитиков, комплексы – это такой груз детских впечатлений, который тот или иной индивид тащит с собой по жизни, отчего они мешают ему адекватно воспринимать окружающую реальность. Однако, стоит только внимательно оглядеться по сторонам, как обнаруживается, что наибольшего успеха в жизни добились именно те, кто с подросткового возраста как будто вообще не жили и ничего не видели. Так, может быть, Фрейд заблуждался, и именно в этом и заключается настоящая мудрость: не развиваться и ничего не замечать вокруг?

Непонятно только, чем я сама тогда всю жизнь занималась. Я считала, что постоянно совершенствуюсь и поднимаюсь вверх по ступеням познания, а теперь получается, что, на самом деле, я пребывала в мире иллюзий, а, пробудившись, обнаружила вокруг сплошь дегенератов, которые во всем остальном, за исключением знания окружающего мира и самих себя, продвинулись дальше меня.

Возможно, правда, тут дело не только во мне. Эти задержавшиеся в развитии личности тоже ведь все это время могли изображать из себя умных – заводить всякие интеллектуальные беседы на отвлеченные темы и т. п. – особенно при встрече со мной. У меня имеется университетский диплом, выходят книги, я знаю несколько языков, поэтому догадаться, что я не такая идиотка, как они, не так уж и сложно. А теперь им надоело прикидываться, и они решили окончательно стать самими собой, отбросив маски, так сказать.

Чисто технически подобного эффекта добиться не так уж и сложно. Помещают же космонавтов, к примеру, перед отправкой в космос в специальные камеры, где у них возникает полная иллюзия, что они находятся в невесомости. Там они по несколько часов, а может, и суток порхают в воздухе, а затем спокойно вылезают и идут к себе домой, твердо ощущая под ногами землю. При этом создавшие такие камеры конструкторы и прочие работники космической промышленности вообще не заботятся о том, чтобы произвести на окружающих благоприятное впечатление. Сколько я себя помню, они все, начиная с Циолковского и кончая академиком Королевым в фильме «Укрощение огня», всегда казались мне откровенными олигофренами. А ведь погрузить человека в земных условиях в невесомость уж никак не проще, чем создать у него ощущение интеллектуального окружения. Тут и вовсе достаточно поприличней одеться и заучить несколько слов типа «деконструкции» или «дискурса». А потом – раз! – все снимают очки, врубают русский шансон, и утонченных существ, интересовавшихся искусством, как будто никогда и не было. Улетучились!

Вот и получилось, что все сейчас вокруг раскрепостились, веселятся и резвятся, как дети, а я, наоборот, оказалась придавлена никому не нужным грузом знаний, и чувствую себя так, будто внезапно проснулась ночью в темном лесу среди диких зверей.

Религия – это искусство для обывателей. Бог – на небе среди звезд, святые – тоже затерялись где-то в веках. Практически идеальный расклад для личностей, которые физически не способны

воспринимать всерьез того, что находится у них перед носом. Все, до чего им удастся дотронуться рукой, сразу же утрачивает для них всякую привлекательность и становится таким же простым и банальным, как и они сами.

Но допустим, что кто-нибудь из них в результате своей образцовой правильной жизни окажется после смерти в раю. Он сразу же заявит, что ждал куда большего, не видит вокруг себя ничего особенного, и у него на даче было, как минимум, не хуже. А это значит, что никакого особого удовольствия от пребывания там он не получит.

Не лучше ли в таком случае отдать его место кому-нибудь другому? Пусть даже менее высококонравному индивиду, но способному ценить прекрасное?

Для осознания того, что фотография – это тоже искусство, нужно попробовать снять цветы, например. Что я сегодня на даче и сделала. В реальности самые обычные одуванчики, и те выглядят более-менее привлекательно, а на фото – ужасно. Из-за своей банальности, а может, еще по какой причине – не важно. Главный признак искусства и заключается в его полной противоположности жизни.

По этой причине слова «реализм» и «натурализм» у любого истинного ценителя прекрасного обычно вызывают естественное отвращение, что-то типа рвотного позыва от плохо проваренной пищи. «Соцреализм» и «критический реализм» звучат уже несколько лучше. И совсем другое дело – «романтизм», «классицизм», «барокко» и даже «постмодернизм». Но особенно, конечно, ласкает слух «декаданс».

В моем фундаментальном труде о всепобеждающем и всеохватывающем влечении человека к графомании поездке писателя Проханова в Северную Корею, думаю, будет посвящена специальная глава под названием «Путешествие в страну Поэзии».

Многие люди испытывают тягу к разным необычным и странным вещам, но далеко не все решаются заявить об этом вслух, и, тем более, воплотить в жизнь свои тайные мечты и фантазии. А писатель Проханов на собственном примере показывает читателям, что им следует отбросить предрассудки и стать полностью свободными людьми. Именно в этом и заключается предназначение истинного гения.

Мое настроение, заметила, теперь зависит только от погоды. Видимо, я стала ближе к природе.

Обиженные и ущемленные. Экранизация произведения с таким названием, мне кажется, была бы сегодня куда более актуальной, чем «Бесы». Жаль, что никто из русских классиков его в свое время не сочинил. Вот это, я понимаю, было бы пророчеством. А то всего лишь какие-то бесы. Даже и включать не хочется.

книга навеянных уголовным преследованием стихов.

Атмосфера всеобщей любви, безусловно, приятна. Однако, даже среди животных и растений далеко не все виды тянутся к Солнцу. Молочные продукты из Вологды или Финляндии, насколько я знаю, предпочтительнее аналогичных товаров из южных регионов. И картошка в черноземной полосе России рождается более червивой, чем в Белоруссии и Псковской области. В Париж ее, по моему, тоже доставляют главным образом из Нормандии.

Вот и самые удачные литературные произведения обычно получают, когда их автор является объектом ненависти окружающих. Я давно обратила внимание, что, пересекаясь с некоторыми личностями, ты почти физически чувствуешь, как тебя овевают волны и целые потоки

теплых излучений. Когда ты идешь с таким существом, к примеру, по выставочному залу во время какого-нибудь вернисажа, и все вокруг начинают тебе кивать и приветливо улыбаться, включая тех, кто раньше при встрече с тобой кривился и отворачивался или же кого ты обычно сама вообще просто не замечала. И поначалу это даже тебя радует, расслабляет и успокаивает, но потом вдруг ты начинаешь ощущать вокруг себя явственный аромат гнили и затхлости, отчего в тебе пробуждается инстинктивное желание срочно покинуть это помещение и поскорее вернуться в более привычную для себя атмосферу холода и одиночества.

С этой точки зрения гений напоминает мне не только картофель или корову, но еще и состоящую из огромного скопления льда комету, которая периодически попадает в сферу притяжения различных теплых планет и раскаленных звезд. И он существует только до тех пор, пока запаса его творческой энергии ему хватает, чтобы благополучно их миновать. Приблизившись же к этим опасным для себя объектам, он испаряется и превращается в пыль.

Несмотря на всю видимую бессмысленность такого явления, как религия, оно, возможно, способно при определенном раскладе оказаться даже полезным для представителей некоторых сфер человеческой деятельности. И прежде всего, как мне кажется, для творческой интеллигенции.

С точки зрения подавляющего большинства людей, задействованных в сельском хозяйстве, добыче угля, торговле, медицине и другом общественно-полезном труде, писатели и художники занимаются точно такими же абсурдными и никому не нужными вещами, как и священнослужители. По этой причине рядовые обыватели уже много веков терпят присутствие тех и других в этом мире исключительно в силу привычки, которую сами творческие личности и церковные деятели предусмотрительно предпочитают называть высокопарным словом «традиция». Однако подобная идиллия вряд ли будет длиться вечно.

Не исключено, что в какой-то момент человечество погрузится в глубочайший кризис, когда под вопросом окажется сам факт его дальнейшего существования. Тогда все обитатели Земли всерьез задумаются, зачем им тащить на себе такую обузу, когда им самим уже стало нечего жрать и не во что одеваться. Одни продолжают размазывать краску по холсту, лихорадочно стучат пальцами по клавиатуре, а во время так называемых перфомансов и вовсе пугают прохожих, выскакивая на улицу нагишом; другие подталкивают массу людей к прыжкам в прорубь, окунают в кадушки неокрепшие тела младенцев, сами брызгаются на окружающих водой и совершают еще множество причудливых странных манипуляций и телодвижений. И все это при пустых прилавках магазинов, оставшихся без бензина машинах и остановленных доменных цехах. Собравшиеся на стихийные сходки рабочие, фермеры, бизнесмены, химики и математики делегируют из своей среды самых сообразительных и уважаемых индивидуумов, которые отправятся в библиотеки и начнут там разбираться с этим вопросом.

И вот тут как раз и выяснится, что, при всей внешне одинаковой бессмысленности поведения представителей двух этих социальных групп, у искусства имеется куда более солидная, чем у религии, теоретическая база, обосновывающая его важность для общества. Причем как в количественном, так и в качественном отношении. Поскольку основные богословские трактаты, ко всему прочему, были созданы еще в доисторические времена и написаны казенным устаревшим языком. Не говоря уже о том, что книги об искусстве имеют более выразительные и яркие обложки с картинками, так как на них часто помещаются произведения известных художников, которым они посвящены. Тогда как к оформлению религиозных сочинений обычно привлекаются случайные личности со стороны с сомнительными способностями.

Проанализировав всю эту информацию, делегаты доведут свои впечатления до сведения остальной публики, и та с большой вероятностью сделает выбор в сторону искусства, а от религии решит окончательно избавиться. Таким образом, религия невольно исполнит роль своеобразной буферной зоны, заслонив собой сферу художественного творчества. Не будь ее, все внимание доведенных до отчаяния озлобленных людей полностью сосредоточилось бы на искусстве, которое было бы, подобно ненужному балласту, сброшено с корабля современности. А так, возможно, оно продлит свое существование еще на несколько тысяч лет. До следующих серьезных испытаний.

Завидую иногда грядущим поколениям. Они будут жить во времена, когда пророком признают меня, а не Достоевского и Розанова.

Большинство французенок, которых я встречала, обожают разного рода экзотику. Поэтому их браки с русскими, в частности, обычно бывают достаточно прочными. Еще удачнее, по-моему, могли бы стать их союзы с чукчами и эскимосами. Но, к сожалению, представители этих и без того не особенно многочисленных северных народов не так часто выезжают за рубеж. Что сводит вероятность возникновения подобных счастливых семей практически к нулю.

А вот про русских баб, вышедших за французов, такого не скажешь. Тут все дело, видимо, в том, что наши соотечественницы стремятся в основном к благополучию и спокойствию, желая отдохнуть от ненормального окружения у себя на родине, а французские мужчины, как правило, при ближайшем рассмотрении оказываются сумасшедшими маньяками. Русские же, несмотря на то, что многие иностранки отождествляют их с Распутиным и Раскольниковым, наоборот, в быту вполне практичны и непритязательны.

И, опять-таки, Достоевский у французских обывателей на порядок популярнее, чем маркиз де Сад, Лотреамон или же Шодерло де Лакло у представителей аналогичной среды в России. Последние, ознакомившись с книгами Дюма, наивно полагают, что выбирают себе в спутники жизни романтически настроенного д'Артаньяна, благородного Атоса или же, на худой конец, добродушного Портоса. Естественно, им потом бывает сложно привыкнуть к некоторым странностям в поведении своих избранников.

Помню, русская подруга моей парижской знакомой пожаловалась ей, что ее французский муж, который был лет на пятнадцать ее старше, почти сразу после их свадьбы периодически, хотя бы раз в неделю, начал наряжаться в костюмчик своего старшего сына. На тот момент сыну едва исполнилось шестнадцать, но размер одежды у него был вполне взрослый. Короче, этот тип надевал на себя джинсовую курточку, испещренную разноцветными заплатками и разными надписями, рваные джинсы, на руки навязывал разные браслетики из бисера и заплетенных в косички кожаных ремешков, на голову повязывал черную бандану с изображениями пиратских черепов, и в таком виде приглашал ее прогуляться. Сперва она покорно следовала за ним, но потом, после того, как это превратилось в систему, стала отказываться. Однажды он вырядился в костюм своего дедушки, который уже давно проживал в доме престарелых. Он надел на себя его пиджак, в петлице которого была продет маленький засушенный букетик лаванды, бриджи, доходившие до колена, украшенные ромбами гольфы и остроносые лакированные штиблеты, а на голову напялил кепочку с длинным козырьком. В таком виде он заставил ее долгое время прогуливаться с ним под руку по Елисейским полям, где на них оглядывались иностранные туристы, а жена буквально сгорала от стыда. Но хуже всего был случай, когда он надел на себя обтягивающее черное трико и сетчатую майку, сквозь которую прекрасно была видна его обильно волосатая грудь, и отправился с супругой в Булонский лес, где к ним сразу же стали приставить с неприличными предложениями. Когда же она пыталась ему что-то возразить, он просто отворачивался и залиvisto свистел. А однажды намекнул ей, что его прежняя французская жена не только всегда с удовольствием его сопровождала в этих прогулках, но и сама была не прочь нарядиться, скажем, матерью Терезой.

В результате их брак распался. Хотя он неплохо зарабатывал и являлся чуть ли не вице-президентом Банк де Франс. Но она сказала моей знакомой, что опасается не только за себя, а еще и за здоровье своей маленькой дочурки. Правда, моя знакомая считала, что это муж ее бросил, поскольку она отказывалась играть с ним в его маленькие безобидные игры.

По дороге на дачу сегодня в метро напротив меня сидел парень со ссадинами и кровоподтеками на физиономии. И вчера видела еще одного такого же. Может, это какое-то новое веяние, а я просто не в курсе? В принципе, зарождение сейчас подобной брутальной моды именно в России было бы вполне логичным. Правда, тогда и в салонах красоты должны появиться специалисты по установке синяков. Что стало бы настоящей революцией в профессии стилиста. Личности типа Зверева тут уже не потянут.

советские мотивы в русской поэзии.

Этот мир устроен таким образом, что гений рано или поздно оказывается в окружении крайне враждебно настроенных обывателей. Из-за чего ему и приходится возвыситься над толпой, поскольку других путей в жизни у него просто не остается. Поэтому все происходит вполне органично, по законам природы, так сказать. А вовсе не из-за раздутого самомнения, как часто думают копошащиеся у его ног людишки (навеяно соседями по даче).

Подумала сегодня, что если авторов у книги двое, как у «12 стульев», к примеру, то им, наверное, работать над ней веселее. Они ведь могут постоянно переговариваться, делиться свежими впечатлениями, хихикать, толкаться локтями и даже тыкать друг друга в бок шариковыми ручками. Что помогает существенно снять напряжение, не прерывая творческого процесса. А если писатель одинок, как Гегель или Кант, то и произведения у него получаются более скучными. Или же он сходит с ума, как Гоголь, потому что веселятся наедине с собой обычно только ненормальные.

Допустим, я испекла булку, взяла с собой несколько кусочков и бросила голубям. А те потоптались вокруг и, презрительно помахивая крыльями, отошли в сторонку. Ну, а я так и осталась одиноко сидеть на скамейке перед рассыпанными по земле крошками. Какой это был бы облом!

Однако птицам подобное поведение не свойственно. Более того, в этом и заключается главное отличие животных от человека: за долгие годы эволюции они так и не научились получать от жизни чисто духовные удовольствия. Тогда как в Новом Завете, к примеру, прямо так и написано: «Не хлебом единым жив человек».

Жаль, что некоторые профессии до сих пор остаются практически не доступными для женщин. В детстве я мечтала быть капитаном, а в последнее время все больше склоняюсь к мысли, что могла бы стать неплохим Патриархом и выступать по воскресеньям с нравоучительными проповедями.

По мнению Розанова, во всех бедах России сто лет назад была виновата интеллигенция. А вот сегодня, я считаю, пришло время спросить с простого народа. Это было бы справедливо. Тем более, что двадцатый век даже особо влиятельных писателей не родил, поэтому с интеллигенции и взять-то нечего.

Вот я, к примеру, как увижу простого человека, так у меня прямо руки чешутся дать ему в лоб. Единственное, что меня останавливает – это сомнение, а вдруг за личиной кассира или сантехника скрывается кандидат наук. В 90-е все так жутко перепуталось, что до сих пор еще толком не разобрать, с кем ты реально имеешь дело.

Так я и не поняла до сих пор, почему в советские времена члены Союза писателей должны были слагать стихи исключительно в рифму. В принципе, у поэтов имелись тогда те же привилегии, что и у остальных деятелей искусства – такие же квартиры, машины и дачи – но коммунисты зачем-то принуждали их следовать классическим канонам версификации. Что давалось им с огромным трудом, и это сразу бросалось в глаза. Даже внешний облик поэтов был отмечен печатью какой-то ущербности, в то время как прозаики в основном выглядели вполне представительно и вальяжно. Еще бы. Поэтов учили в Литинституте, нянчились с ними в литобъединениях и кружках при дворцах пионеров, тратили на них государственные бабки, а они так и не сумели стать настоящими профессионалами и с трудом подбирали слова для рифм. Обычно у них выходило что-то типа «любовь-кровь» или же «года-вода». А если рифма и получалась более-менее эффектной, то она, как правило, выпадала из общего ритма, отчего стихотворение становилось еще более корявым и беспомощным. Естественно, все это накладывало отпечаток на то, как эти личности себя осознавали. А ведь достаточно было просто разрешить им располагать слова не в столбик, а равномерно распределять по странице. И все! Проблема была бы решена! Их произведения

внешне стали бы практически неотличимы от рассказов и повестей. И сами поэты тоже, наверняка, сразу почувствовали бы себя такими же полноценными людьми, как прозаики. Зачем же их было так садиловать?

И с живописью тогда, кстати, тоже все вышло как-то глупо. С одной стороны, художники, которых обучали в Академии и других вузах, без особого труда справлялись с довольно сложными изображениями домов, воды, облаков, машин, танков, кораблей, самолетов, деревьев и людей. Так что у них, вроде бы, не было причин чувствовать себя не готовыми к выполнению своих профессиональных обязанностей. К тому же, в этой среде отсутствует разделение на прозаиков и поэтов, а все занимаются приблизительно одним и тем же и называются одинаково «художниками», то есть нет объективных предпосылок осознавать себя недоразвитым на чьем-то фоне. И все же, личности, причастные к этой сфере творческой деятельности, также несли на себя печать ущербности. И тут проблема, как мне кажется, заключалась в том, что все, кто в то время занимался литературой, равнялись на Толстого, Пушкина, Гоголя и других отечественных классиков девятнадцатого века, признанных не только у себя на родине, но и во всем мире – а художникам в качестве примера для подражания почему-то выбрали Репина, про которого в большинстве других стран вообще ничего не слышали. Скорее всего, подобная путаница возникла из-за того, что у Репина имеются и портреты, совсем как у Рембрандта, и масштабные по размеру полотна, как у титанов Возрождения, то есть по всем формальным признакам он практически не отличался от тех, кого обычно принято считать гениями. По этой причине, видимо, советские руководители, не вникнув в детали и не наведя соответствующих справок, и приняли его за такового.

А в результате, художники, даже не лишенные способностей к рисованию, оказались как бы загнанными в тупик. И в этом смысле им, наверное, даже больше не повезло, чем поэтам. Нетрудно ведь представить себе, что должны были испытывать люди, которые стараются и так, и сяк, выкладываются на полную катушку, тратят уйму сил, времени, переводят ведра краски, приобретают огромные холсты, заполняя их тщательно прописанными деталями одежды и быта, а никто не воспринимает их всерьез. Ясно, что постепенно они начинают чувствовать себя крайне неуверенно и проникаются недоверием и даже враждебностью к окружающему их миру. Нечто подобное с художниками в советские времена обычно и происходило: они, по-моему, совершенно искренне не врубались, что от них еще требуется, чтобы прославиться и стать великими.

Вот Ньютон, к примеру, жил в семнадцатом веке. То есть несколько тысячелетий до него никто не мог догадаться, что притягивается к земле. Я бы, мне кажется, обратила на этот факт внимание еще в детском саду, и безо всяких ученых.

Еще одно свидетельство человеческой тупости. Стоит ли удивляться после этого, что люди постоянно ни во что врубаются и не замечают куда менее очевидных вещей?

На первый взгляд, война – это что-то типа охоты. Поймал кого-нибудь на мушку, и бац ему в лоб! Почему же тогда от новостей про разного рода боевые действия веет такой скукой? Может быть, тут дело в том, что человека отследить гораздо проще, чем медведя или же тигра? С другой стороны, фильмы про маньяков, которые охотятся на баб, бывают довольно увлекательными. Непонятно, короче.

Все считают Римского папу дураком. А, между тем, он совсем неплохо устроился. Возможно, он не так уж и глуп, как кажется.

В магазине «Красный куб» вещи, большинство из которых можно найти в канцелярских или же хозяйственных товарах, обретают статус подарков и сувениров и продаются дороже. Похожая метаморфоза происходит с самыми обычными колбасами, соками и сырами в гастрономе «Ешь и худей». По такому же принципу устроена и религия, где, по сути, пустое место предприимчивые личности назвали Богом, чтобы с максимальной выгодой для себя всучить его наиболее доверчивым потребителям.

А все вместе подобные торговые точки и социальные институты, видимо, готовят человека к

встрече с инопланетными цивилизациями. В других галактиках, с большой вероятностью, весь окружающий мир тоже будет расчерчен совсем иначе, и вместо привычных овощей, электрики и одежды людям, отправившись за покупками, придется копать в кучах, где будут собраны лампы и яблоки или же помидоры, красные карандаши и другие предметы, отсортированные по форме или же цвету. Ну а где-нибудь в укромном уголке, возможно, будет даже стоять наполненная загадочными туманными испарениями бутылочка с надписью «Бог». Я себе, во всяком случае, такое очень хорошо представляю.

Религии, конечно, плохо продуманы, неубедительно ни фига. Но, с другой стороны, время, например, прекрасно организовано: все разбито на годы, дни, минуты, даже крошечные секунды и те учтены. Все разложено по полочкам, можно сказать. Мне это сегодня очень даже пригодилось, чтобы не опоздать в аэропорт.

То есть предыдущие поколения не даром, все же, жили. Кое-что для своих потомков сумели подготовить и благоустроить.

Прилетела в Париж. В бассейне вчера жирная баба на дорожке, когда я проплывала мимо, стала орать и попыталась меня схватить за руку, а потом толкнула. Похоже, ее разозлило, что я ее обогнала. А, может, наоборот, я ей понравилась. Будем лучше считать так. В Центре Помпиду какой-то тип постоянно на меня оглядывался из-за стука моих клавиш на ноутбуке. При этом вид у него был совершенно безумный, в конце концов, я реально стала опасаться, что он на меня набросится с кулаками и пересел в другое место. А когда я ехала в метро, вдруг раздались вопли про рамадан, и движение перекрыли. Пришлось мне оставшуюся часть пути до Центра Помпиду тащиться пешком. К счастью, не очень далеко.

В целом же, в более глобальном масштабе, так сказать, по сравнению с тем, что было пару лет назад, здесь сейчас стало получше. Чувствуется, что кризис миновал. Жаль, что бытие практически никак не определяет человеческое сознание. Тогда вообще все было бы окей.

За время, проведенное на собрании селинистов, я поняла, наконец, что обожаю ученых! Во-первых, в их облике присутствует какая-то значительность. И не только потому, что они часто носят очки, а вообще. Тут у одного мужика из Нормандии, к примеру, с собой был увесистый портфель из крокодиловой кожи, очень потертый, наверное, еще его дедушки, таких теперь больше уже нигде не увидишь. И выступления все были в основном плавные, размеренные, со множеством туманных слов и выражений. Это успокаивает, и когда их слушаешь, то можно расслабиться и медитировать типа йоги, но совершенно бесплатно. Как будто погружаешься в приятную полумглу и слушаешь неторопливый стук дождя по крыше. Правда, тут многое зависит еще и от тембра голоса, и если он слишком визгливый, то это немного раздражает. Кроме того, ученые полностью сосредоточены на объекте своих исследований, а не выпячивают собственное я, как обычно ведут себя писатели. Поэтому, когда читаешь роман, то сразу видишь, что его автор – дурак, а за научной статьей, даже самой умной по содержанию, тоже запросто может скрываться полный идиот, однако догадаться об этом гораздо сложнее. Что делает науку в высшей степени загадочной сферой деятельности.

Жалко, что меня так редко приглашают на научные конференции. Я бы с удовольствием съездила куда-нибудь еще.

Представила сейчас, как взрослые люди затаскивают к себе в осажденный неприятельскими войсками город деревянного коня, руководствуясь исключительно любопытством. Странно, что я над этим раньше не задумывалась. Это же чистый дебилизм, по-моему. Ну, и сама идея сделать такое сооружение с целью перехитрить противника тоже соответствующая. Яркий пример, что даунам часто бывает гораздо проще справиться с себе подобными, так как они лучше других понимают психологию своих братьев по разуму. Точнее, им даже напрягаться особо не нужно,

потому что разнообразные оригинальные замыслы и планы - типа сколотить из досок большую лошадь и всем туда забраться – периодически посещают их совершенно спонтанно.

После Фрейда даже сны лишились очарования загадочности, отчего и без того не слишком сложный мир вокруг стал еще проще и понятней. Хотя я и не уверена, что это так уж хорошо. С одной стороны, можно, конечно, получать определенное удовлетворение от сознания своего превосходства над дебилами, которые не только продолжают верить в вещие ночные видения, но и наяву пребывают в мире туманных грез. И в то же время, ты как будто постоянно находишься в окружении пьяных и сумасшедших. Тоже не особенно приятно.

И все же, я думаю, если у человечества к настоящему моменту полностью иссякли какие-либо вдохновляющие красивые идеи, то лучше сохранять трезвость взгляда и холодный рассудок. А впадать в экстаз от замшелого Бога – это надо уж совсем себя не уважать и все равно, что ловить кайф от тормозной жидкости или разведенной в воде зубной пасты, оказавшись в условиях дефицита более-менее приличных спиртных напитков.

В компьютере нет ни грамма наглости. Поэтому в будущем, когда усопших гениев и прочих выдающихся индивидов начнут переводить в цифровой формат и переносить на более прочные носители, у личностей типа Ленина, в произведениях которых крайне мало логики, а все сводится к тупой упертости, может оказаться совсем немного шансов на новую жизнь. Поскольку критерием отбора станут вовсе не добро и зло или характеристики современников, а чисто технические нюансы. Можно предположить, правда, что наиболее фанатичные поклонники различных известных отморозков все же попытаются воссоздать своих кумиров, но для этого им, наверняка, придется прибегнуть к помощи чего-нибудь типа стволовых клеток, то есть использовать биологические материалы, подчиняющиеся законам обычной природы.

В результате все интеллигентные и утонченные мировые знаменитости будут сделаны из новеньких блестящих полимеров, а Ленин и другие засветившиеся в истории олигофрены, занимавшиеся подтасовкой фактов и подменой понятий, так и останутся плешивыми и покрытыми прыщами, как после своего первого рождения. Это и станет их наказанием за творимый ими при жизни беспредел и несоблюдение элементарных норм человеческого общения.

Можно только позавидовать людям, способным вдохновляться самыми невероятными и сказочными мечтами и идеями типа коммунизма. В своей жизни, по моим наблюдениям, им довелось испытать всю гамму человеческих чувств: от эйфории до полного разочарования. А некоторым счастливым удалось урвать еще и кусочек своего посмертного бытия, наполнив его интересными и волнующими переживаниями, когда вместо тенистых аллей эдемского сада они уткнулись наконец своим ставшим уже практически бесплотным носом в окончателную пустоту. Тогда как мне, например, постоянно приходится довольствоваться исключительно отчаянием и его оттенками, да и то не слишком разнообразными.

Эта жизнь, особенно в последнее время, все больше напоминает мне книгу, которую я когда-то очень давно по молодости и неопытности случайно неправильно открыла и стала зачем-то читать не с начала, а с конца. Из-за чего в самые интригующие и захватывающие моменты человеческой истории, когда практически все окружающие меня личности начинают скакать и вопить от возбуждения, я, наоборот, неизменно погружаюсь в состояние глубочайшей скуки. Более того, мне еще обычно приходится с огромным трудом себя сдерживать, чтобы не сломать никому кайф, нечаянно проговорившись вслух о том, чем столь взволновавшие всех события вскоре закончатся.

Поняла, что мне больше всего напоминает Центр Помпиду, с его выведенными наружу трубами и подъемными эскалаторами. Россию сегодня! Тоже ни одного скрытого от посторонних плана, замысла или хотя бы намерения, вся внутренняя и внешняя политика целиком выставлены на всеобщее обозрение и доступны для понимания самого последнего обывателя. Глядя на это со

стороны, невольно ловишь себя на мысли, что такому государству не помешало бы обзавестись тайной полицией, например, или же какими-нибудь еще секретными спецслужбами, как в большинстве других стран. Чтобы хоть как-то затуманить действия государственной власти, придав им дополнительную магическую перспективу. Этого требует мое эстетическое чувство, по крайней мере.

Когда я думаю о Спинозе, мне становится как-то грустно. Человек старался, осмыслял всякие сложные понятия, которые казались ему важными для людей, а личности, вроде меня, живут себе спокойно и вообще не в курсе, о чем написано в его книгах. Со мной ведь тоже такое может случиться. Ужас!

С другой стороны, сидишь себе в избушке, и вдруг тебе с неба в огород прямо на грядки сыплются кошельки, золотые украшения, мобильники и дорогие тряпки. Соседи моей бабушки в Шепетовке Козлюки точно были бы довольны. Про сомалийских пиратов и говорить нечего! Им ведь обычно приходится, рискуя жизнью, на своих утлых лодчонках сначала суда на abordаж брать, а затем месяцами париться в ожидании выкупа за заложников, которых все это время нужно еще чем-то кормить, хотя им и самим там жрать особо нечего. А тут нажал на кнопку, и привет! Вся добыча лежит у твоих ног. Они теперь, думаю, спят и видят, как бы им такое чудо техники заполучить. Но пока, увы, им о подобном остается только мечтать. И завидовать. К тому же, они, по-моему, там в Африке не православные, так что им и свеженькое человеческое мясо, наверняка, тоже очень бы даже пригодилось.

Купалась вчера в озере и представила, что там на дне лежит труп, и вокруг полно жаб, пиявок и опарышей, а когда плыла в обратную сторону, то, наоборот, стала думать про то, какая водичка чистая и погода хорошая. И так несколько раз: в одну и в другую сторону. И всякий раз все как будто полностью менялось кругом в зависимости от моих мыслей.

Вот так и люди перед телевизором. То им говорят, что на Западе чуть ли не рай земной и можно жить, не работая, на пособие, и они радостно покупают билеты и ездят на экскурсии. А потом вдруг оказывается, что там живут одни извращенцы, которые трахают детей и расчлениют их на органы, и у них начинается съезжать крыша. Бедные!

Надо бы и мне тоже почаще напоминать окружающим, какая я умная и как много сделала для культуры. А то еще, не дай бог, им наговорят всякого, и они на меня набросятся.

И самое удивительное, какая бы уродливая и унылая действительность тебя ни окружала – это всегда чья-то воплощенная в жизнь мечта.

Хорошо быть режиссером. Актеры играют, оператор снимает, сценарий тоже уже кем-то написан – нужно просто ходить вокруг с важным видом и делать вид, что участвуешь в процессе, а можно и вовсе на все забить и сидеть в сторонке, покуривая. Затем отдаешь отснятый материал монтажерам, и фильм готов. А в литературе: сколько слов из себя выдавишь, столько их потом и появится на бумаге, – вообще никакой поддержки со стороны, и полностью отсутствует ощущение чуда, когда что-то происходит само собой, без твоего участия. С годами это как-то ужасно начинает утомлять. Крестьяне, которые постоянно всем долбят про свою тяжелую участь, и то сначала кидают семена в землю, а потом те уже сами некоторое время растут и дают плоды при помощи природы.

Обратила внимание, что рядом с обычными сведениями о погоде на экране моего телефона теперь стало высвечиваться уточнение, сколько сейчас градусов по ощущениям. Например, сегодня днем должно быть 27, а «по ощущениям 25». Но тогда, мне кажется, нужен еще и человек, который выполнял бы обязанности по регулярной дегустации атмосферных явлений. Все-таки, погода – это не хухры-мухры, от нее зависит урожай, обстановка на дорогах и, наконец, самочувствие работоспособного населения страны, оказывающее самое непосредственное влияние на производительность труда и рост ВВП. Так что, по крайней мере, один такой специалист в каждом регионе должен появиться в самом ближайшем будущем, если их там по какой-то причине до сих пор нет. Некто типа предсказывающего наступление весны сурка, только в человеческом облики.

Лично я представляю себе в этом качестве такого упитанного господина с животиком, который каждое утро в строго отведенное время – допустим, в семь часов – выходит с голым торсом на крыльцо расположенного на холме уютного домика и, похлопав себя по животу, поднимает вверх предварительно облюнявленный во рту палец. После чего к нему из подъехавшего к дому служебного автомобиля подскакивает секретарша и тщательно записывает к себе в блокнотик все ощущения, которыми он с ней делится. Теоретически он мог бы сообщать их и по телефону, но в этом случае никто не в состоянии был бы до конца поручиться за достоверность поставляемой им информации: что он говорит, стоя на улице, а не лежа в постели, к примеру. Людям, увы, свойственно халтурить, даже самым талантливым и наделенным редким даром улавливать малейшие колебания окружающей среды. Поэтому все должно быть организовано четко и профессионально. Кроме того, думаю, таких дегустаторов погоды следует хотя бы раз в месяц приглашать в различные шоу на ТВ, чтобы налогоплательщики могли из первых уст услышать о всех тонкостях и сложностях этой оплачиваемой из местных бюджетов профессии: какой диеты тем приходится придерживаться, чтобы кожа не утратила эластичности и чувствительности, сколько часов в день обязательно спать, принимать солнечные ванны, избегать стрессов, как часто посещать массажиста, занятия йогой и т.п.

И еще одна деталь, о которой вовсе не обязательно должен будет сообщить всем сам дегустатор. Ее из этических соображений лучше будет сделать достоянием широкой общественности при помощи желтых газет, сославшись на утечку информации из достоверных источников. На мой взгляд, публике не помешало бы знать, что подобные специалисты все без исключения являются евнухами и при приеме на работу проходят обязательную процедуру кастрации. Вот это обстоятельство, не сомневаюсь, поднимет престиж данной профессии в глазах обывателей на недостижимую высоту и окончательно развеет сомнения скептиков в ее уникальности и полезности для людей.

Странно, но слово «русский» у меня до сих пор ассоциируется исключительно с ленью, безвольными мужчинами тургеневского типа, лишними людьми, бродяжничеством, интеллигенцией и декадентскими романсами. То есть тут все не так уж и плохо.

У истины есть одно удивительное свойство: она, как магнит, притягивает к себе разного рода умственно отсталых личностей. В этом и заключается ее внутреннее родство с таким явлением, как добро. Точнее тяга к добру является одним из ярчайших свидетельств глупости людей, в то время как приверженность истине говорит об их доброте. Одно другое дополняет, так сказать.

Если же попытаться каким-то боком притянуть сюда еще и красоту, то может получиться впечатляющий трактат об универсальном идиотизме. Чем, насколько мне известно, и занималась традиционная схоластика, приписывающая Всевышнему свойство воплощать в себе сразу три этих качества.

Проблема заключается в том, что в реальной жизни любой наделенный хотя бы минимальным эстетическим чувством индивид обычно старается держаться от правдолюбов и добрячков на значительном расстоянии. Поэтому в случае Бога надо говорить исключительно о его сверхъестественной глупости. Следует это признать.

Чтобы лучше осознать природу человеческой тупости, надо обратить свой взор на китайцев, к примеру. Когда покупаешь их вещи, никогда не можешь быть уверен, что тебе не подсунут

радиоактивную деталь или еще какую-нибудь гадость. К счастью, ввоз китайских продуктов пока сравнительно ограничен, иначе всем пришлось бы не только ходить в канцерогенных кроссовках, а еще и жрать огурцы, выращенные при помощи запрещенной химии и другого дерьма. Этому, естественно, у них всегда найдется оправдание, типа нищеты и тяжелых условий жизни, а на самом деле, они просто не воспринимают некоторых тонкостей и нюансов окружающего мира. Что заложено в них на генетическом уровне, думаю. Поэтому данная особенность национального характера вовсе не мешает вполне динамичному и успешному развитию их государства. То же самое можно сказать и про их живопись, музыку и фильмы, в том числе и получающие призы на различных фестивалях. Во всем ощущается какая-то деревянность и даже дубовость. Чурки есть чурки, короче.

Забавно, что в Советском Союзе именно такой тип человека был провозглашен в качестве идеала и своеобразного венца природы, к которому, по замыслу коммунистов, все должны были стремиться. Достаточно вспомнить известную в то время повесть про так называемого «настоящего человека». Там главный герой не только абсолютно не восприимчив к голоду и холоду, когда долго пробирается через заснеженные чащи и кусты, но в конце, лишившись нижних конечностей, еще и бодро отплясывает на протезах. То есть тут наглядно представлена идея, что сделанные из дерева ноги несколько не хуже, а даже лучше обычных, состоящих из мяса и костей. Более того, только индивид, достигший такой степени неразличения двух этих материалов, может быть назван «настоящим человеком». Все советское искусство, в сущности, представляло собой вариации на тему подобной непробиваемости и бодрости: от простого, как деревяшка, солдата Теркина до постоянно тарасившего глаза и косившего под идиота жизнерадостного певца Хиля.

Но, увы, русские, в отличие от китайцев, оказались не самым подходящим материалом для подобной метаморфозы, какими-то гнилыми внутри, что ли. И все мечты коммунистов о новом человеке так и остались нереализованными.

Прочитала вчера в новостях, что, по мнению патриарха, Первая мировая война велась для защиты православия. Надо же, я-то привыкла считать, что все человечество, начиная со Спартака, существовало исключительно ради появления на свет вождя мирового пролетариата. А тут вон оно как выходит. И кто бы мог подумать!

По дороге к озеру натолкнулась на мужика, который вилами загребал с лужайки скошенную траву и складывал на крышу своего автомобиля. Когда я проходила мимо, у него уже там образовался целый стог. Офигеть! Кого тут только не встретишь! На вид вроде обычный человек в трениках и футболке, а, на самом деле, крестьянин. Даже и в зоопарк ходить не надо.

Еще меня удивляют нищие. Казалось бы, они ставят перед собой задачу раздобыть бабки – тогда почему у них такие противные визгливые голоса и гнусные лицемерные рожи? Особенно у детишек и цыганского вида баб. Котам, например, удается жить на халяву исключительно потому, что они научились располагать к себе людей, собаки тоже стараются быть полезными и приятными в общении, чтобы их кормили. А тут что? У человека, мне кажется, тоже подобные процессы должны как-то регулироваться чисто на инстинктивном уровне, каким бы тупым и необразованным он сам по себе не был.

С годами я все больше стала склоняться к мысли, что, когда подобные дурно пахнущие личности в обносках и разноцветном тряпье ко мне подходят, то они просто не могут отказать себе в удовольствии своим видом и интонациями меня достать. А жратву и одежду они и без посторонней помощи способны себе раздобыть на помойке, где полно всякого хлама и объедков. Но если это правда, тогда они мне должны давать бабки, а не я – им. Все в этом мире имеет свою цену, в конце концов, в том числе и такие маленькие радости. А так как взять с них обычно нечего, то я с некоторых пор для себя решила, что они эти приятные ощущения от меня получают в виде милостыни, и я за нее потом непременно окажусь в раю. Главное теперь, чтобы они тоже не почувствовали, что меня их приближение перестало раздражать и даже по-своему радует, а то, боюсь, это сломает им весь кайф.

Художник Малевич и писатель Достоевский. Несмотря на то, что в Библии настойчиво протаскивается мысль, будто Господь Бог начисто лишен чувства юмора, я все же склонна думать, что уже только через эти имена русским людям было ниспослано свыше некое предостережение. Что, в свою очередь, свидетельствует о богоизбранности русской нации, поскольку для иностранного уха в звучании двух этих фамилий не содержится никакой дополнительной информации.

В свое время пришедшие к власти рабочие и крестьяне учредили Литинститут и Союз писателей, в которых наглядно отразилось их представление о литературе как о кропотливой будничной работе, мало отличающейся от того, чем обычно занимаются пахари, доярки, слесари и токари. Все участники процесса сначала должны были пройти курс обучения профессии, а затем, облачившись в галстуки и пиджаки, периодически собираться на совещания и съезды с целью обсуждения повышения производительности труда и качества выпускаемого продукта.

Интересно, что нового в представлениях о культуре способны привнести спецслужбы, например? Может быть, теперь писателей начнут награждать секретными премиями за невидимые для глаз читателей заслуги? Сами литераторы тоже, разумеется, должны будут не выделяться из толпы и стать неприметными, как мышки. Кроме того, мне кажется, тут пригодилась бы и концепция «нулевого письма», которую когда-то пытались протолкнуть экзистенциалисты. Правда, люди далеко не всегда ценят достижения своих предшественников. В советские времена почему-то именно призывавшие относиться к литературе как к ремеслу акмеисты в лице Гумилева и Мандельштама впали в какую-то особую немилость и оказались фактически под запретом, тогда как к творчеству куда более легкомысленно настроенных символистов и футуристов тогдашние власти относились достаточно снисходительно. Люди, какими бы они ни были простыми по своему происхождению, в некоторых случаях способны проявлять удивительную изворотливость. Вот и рабочие и крестьяне, став писателями, видимо, решили присвоить себе наработки акмеистов, а их имена спрятать подальше от глаз широкой публики. Более того, они еще и сами себя называли исключительно «соцреалистами», чтобы окончательно замести следы, так сказать. Так что насчет экзистенциалистов я не уверена: не исключено, что «нулевое письмо» получит широкое распространение, а их имена окончательно исчезнут из употребления. А, может быть, и, наоборот, Литинституту присвоят имя Альбера Камю.

В любом случае, наблюдаемые сейчас в политической жизни России веяния способны оказать на культуру в высшей степени благотворное воздействие. Советский Союз научил писателей относиться к творчеству как к тяжелому труду и привил им вкус к заседаниям в больших залах, то есть придал занятию литературой размах и вес в глазах окружающих, сделав его более солидным. А уже в ближайшем будущем, возможно, писатели наконец-то начнут вести себе скромнее и перестанут постоянно повсюду отсвечивать. Плюс ко всему, деньги от тайных премий можно будет сразу переводить на секретный счет и не показывать жене.

Во всем есть свои положительные стороны. Теперь стало гораздо легче определять ботов - им не нужна еда. На самом деле, это достаточно важно, так как убеждения у людей могут быть самыми разными, а на то, чтобы вдаваться в детали, у меня часто элементарно не хватает времени. Тех же вампиров, к примеру, которые не выносят солнечного света, тоже не так просто было бы выявить, если бы не эта их маленькая странность. Последствия же для тех, кто с ними вступают в контакт, могут быть самыми трагическими. Пусть даже только в кино.

Гераклит говорил, что в одну реку нельзя войти дважды. А я только этим летом раз двадцать уже заходила. И ничего! Жива вроде до сих пор.

В Древней Греции, судя по таким вот придуркам, которых там считали мудрецами, жили одни дегенераты. Но лучше об этом совсем не думать, наверное, чтобы не расстраиваться.

Обыватели за всю свою жизнь не додумали до конца ни одной мысли и вдруг все разом кинулись решать мировые проблемы. С одной стороны, приятно ощущать себя кем-то вроде чемпиона мира

по шахматам в окружении недоумков, упорно пытающихся поставить тебе детский мат. Кто бы что ни говорил, но наблюдать за беспомощным барахтанием личностей, чьи амбиции не соответствуют возможностям - одно из самых больших удовольствий, какие только бывают у в этой жизни. Это даже лучше, чем в жару съесть мороженое, например.

Но в то же время нельзя недооценивать и того, что они всерьез могут считать всякие смешные слова типа "бога", "духовности" и "добра" более значимыми, чем моя жизнь, только потому, что им так сказали по телевизору.

Пора снимать фильм «Триумф тупости». Где мой фотоаппарат?

Творческим личностям нужны зрители, а окружающие их люди больше напоминают мух, которые ползают по холсту и совершенно не врубаются в то, что на нем нарисовано. Они утомительны, но достаточно безобидны. Способный окинуть взглядом весь замысел гения внимательный недоброжелатель мог бы быть гораздо более опасен.

Гегель придумал диалектику, а Фейербах или кто-то там еще - материю. Кант же занимался критикой чистого разума, и поэтому оказался потом в СССР не у дел, целых семьдесят лет никто им особо не интересовался. При этом, возможно, он был не глупее Гегеля, а уж Фейербаха и подавно.

Этот пример показывает, что далеко не все в этом мире зависит от интеллектуальных способностей человека - некоторым просто не везет.

Le dandysme et la stupidité sont deux choses incompatibles⁵.

Забавно, что множество петербургских кафе трансформировались в столовые задолго до оскудения их меню. Наглядный и понятный каждому обывателю пример того, что в этом мире именно идеи формируют бытие, а вовсе не наоборот. Теперь осталось еще и тем, кто до сих пор почему-то продолжает называть себя русскими, переименоваться в советских.

Космические системы слежения их уже засекали, поэтому и дальше укрываться за этим словом неразумно - следует срочно перегруппировываться и перебираться куда-нибудь за "бога" и "духовность".

Кажется, я поняла, в чем смысл воздержания в период религиозных постов: долгое время отказываться от просмотра сериалов, накопить целые сезоны, а потом смотреть их без раздражающих перерывов с утра до вечера на даче. А то, бывало, маньяк привяжет жертву к столу, достанет скальпель, и жди потом пару дней до понедельника, как там события развивались дальше.

Похоже, этим летом я стала ближе, если не к Богу, то к осознанию значимости традиционных верований в жизни человечества.

Казалось бы, когда создатели сериала убивают какого-нибудь забавного персонажа и тем самым выдергивают его из дальнейшей сюжетной канвы, они должны предварительно позаботиться о том, чтобы найти ему достойную замену. Иначе рейтинги просмотра могут упасть, и они рискуют не получить бабки на следующий сезон. Однако тупость некоторых человеческих особей

⁵ Дендизм и тупость - две вещи несовместные. (франц.)

настолько безгранична, что они порой не врубаются даже в такие простые и понятные всем вещи.

А если воспринимать жизнь, как произведение искусства типа фильма, в котором все должны ощущать незримое присутствие творца в лице Господа Бога, то он тоже производит впечатление крайне бездарного режиссера, которому абсолютно до лампочки, интересно ли кому-нибудь вообще наблюдать за событиями поставленного им действия. Сравним хотя бы поэтов в России до семнадцатого года прошлого века с теми, кто пришел им на смену. Не буду вдаваться в детали, но где-то к сороковым годам этот «сериал» уже явно не заслуживал финансирования, а, по большому счету, его можно было бы сворачивать еще в двадцатые.

В последнее время я все больше склоняюсь к мысли, что Бог оказался элементарно не готов к резко возросшей за прошедшее столетие средней продолжительности человеческой жизни, достигнутой благодаря усилиям атеистически настроенных ученых, пренебрежительно относящихся к его идеям и замыслам. Созданный им мир по уровню занимательности происходящих в нем сейчас событий, судя по всему, первоначально был рассчитан главным образом на подростков, в крайнем случае, тридцатилетних совсем уже невзыскательных и мало начитанных зрителей и участников.

И надо сказать, что это не особенно приятное ощущение. Одно дело, постоянно ловить на себе неодобрительные взгляды и слышать случайно долетающие до тебя обрывки бесед слабоумных соседей по даче, и совсем другое – представлять, что где-то там на небесах за тобой наблюдает, тщательно записывая к себе в блокнотик все твои мысли, чувства и поступки, некий всесильный даун.

Иногда я думаю, что сейчас не помешала бы организация по типу инквизиции. Ничего не могу с собой поделать, но когда я смотрю на некоторых особо противных представителей человеческого рода, то мне приятно представлять, как они корчатся в огне. Есть в этом какое-то специфическое удовольствие. Но стоит мне только подумать, что участь множества людей опять будет зависеть от мнения совершенно случайных сотрудников научных отделов и кафедр институтов, которые наверняка составят костяк всех экспертных советов и комитетов, занимающихся решением подобных вопросов, то весь мой энтузиазм мгновенно улетучивается.

Смешно, но какие бы экзотические законы кто ни принимал, какие бы планы ни строил, заключение по поводу того, что является нравственным и полезным для детей, например, будут давать специалисты с вузовским дипломом. Политикам только кажется, что это они всем управляют и все решают – судьба мира находится в руках никому не известных кандидатов психологических наук.

Римская империя – это империя, царь – это царь, Советский Союз – это Советский Союз, федерация – это федерация, фашисты – это фашисты, дауны – это дауны, а я – декадентка и гений.

От убийства можно получать массу удовольствия. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть хотя бы пару серий Ганнибала или же почитать Сада... Однако некоторые личности просто тупо мочат пачками людей и все, не испытывая при этом никаких особых чувств. Да что там убийство – даже разнообразие в еде их не особенно волнует. Зато они способны ощущать гордость за свою страну, прыгать от восторга, услышав о полете человека в космос, и радоваться множеству еще более загадочных и непостижимых для меня вещей, типа бескорыстной помощи детям и дурно пахнущим бомжам.

Когда я об этом думаю, мне даже становится немного грустно, что до сих пор нигде в мире так и не родился гений вроде того же Сада, который так же наглядно и доходчиво, как он, объяснил бы мне, что заставляет человека смахивать слезу умиления, когда мимо него, к примеру, пробегают трусцой мужик в трениках с олимпийским факелом в руке. В чем тут прикол? Иначе я рискую покинуть этот мир, так никогда, возможно, чего-то очень важного и интересного не поняв.

Легкость, с какой те или иные личности могут занимать сейчас различные позиции по политическим вопросам, наглядно демонстрирует ничтожность этой сферы человеческой

деятельности. Это бросается в глаза еще и потому, что именно в ней сегодня, по мнению большинства живущих ныне людей, решается нечто такое, от чего зависит чуть ли не судьба всего человечества.

В этом отношении политику можно сравнить с философией или же религией, где точно так же практически любой индивид без особых проблем способен высказывать мнение по разного рода глобальным вопросам типа первичности материи и существования Бога, оставаясь при этом полным кретином.

глобальное потупление и его последствия.

Все эротические фильмы, судя по сюжетным ходам, манере актерской игры, диалогам и характерам персонажей, предназначены исключительно для детей дошкольного возраста, но детям их показывать нельзя. Более того, если из них убрать эротику, от них вообще ничего не останется.

Вот с какими парадоксальными явлениями приходится сталкиваться современному человеку. Грекам с их черепахой и этим, как его... Ахиллесом такое и не снилось.

Недочеловеку и сверхчеловеку в равной мере чуждо все человеческое. Поэтому я так хорошо и разбираюсь в разного рода недоумках.

Большинство людей, я заметила, стараются занять в этой жизни наиболее удобное для себя положение. В частности, они предпочитают ненавидеть и обличать то, что представляется им максимально безобидным и не способно поколебать их благополучие, а заискивать, наоборот, перед тем, что может им потенциально угрожать. Единственное, что их часто губит – это глупость, из-за которой они оказываются не способны оценить реальную обстановку и расклад сил.

Прочитав, в частности, в новостях, как лидер Северной Кореи скормил собакам своего дядю, некоторые личности начинают плохо спать, поскольку им кажется, что именно оттуда исходит самое страшное, что только есть на этом свете. И все их сознание начинает подстраиваться в нужном направлении. Хотя, на самом деле, это одна из самых незначительных по своим возможностям и влиянию стран в современном мире. И по этой причине они могли бы вообще не мучиться, а просто спокойно забыть о ее существовании. Однако психологический дискомфорт, который они испытывают, думая о происходящих там ужасах, полностью вытесняет из их сознания реальность. Таким образом, они, подобно младенцам, не научившимся отличать день от ночи, путают свой внутренний мир с внешним, доставляя тем самым окружающим множество дополнительных хлопот.

Именно на такой психологической неустойчивости и выстраивают свою стратегию практически все мировые религии, многие из которых даже прямо противопоставляют некий «иной мир» «этому». В результате Римский Папа в наши дни не платит налогов и живет во дворце, занимаясь исключительно тем, что избавляет поклоняющиеся ему толпы людей от несуществующих ужасов и возвращает в их душах любовь к столь же ирреальным объектам.

Теперь, когда идешь по улице, то лучше смотреть под ноги. Стоит только оглядеться по сторонам или же встретиться с кем-нибудь взглядом – настроение на целый день будет гарантированно испорчено. А так, есть шанс найти пятьдесят копеек, а, может быть, даже и рубль. Как я сегодня, когда вышла в магазин.

Почему все так не любят, когда на концертах исполнители поют под фонограмму? Вчера в фойе торгового центра прямо над Призмой какой-то певец горланил шлягеры советских времен типа «В свой вагон вошла она» и т.п. Я пока стояла в кассу, чуть не оглохла от грохота, дребезжания и

лязга, который извлекали из своих гитар подыгрывавшие ему музыканты. Да и голос у него самого тоже был не особенно приятным. Такое впечатление, что он все время орал, а не пел. А ведь достаточно было врубить запись Роя Орбиссона, например, да кого угодно, хоть Хиля, и тогда ему не нужно было бы так напрягаться и лихорадочно дрыгать ногами, а можно было бы просто открывать рот для видимости и даже присесть на стул. Из репродукторов лилась бы плавная музыка, все сразу стало бы куда более гармоничным и спокойным. И певец бы меньше устал, и слушатели, включая тех, кто вместе со мной стоял в кассу, не испытывали бы такого дискомфорта.

Я давно заметила, что так называемый «живой звук» всегда сопровождается шумом и дребезжанием, да и слов песен обычно практически не разобрать. Однако зрителям все равно непременно надо, чтобы артист отработал бабки, которые они отдали за билет, поэтому они способны часами покорно выслушивать подобную трескотню, обрекая всех участников процесса на мучения, лишь бы никто не отлынивал от работы. Такова природа людей: они готовы подвергать себя любым истязаниям – главное, чтобы другим было так же тяжело, как и им. Иначе они не получают от жизни никакого удовольствия.

Если подумать, то нет никакой существенной разницы между неразличением смысла слов, равнодушием к прекрасному, неразборчивостью в еде и безразличием к жизни отдельных индивидов. Мало того, по сравнению с искусством и кухней, способы ведения войны выглядят даже более значимыми и выразительными для понимания самых характерных особенностей духовного устройства того или иного народа или государства. Поэтому оружие может быть не менее тупым, чем литература. Шпага, к примеру, требовала от человека определенного умения, то есть приближала его к искусству, а пуля всегда была достаточно глупа. Все относительно, конечно, и по сравнению со средствами массового поражения пистолет сегодня уже кажется чуть ли не верхом утонченности, избирательности и изящества.

Возьмем хотя бы Северную Корею. Совершенно очевидно, что этот островок дебилизма без атомной бомбы давно прекратил бы свое существование. То есть именно ядерное оружие в наши дни стало чуть ли не главной опорой человеческой тупости, удивительным образом сосредоточившейся в одной точке земного шара. Практически так же, как это обычно бывает с явлениями физического мира типа магнитных аномалий, которые тоже обозначают на географических картах специальными значками.

Не случайно ведь, несмотря на крайне тяжелые условия существования живущих там людей, эта страна становится сейчас все более и более притягательной для самых недоразвитых представителей мировой культуры, которые уже не только не скрывают своей симпатии к ней, но и начинают совершать туда путешествия. И я не удивлюсь, если в ближайшем будущем она станет своеобразной Меккой для даунов, которые устремятся туда со всего света. Наподобие того как полвека назад левые интеллектуалы считали своим долгом посетить революционную Кубу, например.

И это не так уж сложно понять. Христиане ездят в Иерусалим, буддисты - на Тибет, я сама иногда достаю открытки с замками Людвига Баварского и часами на них смотрю, чтобы зарядиться жизненной энергией, а умственно отсталым личностям приятно сознавать, что где-то в мире есть целая страна, населенная такими же беспомощными и неприспособленными к жизни существами, как они, но никто не может с ними справиться, потому что они находятся под надежной защитой атомной бомбы. И такие мысли помогают им лучше спать, утешают их на чисто символическом уровне, так сказать.

Как-то грустно! Хайдеггера, что ли, почитать?

В Чувашии шестилетний мальчик нашел возле песочницы фрагмент человеческой головы.

Некоторые писатели прекрасны сами по себе, поэтому их лучше совсем не читать. Жене, например.

Или же Ницше, который с годами приблизился к совершенству и сияет, как далекая звезда на небосклоне, но стоит только открыть его книги, как чувствуешь сильное разочарование.

А есть и такие, как Маркс. Его сочинения не следует читать потому, что они писались исключительно, чтобы скрыть убожество и неполноценность их автора.

То, что люди сегодня пишут и говорят очевидные глупости за деньги, конечно, их отчасти оправдывает. С другой стороны, советские писатели тоже имели неплохую по тем временам зарплату и многочисленные привилегии за достаточно убогие тексты и плохо срифмованные стихи. Однако это вовсе не значит, что сами по себе они были гениями. Согласиться стать тупым за деньги или же быть им по своей природе – не такая уж большая разница, как многие почему-то думают.

Мне, например, кажется, что стать дауном по-своему даже сложнее, чем гением. Проблема тут в том, что в течение жизни ты как бы уходишь в отрыв от окружающих тебя людей, а теперь тебе придется пройти точно такое же расстояние, но уже в обратном направлении. На это некоторым элементарно может не хватить оставшегося у них времени.

Откровенная ложь, по сути, ничем не отличается от правды. Изрекающие ее люди не в состоянии скрыть своих намерений, поэтому на истинную картину окружающей действительности их умозаключения никак не влияют. Самое забавное, что искусная ложь тоже не отличается от правды, но именно по этой причине ее последствия более опасны.

Таким образом, все проблемы этого мира связаны с присутствием в человеческом сознании понятия «правда». Стоит его убрать, как все сразу встает на свои места. Люди начинают чувствовать себя раскрепощенно и соревнуются в мастерстве лжи. На смену рабской привязанности к реальности приходит свобода воли и самовыражения. В результате более высокоорганизованные и способные существа подчиняют себе низших. Красота спасает мир!

Проходя мимо бывшего дома Дружбы на Фонтанке, встретила сегодня совершенно жуткую бабу: худая, сгорбленная, как краб, ноги кривые, руки, неплотно прилегающие к бокам и доходящие чуть ли не колен, щеки впалые, глаза навывкате, огромная челюсть, а зубы торчат наружу и в разные стороны. Именно так, мне кажется, должен был бы выглядеть Щелкунчик. С ней рядом, точнее чуть впереди, шел вполне гладкий на вид мужик, без каких-либо видимых дефектов, во всяком случае. Если муж, то наверняка выгодно женился, нашел себе дочку состоятельных родителей. Судя по одежде, оба иностранцы. Я почему-то подумала, что из Испании. И не только из-за ее здоровенного крючковатого носа, а еще и потому, что вспомнила про Средние века, когда там охотились на ведьм и сжигали всех красивых баб. Ясно, что только в результате многовековой эволюции и путем тщательной селекции на свет мог народиться столь редкий экземпляр, вобравший все наиболее выразительные черты человеческого уродства. Долго я, правда, на это чудо природы любоваться не смогла, поскольку она, пугливо озираясь по сторонам, вслед за своим спутником исчезла за дверью недавно открывшегося в помещении дома Дружбы музея Фаберже. Или же музея яйца Фаберже – забыла посмотреть, как он точно называется.

И я сразу представила себе, как эта баба, пройдя по длинным пустым коридорам, приближается к самой отдаленной комнатке, открывает дверь, подходит к стоящему в темном углу специальному столику и с восторгом и благоговением взирает на хранящееся там под стеклом огромное инкрустированное бриллиантами и изумрудами яйцо, переливающееся в слабых отблесках догорающей свечи. У бабы от счастья глаза совсем вылезли из орбит, плюс само это яйцо, уже больше ста лет во всем мире считающееся чуть ли не олицетворением обывательских представлений о прекрасном. Для полноты картины не хватает только, чтобы там внутри была еще припрятана пресловутая игла из сказки про Кощея... Видимо, это мысли об Инквизиции пробудили в моем мозгу целую цепочку сложных ассоциаций, которые до этого момента дремали где-то в глубинах моего подсознания. Забавно, кстати, что такой музей, а не какого-нибудь там

авангарда, открылся в самом центре Петербурге именно сейчас. Это уже само по себе характерно и, я бы даже сказала, символично. В Советском Союзе культивировалось уродство, но достаточно непритязательное: в виде всевозможных ленинских комнат, красных уголков и героев с квадратными головами. А теперь все усложнилось и, если можно так выразиться, утончилось – чтобы проникнуться духом времени, надо непременно посетить музей яйца Фаберже.

Русский шансон мертв, а я еще жива!

Не знаю, кто первым додумался называть писателей «инженерами человеческих душ», но мне такое определение совершенно не подходит. Зато, постоянно натываясь на тупость окружающих меня людей, я постепенно начала ощущать себя кем-то вроде скульптора. И самое забавное, что в последнее время я даже стала испытывать какое-то специфическое удовольствие от каждого соприкосновения с реальностью. И это понятно: чем тверже ваятелю попадает материал, тем больше удовлетворения он должен получать, воплощая в нем свои замыслы.

Съездила вчера к мамаше и надолго подзарядилась творческой энергией. В частности, мне пришло в голову неплохое название для фильма, сценарий к которому я теперь потенциально готова написать: «Моя мама – бот». Это будет такой экшн в жанре киберпанк, но в несколько новой и оригинальной трактовке.

В современном мире человеческие особи не только развиртуализовываются и знакомятся друг с другом, противоположный процесс, судя по всему, уже тоже идет полным ходом. Скоро, чувствую, интернет окончательно утратит всякую актуальность, зато улицы заполнятся безличными роботами.

Пару лет назад купила себе очки по акции, а сегодня обратила внимание, что на стеклах до сих пор нет никаких видимых повреждений. И все потому, что впервые за последнее время я не поддавалась на уговоры и не стала покрывать их специальным защитным слоем. За дополнительную плату, разумеется. Именно на нем, как я теперь поняла, практически сразу и появлялись многочисленные царапины. Из-за чего линзы, а вместе с ними обычно и оправу, периодически приходилось менять.

Не знаю, кто додумался до такого выгодного для производителей оптики изобретения, но, по-моему, какой-то гений. Мне даже жалко стало, что я не знаю его имени. Только присутствие в этом мире подобных личностей и делает жизнь чуть более забавной и осмысленной. В храмах новой религии будущего, надеюсь, им будет отведен специальный иконостас.

Кажется, между мной и Северной Кореей в последнее время установилась мистическая связь. Сложно пока делать глобальные обобщения, но я заметила: чем таинственней и загадочней представляется какому-либо индивиду эта крошечная волшебная страна, тем проще и незначительней кажутся ему мои книги. Стоит подобному романтически настроенному читателю только услышать мое имя, как он вспоминает песню «Мурка», и ему сразу все становится ясно.

Конституционный суд признал закон о запрете гей-пропаганды соответствующим Конституции РФ, потому что он защищает традиционные ценности. Забавная формулировка, ничего не скажешь.

Самое смешное, что и на бытовом уровне сейчас постоянно приходится натывать на нечто подобное. В частности, преследования бывшего ведущего кулинарной программы на ТВ по фамилии Макаревич правильны и не противоречат российскому законодательству, потому что он плохо разбирается в приготовлении пищи. Такое ощущение, что ты имеешь дело с шулерами, у которых в рукаве припрятан козырной туз в виде Вечности.

А если эта карта у меня на руках? Что тогда?

Гармония – это когда вокруг не происходит ничего, что отвлекает меня от просмотра привычных сериалов. Меня раздражает сосед со своим пианино и, тем более, когда кто-то начинает орать у меня над ухом или заслоняет собой экран. В полной мере это относится и к событиям в мире. Мне нет никакого дела до всех этих революций, войн, землетрясений, автокатастроф, крушений поездов, взрывов и прочих сопряженных с сильным грохотом и шумом происшествий и катаклизмов. Мне вполне хватает монотонного гудения машин за окном, к которому я, по крайней мере, привыкла.

Кроме того, я думаю, что обывателям, прежде чем попадать на страницы газет и экраны телевизоров, пусть даже в качестве жертв какого-нибудь цунами, не мешало бы предварительно посетить стилиста и немного причесаться. О тех, кто берется совершать различные подвиги и, что называется, «творит историю», я вообще не говорю. Таким, я считаю, следует и вовсе проходить специальный кастинг.

В судьбе писателя Горького есть еще один поучительный момент, который я в «Моей истории русской литературы» упомянула только вскользь: как из популярного и вполне благополучного писателя, но бывшего одним из многих, стать самым главным. Для этого нужно сочинить хотя бы одну абсолютно нечитабельную книгу. Таковую как «Мать», например.

Скука – вот что является по-настоящему сверхчеловеческим жестом. Население Земли на 99.9% состоит из потребителей женских романов и детективов. Авторы этих жалких книжек заискивают перед толпой. А Горький обрек миллионы людей на десятилетия совершенно невыносимой пытки. Поклонникам Прилепина, Стаса Михайлова и Ваенги этого никогда не понять.

Посетила за последние два дня несколько фильмов сразу трех, по-моему, фестивальных показов. И еще раз убедилась, что не имеет никакого значения, как и зачем снимает тот или иной режиссер кино. Все равно перед сеансом выйдет кинокритик, произнесет определенный набор умных фраз, создатели фильма раскланяются перед зрителями, а те, по большей части, покорно досидят до конца сеанса. То есть никого, в сущности, не волнует, что они смотрят: нечто выдающееся или же полную туфту. И это обнадеживает.

Даже не знаю, сколько лет мне потребовалось, чтобы преодолеть в себе страх и понять, что гениев в этом мире никто особенно не преследует, а всем на них, по большому счету, глубоко плевать. Делает человек что-то интересное, и ладно – может быть, это кому-то станет своего рода бонусом за то, что он потратился на билет или приобрел книгу. Водит некто рукой по бумаге и на все забил – тоже сойдет. Особенно это, конечно, заметно в жанре так называемого авторского кино и литературы. Единственное, я до сих пор так и не поняла, откуда во мне вообще взялся такой страх, и не просто страх, а даже, можно сказать, ужас, будто все необычное и яркое в этом мире непременно должно быть растоптано и уничтожено. Наверное, откуда-то из детства.

Вообще-то сама перспектива, что русские теперь взвалят на себя обязанности некоего эталона нравственности, а граждане остальных стран будут на их фоне оттягиваться и выябываться в свое удовольствие, меня совершенно не устраивает. Хотя я вовсе не против, чтобы такая норма существовала, иначе весь кайф от ее нарушения улетучивается. Это я как раз прекрасно понимаю.

Но есть ведь уже Римский папа, например, и сотрудники его церкви, но они, по крайней мере, получают за это зарплату, не платят налоги и имеют массу других материальных благ и привилегий. Вот пусть они и дальше будут, что называется, «солью земли». А я на такое не подписывалась.

Прочитала в аннотации к одному из фестивальных фильмов, что он снят неким любителем Достоевского с Филиппин и длится чуть ли не пять часов, и невольно еще раз подумала, как хорошо все-таки, что я перестала быть поклонницей данного писателя. Это позволяет сэкономить уйму времени.

А вот в юности я, наверняка, потащила бы на этот показ и провела в душном зале полдня. В то время как на улице сейчас светит солнце, и обдуваемые легким осенним ветерком разноцветные листья на деревьях красиво покачиваются и переливаются в его лучах.

Пока стояла сегодня на переходе у Владимирского собора в ожидании светофора, случайно натолкнулась глазами на мужика, который, выйдя из метро, уставился на купола и начал лихорадочно креститься. А на вид вполне интеллигентный, в очках и даже в галстук. Не знаю, но что-то странное в этом определенно есть. Такое, к чему невозможно привыкнуть. Мне кажется, что люди не должны переступать хотя бы элементарных границ. Не то что приличия, но просто, чтобы другие не чувствовали себя рядом с ними, как в дурдоме. Очки бы этому типу, точно, не помешало предварительно снять.

Может быть, это и мелочь, но во всем, что касается эстетики и чистоты стиля именно такие детали в первую очередь и важны. А безумие – одно из самых уродливых явлений в этом мире. И не так уж существенно: буйный перед тобой псих или же тихий, – они в равной мере производят отталкивающее впечатление. Более того, само уродство, на мой взгляд, уже является признаком и, возможно, даже симптомом опасной для окружающих невменяемости. Я, к примеру, когда приезжаю на дачу, совершенно не могу там по-настоящему отвлечься от своих дел и отдохнуть, и уже через пару дней мне хочется поскорее вернуться в город, чтобы закрыться у себя в квартире за толстыми стенами. Притом что созерцание присутствующих в сельской местности полей, водоемов, кустиков и прочих березок, вроде бы, должно действовать на человеческую психику благотворно и успокаивающе. Однако, когда ты идешь там по узеньким дорожкам, зажатым между дачными домами и участками, то тебя постоянно преследует ощущение тревоги от сознания, что из-за каждой ограды, стоит только протянуть тебе руку к растущему за ней яблоку или цветочку, запросто может выскочить какой-нибудь маньяк и наброситься на тебя, а, возможно, и пристрелить. И все потому, что эта местность вся сплошь заселена бесформенными жирными бабами, их мужьями и скрюченными старухами, то есть опасными сумасшедшими.

Все-таки, я считаю, что представители народа должны хотя бы разбираться в самых элементарных вещах. Чтобы утонченные личности вроде меня, витающие среди высоких материй, могли в случае чего на них опереться, почувствовать почву под ногами, так сказать.

А то я читаю в новостях нечто типа анонса книжки то ли биолога, то ли геолога, где он делится своими соображениями о судьбах России. Тут же приводится краткая биографическая справка, из которой следует, что автор, хоть и является кандидатом наук, но родился в деревне, то есть колосил дрова, носил воду из колодца и – что там еще, не знаю, делают в сельской местности – ходил за грибами. То есть с детства привык соприкасаться с известными всем явлениями природы, и как-то с ними управляться, в лесу не заблудился, по крайней мере. На фото он тоже предстает примерно, как к пятидесяти годам и должен выглядеть переехавший в город обитатель села: более-менее причесан, хотя волоски все равно достаточно взлохмачены, взгляд туповатый, но исполненный собственной значимости, нос картофелеобразный и т.п.

И что же он пишет в своей книге? Его главная мысль, как я поняла, заключается в том, что русским людям от природы дано обостренное чувство правды и справедливости, поэтому им формальные законы, как в Европе, не нужны. С чего бы это? Откуда он это взял про русских людей? Уж на что я далека от народа и погружена в декадентские грезы о прекрасном, и то понимаю, что русским людям как раз строгие нормы поведения нужны, как никому в мире. Даже больше, чем неграм в Африке.

А простой человек, проведший много часов своей жизни с удочкой на берегу, этого не знает? Да на фиг тогда такие простые люди нужны вообще!? Какой от них толк?

Вот чего я совсем не выношу, так это кино из жизни бодрящихся пенсионеров. От одного названия типа «Старая кляча» у меня обычно сразу начинает сводить скулы от скуки, особенно если знаешь, что такой фильм снят в жанре комедии. Еще помню, в Париже одна моя знакомая-киновед пригласила меня на показ фильма португальского режиссера, которому уже и самому тогда, по моему, было далеко за восемьдесят. Сюжет я сейчас забыла, но там в кадре постоянно присутствовал трясущийся всем телом Мastroяни с палкой в руке, которого сопровождала целая группа таких же дряхлых старцев или, может быть, чуть помоложе. Они куда-то все время шли по сельской дороге. И глядя на них, зрители должны были прийти к выводу, что и в таком возрасте у них еще будет не все потеряно, потому что они смогут при случае вот так вот перемещаться по пересеченной местности в сопровождении своих близких друзей. Эта тяготица продолжалась целых два часа. Уйти я не могла, потому что мне надо было еще поздороваться со своей знакомой, которая перед началом сеанса от меня ускользнула. Плюс ко всему, кинотеатр находился в пригороде, и я тогда потратила на дорогу чуть ли не последние деньги. Что, естественно, тоже не добавило мне приятных эмоций. Короче, полный мрак.

Но дело тут, конечно, не только в возрасте. Просто всегда тяжело наблюдать за людьми, про которых ты точно знаешь, что они обречены, а они все равно продолжают натужно улыбаться и строить планы на будущее. Именно по этой причине, кстати, я в последнее время совсем перестала включать телевизор. Даже на даче.

Подумала сейчас, что стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья», ко всему прочему, является еще и серьезным предупреждением всем современным поэтам. Если сочинишь такие незамысловатые стихи, то сотрудники спецслужб запросто могут тебя замочить, а над кроватью с бездыханным телом или просто на бумажке кровью нацарапать подобные строки – и все поверят, что ты ушел из жизни добровольно. А уж о тех, кто пишет без рифм, я вообще не говорю.

Не только храмы со штампованными куполами меня теперь стали раздражать. Но и картины типа «Ленин и простачки» как-то незаметно тоже утратили все свое винтажное очарование. Одно из таких масштабных полотен, кстати, висит в Париже дома у Франсуа Жибо. Правда, сейчас он его переместил на лестничную площадку перед дверью, рядом с абстрактными работами не слишком известных авторов, все равно дом полностью принадлежит его семье. Хотя, конечно, быть проще Ленина – это надо было очень постараться, снова так вряд ли у кого получится. Есть в этом произведении нечто неповторимое.

На сумасшедших днях в Стокманне отъехавший молодой человек в репродукторе совершил явный прогресс по сравнению с прошлым годом, когда его речь часто напоминала бессвязный сбивчивый бред. Теперь же он говорит гладко, практически без остановок, а иногда и вовсе переходит на стихи: «Вас ждут в корнере Шисейдо. Заходите, посмотрите, изучайте от и до! Туалетная вода «Сальвадор Дали» и крем «Кодали» – коже радость подари!».

Я всегда считала, что безумие во всех видах бесперспективно, но, оказывается, и в нем можно достигнуть определенных успехов и совершенствоваться. И даже колхозный акцент у него теперь стал гораздо меньше заметен. Главное – работать над собой.

Вред писателей типа Салтыкова-Щедрина заключается еще и в том, что они льстят своим читателям, которые, читая его произведения сегодня, утешают себя мыслью, будто их предки, жившие сто с лишним лет назад, были такими же, как они.

Проходила сегодня на Марата мимо очередной столовой, откуда доносился запах какого-то варева из капусты, и случайно услышала, как парень у меня за спиной по-английски спросил у девушки, а чем это так странно пахнет, на что та ему ответила: «It's the smell of Soviet Union». И тут она в точку попала. Советских сейчас от русских, вообще, лучше всего именно по запаху можно отличить, хотя и по другим признакам довольно сложно перепутать.

Помню, в детстве был у меня диафильм про то, как красноармейцы устроили засаду в избе на кулака. А он оказался из староверов, и как только вступил за порог, то, поскольку сам никогда не курил, сразу почувствовал аромат табака и, не глядя, выстрелил в нужном направлении. Вот и у меня, думаю, примерно такое же чутье на все советское.

Сам диафильм, как я теперь понимаю, был о вреде курения. И достаточно убедительный, надо признать.

Сегодня утром подумала, что самый короткий путь до магазина – это выйти на балкон и прыгнуть вниз. А я, как дура, зачем-то все время хожу кругами по лестнице. Вот, когда обратно идешь, тогда еще понятно. А так? И самое главное, сколько народа в этом доме до меня жили, никто до такого не додумался. Удивительно.

Насчет всех писателей не уверена, а вот без юмористов и сатириков, которые постоянно острят по разным поводам, на мой взгляд, можно было бы спокойно обойтись. Жизнь и так сама по себе уже является шуткой. Полностью согласна в этом отношении с Лермонтовым, у которого сегодня, кажется, юбилей.

Все же Фрейд, при всех его заслугах, уничтожил границы между реальностью и фантазиями. Меня всегда интересовало, к примеру, кто из гениев прошлого трахался с покойниками. Но в какой-то момент я поняла, что, видимо, слишком поздно родилась, и поэтому шансов получить подобную информацию у меня практически нет. Поезд ушел, короче. Какую книгу по искусству ни откроешь – там сплошь одни некрофилы. Но ведь это несправедливо не только по отношению к тем, кто уже умер, но и к творцам современного искусства.

Как ни крути, а прокрасться в морг или выкопать свежий труп на кладбище – занятие достаточно рискованное. За это можно и в тюрьму угодить, простым штрафом вряд ли отделаешься. Однако нынешние писатели и художники могут вообще не напрягаться и почивать на лаврах, не вставая из-за письменного стола и не отходя от мольберта, так сказать. Все равно исследователи их творчества обнаружат в их произведениях целый букет разнообразных отклонений, подчеркивающих незаурядность и сложность их натуры. Разве это правильно?

Шла вчера по улице и видела повсюду объявления с предложением выйти на субботник для благоустройства своего любимого города.

Иногда я думаю, что моя жизнь – не только шутка, но еще и хокку.

Мне неинтересно было бы жить в Северной Корее еще и потому, что, оказавшись в подобной среде, сразу начинаешь чувствовать себя гением. И такая легкость меня пугает. Я помню это еще по временам СССР, когда все магазины и библиотеки были завалены книгами, сочиненными умственно отсталыми личностями.

На отголоски тех лет, кстати, периодически приходится наткаться до сих пор. Совсем недавно, к примеру, я прочитала в какой-то статье, что Леонов первым из советских писателей «обнаружил в русских эмигрантах человеческие черты». Ясно, что на фоне подобных даунов любой человек средних способностей преисполнится самомнения. А мне это только мешает.

Люди в массе своей напоминают груженный тяжелыми кирпичами самосвал. Разогнавшись в одном направлении, они уже не в состоянии затормозить и вырулить в какую-нибудь иную сторону: им на это элементарно не хватает жизни. Вот почему гении обычно бывают не особенно умны. Любой сообразительный человек врубается, что с толпой следует изъясняться на языке стереотипов и штампов, а, высказав что-то новое и необычное, ты почти наверняка обрекаешь себя на непонимание и одиночество.

Под впечатлением от бабы-маньяка по имени Элеонора из второго сезона «Моста» приобрела себе длинную юбку и сделала похожую прическу. Это теперь мой идеал. Когда общаешься с людьми, они должны чувствовать скрытую угрозу. Особенно это важно в момент выхода книг, когда у разного рода ущемленных личностей появляется повод на тебе реализоваться. И при покупке тряпок тоже не помешает. А то некоторые девки-продавщицы меня уже достали своим сюсюканьем. Они почему-то считают, что с теми, кто старше их, можно обходиться как с умственно отсталыми. Пусть лучше держатся от меня подальше.

Удивительно, но результаты соцопросов, на которые я в последнее время постоянно натываюсь в заголовках новостей, не вызывают у меня особого доверия. А это значит, что я до сих пор где-то в глубине души сохранила веру в народ. То есть за столько лет я так и не смогла понять себя до конца, и однажды утром выяснится, что я допускаю еще и существование инопланетян.

При этом Сократ мне всегда казался изрекающим банальности простачком. И сегодняшнее открытие совершенно не повлияло на мое мнение о нем. «Познай самого себя» - по-моему, это какая-то глупость. Чем меньше человек отягощен знаниями о самом себе, тем легче ему лавировать на волнах жизни.

У готических соборов такие заостренные и устремленные в небеса шпили. Но даже столь возвышенная духовность вовсе еще не является признаком выдающихся интеллектуальных способностей. После полетов в космос это стало окончательно ясно.

Не только соборы тянулись в пустоту, но и сами космонавты, поднявшиеся выше храмов, не отличаются особым умом.

Безнравственные произведения должны быть красивыми. Так и люди: если они не ценят прекрасное, то им следует посещать церковь или же заседать в парткомах.

Всякий раз, когда я читаю про удачное ограбление банка, я чувствую удовлетворение. Но если при этом кого-то мочат, то впечатление портится. Мне кажется, что и сами преступники это понимают. Однако гуманизм тут не при чем, и все дело в чистоте жанра, который и диктует людям правила поведения. Киллеры, в частности, тоже вполне способны испытывать радость от хорошо выполненной работы. Как, впрочем, и снайперы на войне... А любовь к людям и, тем более, жалость только мешают понять, с кем или чем тебе приходится иметь дело.

Идея, что трагедия в чем-то превосходит комедию, была бы абсолютно ничем не подкреплена и высосана из пальца, если бы в жизни трагиков не было на порядок меньше, чем комиков. Вот эта связь искусства с жизнью и заставляет меня дистанцироваться от некоторых явлений окружающей действительности. Причем какое-то время ты делаешь это инстинктивно и только потом вдруг отчетливо осознаешь, что тебе пытаются подсунуть нечто совершенно неудобоваримое, такое, от чего тебя всегда тошнило. Как сейчас, например, когда любое постановление суда, налоговой инспекции, санэпиднадзора или пожарной охраны нужно трактовать как нравоучительный намек и иносказание. Практически как в баснях, которые в иерархии жанров находятся где-то в самом-самом низу.

В Якутии женщина, осужденная условно за убийство брата, зарезала и свою сестру... Любовь к симметрии губит не только философов, но и обычных граждан!

Вот чему еще можно было бы поучиться у французов. Большинство моих парижских знакомых, претендующих на звание интеллектуалов, обзавелись каким-нибудь крайне правым или же ультралевым мировоззрением, и живут себе спокойно с сознанием собственной крутизны, и не мешая окружающим. Поскольку их взгляды настолько утопичны, что возможность их реального воплощения в жизнь фактически сводится к нулю. Когда-то я считала это чуть ли не проявлением слабости и бегством от реальности. А теперь понимаю, что называть себя троцкистом и ужинать в дорогих ресторанах, все-таки, гораздо приятней и, самое главное, эстетичней, чем напялить на себя кирзовые сапоги и отправиться покорять целину.

Кто бы что ни говорил, а жизнь дается человеку только один раз. И прожить ее надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Современному человеку приходится быть героем, чтобы не стать героем.

Как вызвать у зрителей отвращение к какому-нибудь персонажу? Надо пригласить на его роль бесформенного жирного старика, который на протяжении всего действия будет жрать и трахаться, ни в чем себе не отказывая, периодически раздеваясь и демонстрируя перед камерой свое обвисшее огромное пузо. Как это и сделано у Абея Феррары в «Добро пожаловать в Нью-Йорк», где роль французского банкира-политика исполняет Депардьё. Фильм снят по известной скандальной истории, когда глава Валютного фонда и претендент на пост президента Франции был арестован по обвинению в изнасиловании нью-йоркской горничной.

Но этого мало. Нужно сделать из такого персонажа еще и положительного героя, заставить изрекать разного рода нравоучительные свободолобивые сентенции, противопоставив его тем самым равнодушному и прагматичному миру. В этом, я думаю, и заключается главный прикол. Положительные герои обычно даже в исполнении куда более молодых и лишенных видимых дефектов актеров вызывают у всех, как минимум, скуку и раздражение. А тут зрителям в качестве примера для подражания предлагается нечто уж совсем запредельное.

Глупо было бы искать здесь какие-то аналогии. Мне почему-то кажется, что Феррара, как это и положено признанному мастеру кино, совершенно искренне решил поделиться со зрителями тем, что у него самого за долгие годы жизни накопилось на душе. И он, сняв такой фильм, поступил, практически как Штирлиц в известном анекдоте, который улегся в постель прямо в сапогах, потому что ему надоело быть немецким офицером и захотелось побыть собой. Так что созвучие с определенными политическими событиями тут все же имеется. И в этом восстании пенсионеров против современного мира и вправду есть что-то трогательное.

Уродство, я думаю, не менее многообразно и способно ускользать от понимания, чем красота. Однако в последнее время у меня появилось устойчивое ощущение, будто я ухватила одну характерную для него черту, которая остается неизменной, в каком бы новом облики оно не предстало передо мной. В том же кино, опять-таки.

Допустим, уроженец небольшой страны из Латинской Америки снял масштабный боевик, и ты, доверившись трейлеру и отзываам рецензентов, начинаешь его смотреть. И, действительно, завязка и отдельные сюжетные ходы поначалу кажутся тебе интересными. И ты уже готова согласиться с мнением рекомендовавших тебе этот фильм критиков, как вдруг на экране – где по замыслу режиссера должна была разыгаться сцена, как разъяренная толпа обступает здание городского муниципалитета, на крыше которого притаился опасный маньяк, а ты, как бы его глазами, с высоты окидываешь ее взглядом – вместо положенных тысяч людей, обычно задействованных в подобных массовках, ты видишь какие-то жалкие кучки, между которыми зияют огромные лакуны, стыдливо прикрытые кустиками и прочей жидкой растительностью. И тут до тебя доходит, что у режиссера просто элементарно не хватило средств на столь грандиозную сцену, поэтому ему и пришлось обойтись услугами случайных прохожих и подсобных рабочих со съемочной площадки. И все. После этого фильм при всех его достоинствах утрачивает для меня всякий интерес.

Потому что я не понимаю, зачем было браться за съемки именно такого кино, в таком жанре, с подобными затратными сюжетными ходами, а не ограничиться для начала более

камерным произведением из жизни крестьянской семьи, например, состоящей из пяти человек. Раз уж у тебя ни на что другое не хватает бабок. Более того, меня выводит из себя сама мысль, что создатели фильма, предварительно никого об этом не предупредив, вдруг в какой-то момент предлагают мне проникнуться к ним сочувствием, приняв эту маленькую условность и немного им подыграв, как бы авансом на будущее, когда после успешного дебюта, который станет таковым, в том числе и при моем косвенном молчаливом содействии, режиссера пригласят в Голливуд, и вот там он уже развернется и покажет, на что способен.

Такое несоответствие амбиций и возможностей, да еще с расчетом на чье-то сочувствие, кажется мне одним из самых уродливых и жалких проявлений человеческой природы, причем как в искусстве, так и в жизни. И никакого другого желания, кроме как подтолкнуть падающего, когда я с чем-то подобным сталкиваюсь, у меня никогда еще не возникало. И чем глубже, интересней и прекрасней идея, за воплощение которой подобные личности берутся, тем хуже для них.

Даже если в метро увидишь иногда бабу или мужика в более-менее приличных прикидах, и то настроение на какое-то время улучшается.

В литературе в этом смысле дела обстоят куда хуже. Вот так вот случайно натолкнуться на что-нибудь ободряющее шансов вообще нет никаких. А если следовать советам критиков, то тебя еще и основательно накормят дерьмом.

Иностранные слова в русском языке вовсе его не засоряют, как некоторые думают, а, скорее, вносят разнообразие, позволяющее лучше различать устойчивые оттенки смыслов. А то бывает, что в каком-то языке даже отсутствуют специальные определения для цветов, входящих в основную гамму радуги, из-за чего целые нации превращаются в дальтоники. То есть граждане таких стран, к примеру, всю жизнь тупо смотрят на небо и совершенно не врубаются, что оно голубое, а не синее. Что, безусловно, затрудняет общение представителей различных континентов и не способствует укреплению дружбы народов в целом.

Особенно это касается, конечно, межнациональных браков. Правда, когда речь идет о неграх, то это еще куда ни шло. Потому что, если баба знает, что у ее супруга другой цвет кожи, то она примерно догадывается, что и в башке у него тоже все может быть не совсем так, как у нее устроено, и его бабушка с дедушкой в молодости вполне могли жрать людей, так что ребеночка на каникулы к ним лучше не отправлять. Но если с ней рядом на лужайке лежит тип, по всем внешним признакам не отличающийся от тех, с кем она училась в школе, и, мечтательно глядя на небеса, видит совсем не то, что она, то такие отношения вряд ли долго продлятся. Рано или поздно это даст о себе знать. Да хоть при покупке тряпок: ты на секунду отвлекаешься, подходишь к кассе, а дома обнаруживаешь в пакетике вместо голубых носков синие... Вот такие проблемы и помогают разрешить заимствования из других языков.

К счастью, русский язык достаточно восприимчив к подобным языковым вливаниям. Потому что русские люди, как никто на свете, обожают все иностранное и импортное. Особенно эта национальная особенность была заметна в советские времена, когда все были просто помешаны на американских джинсах и других предметах туалета с фирменными наклейками на иностранном языке. Сейчас это немного меньше бросается в глаза, а тогда бабы из-за моряков заграничания, например, готовы были друг другу глаза выцарапать, причем в буквальном смысле этих слов. Благодаря брату, я немного в курсе, какие у них тогда баталии разворачивались в женском туалете Макаровского училища – дело порой доходило до милиции, а то и до «скорой». Отсюда, видимо, и пошел миф, будто женщины испытывают особую слабость к морякам и их романтической профессии. Однако после Перестройки, когда проблем с импортным тряпьем ни у кого не стало, вся пылкая любовь к морю и морякам с их стороны куда-то мгновенно улетучилась.

Примерно такую же страсть русские люди испытывают и к иностранным словам. И по тем же причинам: из-за чисто иррациональной непреодолимой тяги ко всему заграничному. Поэтому русских, в отличие от представителей других наций, нельзя заподозрить в том, что они не различают каких-то оттенков цветов, звуков и запахов. Наоборот, у них фактически для каждого явления окружающей действительности обычно имеется, как минимум, два слова: одно – свое, а другое – позаимствованное у других. А иногда таких слов бывает и гораздо больше.

Возьмем хотя бы слово «буржуазный». Я как раз недавно об этом думала. Не будь данного слова сейчас в обиходе, то мне, вероятно, во всех случаях жизни пришлось бы обходиться отечественным прилагательным «обывательский», которое я в своих книгах довольно часто употребляю. На первый взгляд, ничего страшного, так как словом «буржуазный» я практически никогда не пользуюсь. Однако, на самом деле, это иностранное слово мне очень помогает, поскольку оно как бы выполняет функции своего рода пиявки и, если так можно выразиться, «отсасывает» от нужного мне определения все лишние оттенки смыслов, связанные с идеологией и классовой борьбой.

Немного обидно, кстати, что из аналогичной ситуации со словом «мелкобуржуазный», которое тоже перетянуло на себя от прилагательного «мещанский» все ненужные ассоциации с революционной романтикой, я пока так и не извлекла для себя особой пользы. Я это слово никогда не употребляю. Мне оно кажется безнадежно устаревшим, окончательно канувшим в прошлое вместе с обозначавшейся им когда-то социальной прослойкой. Плюс чересчур морализаторским, да еще и отсылающим к пьесе основоположника социалистического реализма Горького. Хотя с личностями, потенциально подпадающими под такое определение, мне, в силу специфики своих занятий, связанных с литературой, возможно, приходится сталкиваться даже чаще, чем с обывателями, которые просто являются тупыми и грубыми. Тех же, с кем я обычно имею дело, особенно когда читаю отзывы и рецензии на свои книги, скорее, можно было бы назвать «тупыми и утонченными». Жаль, что для этого специфического явления в русском языке до сих пор так и не появилось какого-нибудь подходящего нового слова, которое я могла бы, наконец, взять на вооружение

Что такое русские мужчины? Такого бренда в мире вообще не существует. В горящую избу они не входили и т.п. Не удивительно, что им, судя по их поведению сейчас, вообще все до лампочки.

Всегда лучше держаться от тех, кому нечего терять. Что ты можешь противопоставить бомжу у помойки? Зато у того появляется отличный шанс испортить тебе новое пальто и поймать кайф.

Заметила еще. Чем чаще рецензенты цитируют мои книги, тем больше мне нравится то, что они обо мне пишут.

Проблема большинства людей заключается в том, что они всех ненавидят, а говорить о своей ненависти вслух им запрещено. Поэтому они и вынуждены постоянно разглагольствовать о любви. Особенно к детям, так как только подобным образом они могут дать окружающим понять, что взрослые им не особенно нравятся. А бросать свою хорошо оплачиваемую работу в политике или в качестве сочинительниц женских романов и сценаристов сериалов им, естественно, тоже не хочется.

Так что, по крайней мере, в этом отношении я за себя спокойна. Моя ненависть сильнее их любви.

Что-то реальность меня все больше начинает утомлять. Особенно в кино и других визуальных видах искусства, так как книги я сейчас редко читаю. Везде действительность тяжелым грузом давит на персонажей. Хорошо хоть в быту, да и вообще в окружающем мире это давление почти не ощущаю. В жизни любой человек, что хочет, то и делает. И в основном у всех все получается.

Любые рассуждения о политике ассоциируются у меня исключительно с кухонными разговорами. Поэтому, думаю, и все русские литераторы девятнадцатого столетия, придерживавшиеся революционно-демократических взглядов, выглядят сегодня такими поверхностными и смешными. А ведь когда-то некоторые из них были кумирами публики. Тот же роман «Что делать?», например. Зачем его сейчас читать? Это всего лишь обычная болтовня. Писатель не должен позволять себе быть таким говорливым.

Возможно, тут все дело в парламенте, точнее в этимологии этого слова, обозначающего место для разговоров. У меня такое ощущение, что до его появления вообще не было никакой политики – а только интриги и опасные связи.

Чаще всего, наверное, человеческую жизнь сравнивают с морем. И лично я не встречала еще таких личностей, кого бы эта метафора чем-то не устраивала. Не только поэтам, но и обывателям нравится воображать себя путешественниками, отправившимися в дальнее плавание в поисках неведомых континентов и таинственных островов. И, в принципе, в этом нет ничего плохого. Однако в какой-то момент до тебя вдруг доходит, что окружающие тебя люди не только, как и ты, скользят по бескрайней поверхности жизни в поисках новых открытий и впечатлений, но еще и искренне убеждены, будто внизу под ними совсем нет никакого дна.

Формально это вроде бы и не имеет значения, поскольку все перемещения происходят исключительно по горизонтальной плоскости, и поэтому наличие или отсутствие некой твердой основы в глубине никак не способно повлиять на выбранный каждым индивидом курс. Однако ощущения от внезапного осознания того, что ты оказалась в самом центре океана на судне, вся команда которого состоит сплошь из сумасшедших, все равно нельзя назвать особенно приятными.

На Филиппинах арестован морпех США, который утопил в гостиничном унитазе девушку, бывшую мужчиной. Майк Тайсон подал заявление в Союз писателей России. Не хватает только новости, что Пьер и Жиль отправились на Кубань, где собираются сделать серию портретов местных казаков. Я вообще не понимаю, что они тормозят. Не такие еще и старые пока, вроде.

Что представляет из себя верующий человек, если взглянуть на него строго научно? Это индивид, который строит свою жизнь, исходя из гипотезы существования Бога. А значит, в случае, если данная гипотеза будет опровергнута и Бог куда-то исчезнет, вся его жизнь окажется напрасной и бессмысленной. В этом отношении идеальный верующий, то есть святой, чем-то даже напоминает мне особо прилежного поэта, принадлежащего к литературному течению типа символизма или сюрреализма, который последовательно воплощает в своем творчестве определенный набор идей и становится никому не интересен сразу после того, как эти теоретические установки оказываются низвергнуты каким-либо новым литературным направлением.

В России после 1917-го нечто подобное и произошло. На смену гипотезе о существовании Бога было выдвинуто предположение об его отсутствии, и сразу же – по крайней мере на несколько десятилетий – куда-то делись и все наиболее рьяные последователи Бога, когда-либо жившие на этом свете. Остались только те, кто помимо хождения в церковь и молитв, занимался еще чем-то полезным и интересным для людей: той же литературой, например, или же хотя бы техническими изобретениями.

Да и сами святые, к тому же, даже не скрывают, что их интересует вовсе не вся вечность, о которой они часто любят рассуждать, а только наиболее комфортная и благоустроенная ее часть в виде рая, где они собираются обосноваться после смерти. А все остальные пространственно-временные конструкции, типа ада и чистилища, от нее отсекаются. Что так же косвенно подтверждает мои слова о свойственной такому типу людей сугубо обывательской старательности. Внешние странности их поведения, выражающиеся в бичевании себя хлыстом, поливании мочой и стоянии на одной ноге, на самом деле, только подчеркивают их усердие и исполнительность.

Именно по этой причине я считаю, что каким бы убежденным постмодернистом, к примеру, по своим взглядам не являлся сейчас тот или иной человек искусства, ему все равно не мешает быть хотя бы немного еще и гением. Несмотря на то, что сама идея гениальности находится в непримиримом противоречии с основными установками постмодернизма, и поэтому часто оказывается серьезной помехой при получении разного рода грантов и стипендий. Просто на случай, если и постмодернизм, несмотря на его очевидную универсальность и незыблемость, тоже вдруг неожиданно куда-то исчезнет. Как это, в частности, и произошло с тем же Богом. Лично я, по крайней мере, предпочитаю подстраховаться.

Il existe deux genres des personnes qui me font enrager le plus : les gens simples et les gens stupides. Les gens simples ne tiennent pas compte de la force, et les stupides sont insensibles à la beauté. Et probablement la beauté serait condamnée à la perte dans ce monde si tous les gens stupides n'étaient pas simples en plus⁶.

Ладно еще, стройные модели или звезды кино, но против интернета ведь обычно выступают личности которые в реальности представляют собой абсолютно бесформенные туши. Вот этого я понять не могу! Или же религиозные деятели, чья главная книга и вовсе начинается с утверждения, что вначале всего было слово. В виртуальном пространстве человек как раз и предстает перед окружающими в виде текста, то есть максимально очищенным от всякого рода телесности. Их-то что не устраивает? По-моему, это какая-то вопиющая бездуховность.

Последний фильм Озона «Новая подружка» получился довольно жизнеутверждающим. Две бабы дружат с самого детства, они буквально обожают друг друга. Но вот одна из них скоропостижно скончалась от какой-то болезни, оставив после себя безутешного мужа и маленькую дочку, которую назвали Люси. Оставшаяся подруга, Клэр, ужасно переживает и в церкви на заупокойной мессе прилюдно клянется, что никогда не оставит вниманием дочь и мужа покойницы. Однако она долгое время не может заставить себя навестить сироток, потому что всякое упоминание о подруге вызывает у нее безудержные слезы. Ее муж все же советует сходить к ним. И вот она неожиданно заявляется в дом подруги, входит без стука и видит сидящую к ней спиной на диване блондинку в розовом платье, которая заботливо кормит младенца из бутылочки и сюсюкает с ним. Блондинка вытаскивает из ушей наушники, которые помешали ей услышать шаги посетительницы, оборачивается – и о ужас! – оказывается, это муж покойницы, Давид. Клэр в смятении, ей хочется тут же убежать, Давид старается объяснить свое странное поведение тем, что таким образом пытался успокоить малышку, которая признала в нем маму, а потом говорит, что всегда любил переодеваться в женские наряды и особенно в женское белье, в частности, в белье своей матушки. Его покойная жена об этом знала, но никому не говорила, поскольку понимала его лучше других. Давид просит Клэр никому не рассказывать о случившемся и постараться сохранить в тайне его маленькую слабость.

Потрясенная Клэр возвращается домой, но мужу ничего не сообщает. Она обдумывает увиденное и даже заносит телефон Давида себе в мобильник под именем «Вирджиния». Потом она начинает регулярно навещать Давида и малышку, при этом он практически постоянно наряжен в женские платья – а надо сказать, что фигура у него в женском обличье весьма недурная, и особенно ножки. Давид просит Клэр помочь ему удалить волосы со спины, потому что сам не может этого сделать, также он хочет произвести депиляцию своих излишне волосатых, хотя и весьма стройных ног. Давид жалуется Клэр, что давно мечтал выходить в свет, хотя бы совершить шопинг, купить себе разные платья, туфли, косметику, чулочки, но в одиночестве это сделать опасается. Клэр решает помочь ему, и они вместе едут куда-то в пригород и отправляются по магазинам. Давид в восторге, он прекрасно выглядит, загримирован, на нем эффектный блондинистый парик, и все смотрят на него с восхищением. В кинотеатре, куда они пошли после магазинов, какой-то пристроившийся с ним рядом жирный тип положил руку ему на колено и стал ощупывать его стройную ножку, но бдительная Клэр тут же увела Давида из темного зала. В кафе Давид рассказывает, что никогда не имел опыта с мужчинами, которые его никогда не привлекали, так как ему всегда нравились женщины. Возможно, именно поэтому он обожает рядиться в женские платья. Клэр смотрит на него с недоверием, но ей нечего возразить. Потом они возвращаются в загородный дом.

Тем временем муж Клэр узнает об их поездке вдвоем с Давидом и начинает подозревать, что у них роман. Клэр приходится рассказать ему о странностях Давида. Муж хихикает, но приглашает Давида на ужин, чтобы тот немного развеялся. Давид ведет себя так, словно ревнует Клэр к мужу и

⁶ Есть два вида людей, которые меня больше всего выводят из себя: простые и тупые. Простые не считаются с силой, а тупые равнодушны к прекрасному. И, вероятно, красота в этом мире была бы обречена, если бы практически все тупые не были еще и простыми. (франц.)

влюблен в нее. Но и Клэр, похоже, равнодушна к Давиду и чувствует к нему какое-то странное влечение. Ей даже снится эротический сон, в котором ее партнером является Давид, который потом, правда, перевоплощается в свою покойную жену. Они вместе ее вспоминают, при этом Давид рассказывает, как сам наряжал хладное тело своей супруги в свадебный наряд, поскольку хотел похоронить ее именно в таком виде. Тут мелькает несколько кадров, на которых Давид ложится к своей супруге на железную каталку, где она лежит, уже готовая к похоронам и наряженная в длинное белое платье. Поплавав вместе, Клэр и Давид отправляются в гей-клуб, где Клэр пытается подклеиться девушка-лесби, но та не в силах оторваться от Давида, которого уже стала называть Вирджинией. Потом муж Клэр приглашает Давида на теннисный корт, и там, заглянув в душ, Клэр видит, как ее муж и Давид, обнажившись, обнимаются и целуются, однако это всего лишь видение. Она опрометью бросается прочь. И тут, в раздевалке Клэр внезапно оказываются в объятиях Давида, но вырывается и убегает.

После этого случая она решила прекратить эти странные отношения и больше не навещать Давида и даже не звонить ему. Но она не в силах противостоять своему влечению и снова приходит в знакомый дом. Давид, точнее, Вирджиния, и Клэр отправляются на прогулку, потом вместе идут в номер отеля, обнимаются, целуются, раздеваются, и вот уже почти, почти они соединились навеки... Но тут Клэр в самый решающий момент нащупывает член Вирджинии и с воплем: «Нет, ты мужчина, я не могу, не могу!» - убегает на улицу. Вирджиния в расстроенных чувствах, растрепанная, накинув на себя плащик, идет через дорогу и попадает под машину. Вот она в больнице, в коме, а рядом рыдает безутешная Клэр и родители Давида, которые тем более потрясены, что Давид был обнаружен под машиной в женском платье и парике. Клэр не отходит от постели Давида, кроме того, она взяла на себя заботы о малышке. И вот однажды Клэр зовет Давида: «Вирджиния...» и тот вдруг открывает глаза. Но это лишь краткий миг – вскоре он снова погружается в небытие. Тогда Клэр приносит в больницу в чемодане женский наряд Вирджинии – накладные силиконовые сиськи, бюстгалтер, парик, чулки, пояс, платье, красит ему глаза, губы, делает маникюр, в таком виде сажает его при помощи автоматической кровати и поет ему песню, которую исполнял трансвестит в гей-клубе в тот вечер, когда они были так счастливы вдвоем. И вдруг Вирджиния открывает глаза и приходит в себя. После чего они вдвоем заявляются к мужу Клэр и сообщают, что не могут жить друг без друга и теперь будут вместе.

И вот, теперь уже через семь лет, счастливая пара – беременная Клэр и Вирджиния, которая, надо сказать, прекрасно выглядит, одета в обтягивающие брючки, подчеркивающие ее стройные ножки, а на голове у нее парик блонд, и даже глубокие морщины на щеках и трехдневная небритость не лишают ее своеобразного очарования – встречают из школы Люси. И они втроем, взявшись за руки, уходят в освещенную солнцем светлую даль под звуки торжествующей музыки.

Фильм не особенно притязательный, но мне понравился исполнитель роли Давида-Вирджинии. И потом, я смотрела его в кинотеатре, и, возможно, поэтому в какой-то момент поймала себя на мысли, что режиссер достиг в нем еще и своеобразного эффекта, причем без помощи техники, а чисто художественными средствами, так сказать. Поскольку его персонажи постоянно перемещаются еще в одном измерении, которого нет у присутствующих в зале. Еще год назад я, скорее всего, на эту деталь вообще не обратила бы внимания. А сегодня на такое кино тут можно ходить уже почти, как раньше все ходили в кинотеатры со специально оборудованными залами для просмотра стереофильмов.

Многие думают, что Орден литературы и искусства мне вручили исключительно за переводы. Тогда как эта награда дается за общий вклад в культуру. В частности, на церемонии награждения французский консул перечислил все мои книги, акции, фестивали, общество друзей, журнал «Дантес» и только после перешел к переводам. Не были обойдены вниманием и три снятых мной полнометражных художественных фильма: «Кэрель», «Убийство Жоашена» и «То, что не снял Фассбиндер».

Все смешное – не смешно, занимательное – скучно, умное – глупо. И только красивое красиво!

Вряд ли в этом мире существует что-либо более бессмысленное и бесполезное, чем истина. Помню, я видела ролик, где облаченные в белые одеяния жирные мужики – суфии, по-моему – скакали по комнате на одной ноге, вращаясь вокруг своей оси и по очереди валясь на пол. Так они, судя по комментарию к видео, переживали слияние с истиной. И что? На окружающей их обстановке это совершенно никак не отразилось. Даже снимавшая их камера нисколько не дрожала.

В свое время Ницше удивлялся, что у русских есть песни, поскольку, по его мнению, злые люди не должны петь. И вот теперь выяснилось, что песни у русских вроде бы имеются, а вот праздников, то есть поводов, чтобы их исполнить, не стало. Зато у советских и православных граждан таких радостных событий в жизни до фига и больше. И все исключительно благодаря их доброте и любви к детям.

В борьбе с фашизмом сегодня определенно есть что-то из детских игр в войну. Но меня это все равно как-то совсем не трогает. Чем больше я узнаю людей, тем меньше люблю детей.

Не хочется быть мелочной. В принципе, я в курсе, что у многих людей в жизни нет особых радостей, кроме гордости за свою страну. Однако когда я захожу сейчас в магазин и вижу новые ценники, то понимаю, что теперь мне придется больше трудиться, у меня останется меньше свободного времени на личные дела и т.п. И все исключительно потому, что кому-то оказалось недостаточно удовольствий от просмотров сериалов и захотелось почувствовать себя более счастливым. Причем заранее меня об этом никто не предупредил. Что я должна испытывать? Когда я, к примеру, хотела получить дополнительное духовное удовлетворение от собственной жизни, то я отказывала в еде и других материальных благах исключительно самой себе: что во времена СССР, что после. Ну, может быть, это и затрагивало моих родственников, но я не думаю, что на условиях существования посторонних и незнакомых мне людей это как-то сказывалось.

Нет, я вовсе не считаю, что этот мир справедлив. Но даже запрятанной в глубине тома «Капитала» прибавочной стоимости оказалось достаточно, чтобы человечество содрогнулось от колоссальных потрясений. А ведь отыскать в этой крайне запутанной огромной книге такую крошечную деталь было, наверное, ничуть не проще, чем обнаружить, к примеру, Бога в столь же туманной и внушительной по размерам Библии. Тем более для тех, от кого ее, по мнению автора «Капитала», на протяжении многих веков утаивали, поскольку у пролетариев, не в обиду будет им сказано, и вовсе по большей части две извилины в мозгу. А чтобы видеть то, что происходит сегодня, и книг никаких не надо. Откуда у людей такая непосредственность и беззаботность? Вот что меня поражает.

Не могу сказать, чтобы я когда-либо увлекалась архитектурой. Но, допустим, у меня перед глазами возникает какое-нибудь строение девятнадцатого столетия. И ладно. Меня все дома того времени в целом устраивают, и я никогда особо не вникаю, насколько данное сооружение соответствует нормам и канонам того или иного стиля. Да пусть мне известно, к примеру, что Сакре-Кёр имеет у специалистов и ценителей дурную репутацию, и то ничего. Полгода я жила в Париже в комнате на шестом этаже, из окна которого виднелись купола этой церкви, и они мне нисколько не мешали, а, скорее, даже совсем неплохо смотрелись на горизонте, особенно по утрам в лучах восходящего солнца. С одной стороны – Сакре-Кёр, а с другой, из окна коридора – Эйфелева башня, от которой, как я где-то читала, в свое время в ужасе бежал Мопассан. Но и глядя в ее направлении, я не испытывала ни малейшего дискомфорта: меня это сооружение нисколько не травмирует. Тем не менее, оказавшись в районе блочных пятиэтажек, я все равно чувствую себя не слишком уютно, даже если совсем не оглядываюсь по сторонам. Жить в таком месте я бы точно не хотела. Зато они лучше всего, наверное, подошли бы для триллера, если бы я вдруг задумала его снять. Мне

кажется, что подобные районы должны притягивать к себе маньяков, потому что именно там обитают их потенциальные жертвы.

И к людям у меня примерно такое же отношение: я стараюсь на них не смотреть и вообще обращать как можно меньше внимания. Диалектика души и прочие тонкости человеческой психологии меня совсем не интересуют. Вряд ли в этом мире найдется человек более снисходительный к людским слабостям, чем я, потому что я давно не жду ни от кого ничего хорошего. Однако я до сих пор постоянно натываюсь на тех, кто удивляет меня масштабами своего идиотизма. В людях нет ничего общего даже со стандартными пятиэтажными домами, никакой трогательной однотипности; куда больше они напоминают мне огромные бесформенные небоскребы, в уродстве которых есть даже нечто величественное, однако нет и намека на какую-либо эстетику, никаких лепных ангелочков, амуров и слоников на фасаде. И самое печальное, что возведение этих монументальных сооружений еще далеко не завершено, последние этажи еще явно не достроены...

Удивительно, но за последние несколько лет меня, по-моему, еще ни разу не обсчитали в кассе магазинов. Во всех сферах чувствуется какой-то упадок и деградация. Будь я кассиром, я бы, наверное, всех обсчитывала. Сидишь, долбишь по клавишам, перед глазами мелькают однообразные цифры, а так твоя работа сразу становится интересной и превращается в азартную игру.

Чтобы красота в конечном счете спасла мир, как учил Достоевский, нужно не ждать милостей от природы, а начинать с малого.

Если индивид живет в обществе типа Северной Кореи, то там за ним пристально следят, чтобы он все время радовался и был счастлив. На уровне всех форм самовыражения, во всяком случае. Единственное, личности, на которых возложена, такая функция, сами имеют довольно смутное представление о том, что такое радость. То есть это все равно что поручить дегустировать спиртное тому, кто ни разу не пробовал хорошего вина. Таким образом, некоторая сложность в подобной ситуации все-таки имеется. Что крайне негативно сказывается на имидже этой страны в глазах иностранцев.

Допустим, человек возвращается довольный с просмотра триллера «Молчание ягнят», открывает почтовый ящик и достает оттуда туристический проспект, с обложки которого на него взирает жизнерадостный тип с противоестественным оскалом, причем не просто без каких-либо следов интеллекта на лице, а еще и по всем внешним признакам принадлежащий к той части населения Земли, представителей которой в народе обычно принято называть «чурками». Ясно, что, несмотря на все радужные перспективы, которые сулят ему в сопровождающем фото тексте составители брошюры, зазывая к себе в гости, в его душу закрадываются сильные сомнения.

А если ты живешь в обстановке, когда вокруг тебя все в основном страдают и мучаются – вот как я сейчас, к примеру – то, что бы ты ни написала и ни высказала вслух, большинство из окружающих тебя людей сразу же предполагают, будто ты тоже непременно хочешь поведать миру о своих страданиях, и никаких иных чувств и мыслей у тебя нет и быть не может. Формально к подобным переживаниям вроде никто никого и не принуждает, но в результате ты поневоле начинаешь сомневаться: а знают ли чем-то вечно опечаленные вокруг тебя личности, что такое страдание вообще. Доводилось ли им когда-либо нечто такое испытывать, раз они абсолютно не в состоянии его идентифицировать и вычленивать из гаммы разнообразных человеческих ощущений, мыслей и настроений?

Сегодня появилось просто огромное количество людей, которых совершенно невозможно воспринимать всерьез, однако стать хоть немного забавными у них тоже не получается. А некоторых моих знакомых, помню, когда-то даже огорчало, что им никак не удастся быть серьезными. Жаль, что большинства из них уже нет в живых. Люди часто не ценят в себе то, что, как потом выясняется, является для других недостижимой целью.

Иногда я перестаю понимать, зачем я вообще живу на этом свете, который целиком заселен литературоведами, психологами, геологами, медицинскими работниками, ландшафтными архитекторами, историками, криминалистами, стилистами, философами, дизайнерами, физиками, астрологами, политологами и специалистами в других областях. Что бы я ни сказала, практически сразу откуда-то возникает тот, кто сообщает мне, что все это ему хорошо известно, поскольку когда-то он защищал как раз на эту тему диссертацию или же, по крайней мере, дипломную работу.

Чтобы вызвать у какого-либо индивида рвотный рефлекс можно, в частности, предложить ему табуированную в данном социуме еду. Человечину, например. То есть все, на самом деле, упирается именно в традиционные для каждого народа ценности. В том числе и в культуре. Поэтому инородность и противоестественность различных явлений в искусстве и жизни совсем не сложно определить: нужно просто довериться своей инстинктивной реакции. О чем бы те или иные личности ни рассуждали, к чему и кому сами себя ни причисляли, если от них вас тошнит – значит, они посягают на устои.

Искренне завидую православным. Хотела бы я считать своей главной проблемой присутствие в этом мире Нептуна.

А моя жизнь в последнее время все сильнее напоминает мне неудобное кресло, в котором я за столько лет так и не сумела более-менее комфортно устроиться.

Возвращалась сейчас домой, и вдруг у меня под ногами сквозь полумглу отчетливо промелькнула сделанная белой краской на асфальте надпись: «Красотка спасет мир!». Прошла еще несколько метров, а потом все же решила вернуться и сфотографировать это неожиданную социальную рекламу. Однако обнаружила только слово «Красотка!» и под ним – номер мобильного.

Если это было знамение, то теперь я, по крайней мере, знаю, что данная высокая миссия возложена уже не на меня.

Все немцы любят французов, причем без взаимности. То есть практически как русские – украинцев. А если вдруг какой-то житель Германии равнодушен к Парижу, то при ближайшем рассмотрении выясняется, что он и не немец вовсе, а гэдээровец. Или же и того хуже – турок.

Бывает, люди находятся совсем рядом, а между ними – целая пропасть. На бытовом уровне в такой ситуации чаще всего оказываются родственники, а так, самый яркий пример, по-моему: Хармс и Введенский. Хармс был поэтом законченных форм и смыслов, а Введенский пребывает где-то уже по ту сторону, и его знаменитая «Элегия», в частности, представляет собой пустое бречание словами.

Однако присутствие Хармса придает и фигуре Введенского некоторую осмысленность. Поскольку они принадлежат к одному течению, общались между собой, а большинству читателей в детали обычно вдаваться просто некогда. Так что Введенский в этом отношении неплохо устроился, отвернувшись от всего земного лицом к туманной и загадочной вечности. А Хармсу приходилось при жизни постоянно рисковать, как бы балансируя на краю пропасти, так как мир законченных форм и смыслов – это еще и царство банальности и очевидности, где обычно лучше всего себя чувствуют жизнерадостные олигофрены типа Маршака.

Не то что бы меня как-то особенно раздражал Введенский. В его личности нет какой-то особой патологии, в отличие от того же Хлебникова, например. Но мне немного обидно за Хармса, который все-таки сам создавал что-то новое, а не пользовался тем, что уже и так существовало до него.

Пушкин сделал все, чего не должен делать поэт: имел неприличное количество друзей, женился, обзавелся кучей детей, пренебрежительно отзывался о женщинах в частных беседах и посвящал им жеманные стихи, противопоставлял гениальность злу и сам пал жертвой, защищая добродетель... Но этого мало. Начав с романтизма, под конец жизни он пришел к реализму, то есть фактически совершил эволюцию от возвышенного к низменному.

Подобная странная перевернутость его поступков, поведения, образа мыслей и жизненного пути невольно пробуждает в моей душе страшное подозрение. Может быть, он был сатанистом?

Одни делают ставку на силу, а другие – на красоту. Это единственное зримое отличие гениев от дураков. Во всем остальном они абсолютно идентичны.

То, что одна из самых известных книг французского структурализма называется «Сырое и вареное», указывает, что даже представители этого крайне формализованного и сосредоточенного на объекте исследований течения так и не сумели до конца завуалировать свое тайное пристрастие к жратве и таким образом продолжили старую, как мир, традицию символизма, восходящую к известным стихам «О закрой свои бледные ноги» и другим шедеврам декадентской поэзии.

Неважно, что эта книга посвящена индейцам – пусть бы она описывала инопланетян – но, живи ее автор, к примеру, в России, он, наверняка, озаглавил бы ее «Тупое и острое».

Действительность сама по себе мне мало интересна. Единственное, что меня волнует – собственные ощущения, которые возникают у меня от соприкосновения с различными предметами и явлениями. И это еще одна причина не любить детей. Они вызывают умиление, а я терпеть не могу подобные чувства. Гораздо больше мне нравятся ненависть и злоба.

С этой точки зрения этот мир за последние годы, как мне кажется, приблизился к совершенству. Поэтому я часто совсем не понимаю, чем бывают так недовольны окружающие меня люди.

Религия – это недоискусство. Храмы - еще куда ни шло, и то уже устарели. А все остальное – полный отстой. И особенно литература: самые известные авторы типа Августина писали о птичках и любви. Большинства я не читала, но меня как-то и не тянет. Зачем, если есть куда более полноценные личности? Я, к примеру, когда пишу, совершенно не думаю, попаду ли я потом за свои слова в рай. А религиозный писатель все время прикидывает, что ему за это будет. Ну, ему-то, может, потом что и отломится, однако читатели вряд ли извлекут из его книг какую-нибудь полезную для себя информацию. Зато я в общении с читающими меня людьми совершенно бескорыстна, но это, как я заметила, мало кто ценит.

Правильно все-таки говорят, что ни одно доброе дело в этом мире не остается безнаказанным. Я в этом много раз уже могла убедиться на собственном опыте.

Вестник Союза Кинематографистов, который методично продолжают опускать ко мне в ящик, реально начинает вызывать отвращение. Как-то многое уже забылось и отдалилось во времени, и тут тебе, совсем как в рекламе, опять предлагают попробовать «тот самый вкус». Избыток добра в этой газете определенно начинает зашкаливать, а все приторное, если подумать, человек переносит даже хуже других неприятных ощущений.

С одной стороны, я понимаю, что из всех искусств для нас важнейшим всегда было умение вызывать тошноту. И все же когда-то все происходило в первый раз, и кто-то чего-то мог искренне недопонимать, а теперь все делается абсолютно осознанно. А за подобные поступки в том же УК, в частности, полагается уже более серьезная статья.

Сегодня около ТюЗа видела опять статуи пионеров: с одной стороны стоят, обнявшись, две девочки, а с другой – два юноши. Удивительно, но в школе эти фигуры ужасно давили мне на психику своим уродством и неотесанностью. А сейчас я воспринимаю их исключительно как памятники наивного искусства, вроде каменных баб или африканских скульптур, которые сто лет назад открыли для себя европейские художники. Кто знает, может быть, и те трогательные статуэтки и амулеты принадлежали когда-то племенам людоедов. Да, скорее всего, именно так оно и было.

Скульптуры, как и другие произведения искусства, в этом отношении очень похожи на людей: чем непосредственней и безобидней они на вид, тем обычно тупее и кровожадней по своей сути. Сейчас это уже все тонет во мраке времен, но людоеды, к примеру, могли запросто использовать свои милые диковинные изваяния в качестве своеобразных чучел, но с противоположной целью, то есть, чтобы заманивать на свою территорию заблудившихся детишек, а не отпугивать птиц.

Птицы, кстати, шарахаются не обязательно только от тех, у кого в руках – швабра, и на голове – ведро, а от людей вообще, и тем самым демонстрируют проблески интеллекта, начисто отсутствующего у большинства человеческих особей.

Все избыточное и противоестественное уродливо. В этом, в частности, и заключается трудность литературы и особенно поэзии. В самом акте вождения рукой по бумаге уже есть нечто ненормальное.

Политика в этом отношении не так уж и сложна. Тем более странно видеть в ней сейчас такое количество малоприятных и даже отталкивающих персонажей.

Если окинуть взглядом временной отрезок российской истории от Достоевского до фестиваля искусств «Белые ночи», то там можно обнаружить как минимум пятьдесят оттенков белого. А в красном такие нюансы вообще отсутствуют. Можно вспомнить тех же белых офицеров опять-таки. А взять хотя бы патриарха и главу коммунистов: они прямо как братья-близнецы.

Обратила внимание, что в последнее время на улице стало меньше сумасшедших, которые еще пару лет назад постоянно цеплялись ко мне, чтобы поделиться знанием истины. Может, у меня на лице тоже появились признаки приобщенности к высшим материям? Хотя, глядя на себя в зеркало, я вроде ничего такого не замечаю. Так что, скорее всего, они нашли себе успокоение дома перед телевизором, откуда с ними, наверняка, сейчас постоянно делятся благодатью. Сидят себе в кресле перед экраном, и их лица расплываются в блаженной улыбке. Зачем приставать к прохожим на улице, если истина теперь и так транслируется в каждую квартиру? Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы в это врубиться. Это и ежу понятно, а уж носителям истины, тем более.

Вот чего русским, точно, не стоило делать, так это отделять себя от украинцев. Остаток производит гнетущее впечатление. А так, возможно, никто бы и не догадался, что русские такие тупые.

Всякий раз, когда читаю сейчас отдельные комментарии к своим постам в фб, все больше и больше в этом убеждаюсь. Еще пару лет назад, мне кажется, такое было невозможно. Причем, пишут их даже не боты, а самые обычные люди, судя по всему. Просто совершенно искренне и органично тупые.

Одно меня утешает: немцы тоже в основном тупые, но если уж попадаются утонченные, то почти такие, как я.

Жан Жене поворачивался к Ротшильду спиной, но бабок у того было все-таки больше.

Поэтому, если бы Ротшильд решил соревноваться с Жене в гениальности, то у него сразу появилось бы огромное число сторонников, которые повернулись бы спиной уже к самому Жене. Как ни крути, но получается, что Ротшильд был недостаточно умен.

Главный недостаток Нище заключается в том, что он был философом. А по образованию – еще и филологом. Все философы тупые, а филологи, и того хуже, умные.

Главное – это ничем не интересоваться и всех ненавидеть. А остальное приложится.

Безумие далеко не так разнообразно, как многие почему-то думают. Точно так же, как и сны. Пусть Фрейд и посвятил им целые тома, но там все равно ничего существенного не происходит. Особенно хорошо это заметно, когда у создателей сериалов кончаются бабки и идеи, и они начинают заполнять оставшиеся до конца сезона серии навязчивыми глюками и кошмарами, якобы преследующими главного героя. Это всегда бросается в глаза.

Почему, например, сюрреалисты так ненавидели Жана Жене? Да потому что они, по сути, все были одинаковыми. А Жене от них отличался. Причем именно, как явь – от туманных снов.

Только теперь я, кажется, начинаю понимать, почему мне так тяжело дается соблюдение диеты. По линии мамы у меня в прошлом блокадники, а бабушка с отцом пережили голодомор.

Почему коммунисты так любили реализм? Пусть они и изобрели свой собственный «социалистический», но все равно – они явно ощущали какую-то чисто иррациональную слабость именно к этому течению в искусстве, отыскивая его проблески во всех временах и странах. Мне кажется, само это слово их должно было утешать, поскольку позволяло почувствовать почву под ногами.

В самом деле, в «реализме» есть что-то от реальности, на которую можно опереться в случае чего. Бурлаки тащат тяжелую баржу по реке, солнышко освещает полянку с ромашками, листочки на березках шевелятся под дуновением легкого ветерка или же мишки ползают по лежащему на земле бревну в сосновом лесу – все это успокаивает и радует глаз. Приятно думать, что сама реальность на твоей стороне, а все остальные от нее оторвались и как бы болтаются в пустоте... Все сумасшедшие, по моим наблюдениям, всегда испытывают какую-то особую тоску по реальности.

Помню, когда-то давно мне пришлось отправиться в Москву за визой в бельгийское посольство. Я приехала на Ленинградский вокзал ранним утром, и поскольку знала адрес, сразу же спустилась в метро и выбрала нужное направление. В вагоне толпились люди, все ехали на работу, а я ужасно не выспалась и во избежание ошибки решила все-таки уточнить у соседки – огромной жирной размалеванной бабы с красной физиономией – туда ли я еду. И она с азартным блеском в глазах, радостно причмокивая и чуть ли не подпрыгивая от удовольствия, послала меня на станцию «Проспект Вернадского». Я плохо соображала, поэтому срочно пересела в поезд, идущий в противоположную сторону, и только тогда, когда он внезапно вышел на поверхность из туннеля, и

за окнами замелькали деревья, до меня дошло, что тут что-то не так. Я снова уточнила маршрут, на сей раз у интеллигентного вида мужика в очках. В результате мне пришлось возвращаться туда, откуда я приехала изначально, потратив на это еще уйму времени и сил.

А вчера со мной почти что случилось дежавю. Я отправилась в Сестрорецк, где мне нужна была местная больница. Причем накануне я тщательно изучила маршрут и проверила адрес. Я добралась на автобусе точно до нужного места, периодически сверяя в телефоне по карте гугла названия остановок. Однако, оказавшись на улице, я все-таки решила еще раз удостовериться, куда мне дальше двигаться. И заметив поблизости старуху с дочкой – судя по их некоторому типовому сходству – я поинтересовалась у них, где тут больница. А рожи у них обеих, надо сказать, были такие, что прекрасно бы подошли на обложку книги под названием «Образы загробного мира в живописи позднего Средневековья» или что-то типа того. Давно я таких жутиков не встречала, хотя постоянно вроде бы натываюсь сплошь на одних уродов и дегенератов. Старуха неприязненно осмотрела меня с ног до головы, и ее сморщенная физиономия скривилась еще больше, а в глазах зажегся недобрый огонек, как бы предваряя слова ее более молодой спутницы, которая тут же угодливо мне ответила, что больница находится в другом конце города, и туда надо добираться на автобусе. Однако мой телефон подсказывал мне совершенно другую информацию. О чем я и сообщила двум этим ведьмам. На их лицах сразу отразилось явное разочарование. Однако та, что помоложе, все равно заявила, что территориально больница находится очень далеко и махнула рукой вдаль, куда мне придется еще идти и идти... В конце концов, сориентировавшись по гуглу, я обнаружила нужный мне объект где-то в двух минутах ходьбы от остановки, когда силуэты этих баб еще даже не успели скрыться из виду.

В последнее время я все чаще ловлю себя на мысли, что если бы ни компьютеры и другие достижения техники, человек в современном мире был бы, наверное, совсем одинок. Глядя на свой телефон вчера, я в какой-то момент даже подумала, что, вероятно, такие же чувства должны были испытывать пару веков назад казаки к своему коню, который спас их от вражеской погони. Странно, что айфонам до сих пор еще не стали посвящать стихи и песни. Разница между неодушевленной и живой природы, на самом деле, не такая уж и значительная. Роботы уже сейчас могли бы куда лучше разбираться во множестве уголовных дел, в частности, где важен прежде всего именно чисто формальный подход. И все. Тогда как люди только и делают, что постоянно кривляются, причем фактически по любому поводу.

Peut-être je me trompe, mais parfois j'ai le sentiment que quelqu'un veut me prêcher⁷.

Наблюдала сейчас у Владимирского собора драматическую сцену, как две нищие старухи в поношенных зипунах разбирались между собой после того, как проходившая мимо группа иностранных туристов оставила одной из них бумажную купюру в валюте. Не знаю, почему они предпочли именно ту, у которой в руках была палка, но другая, потрясая костылями, стала крайне агрессивно на нее наезжать: «Ты, что, сука, думаешь, я тебе сейчас не въебу?...» «Да пошла ты на хуй, сволочь. Сама сейчас пиздюлей огребешь..», – отвечала ей ее оппонентка, направив острие своей клюки прямо ей в физиономию. Причем обе они были достаточно высокие, здоровые и костистые, то есть приблизительно в одной весовой категории. Мне бы и самой, наверное, эта бумажка не помешала, но при таком раскладе, да еще среди бела дня и у всех на виду, я все-таки решила пройти мимо и не останавливаться.

Мыслить как дебил (Moron minds). Первый сезон, похоже, уже близок к завершению.

Главный герой не согласен с тем, что в этой жизни прав всегда бывает тот, кто сильнее. И бросает вызов окружающим. Однако, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями в осуществлении своих планов, приходит к выводу, что те, кто ему мешают, являются плохими людьми.

⁷ Возможно, я ошибаюсь, но иногда у меня такое ощущение, что кто-то хочет прочитать мне мораль. (франц.)

Но ведь именно об этом он всех заранее и предупреждал. Поэтому он еще больше утверждает в собственной мудрости и прозорливости, обретая по ходу действия все больше сторонников и друзей. Однажды он получает предложение вести телешоу для домохозяек. Это большой успех, но он не собирается останавливаться на достигнутом, и его переполняют грандиозные планы. К тому же, его одноклассница Сюзи по-прежнему не обращает на него никакого внимания...

Забавно, но еще совсем недавно я не придавала особого значения литературе. Ну, сочиняет человек какую-нибудь ерунду, и ладно. Пусть у него будет куча читателей – неважно, меня это не касается... А теперь выяснилось, что все-таки важно. Писатели, как и их читатели, оказались совершенно ни к чему не готовы. Такое впечатление, что они намеревались прожить какую-то абсолютно другую жизнь. И чисто теоретически у них это могло получиться. Однако им не повезло.

Зато сегодня даже сочинители женских романов и детективов обзавелись собственной гражданской позицией, с высоты которой продолжают рассуждать и оценивать происходящие вокруг события, создавая у личностей, придерживающихся противоположной точки зрения, полную иллюзию того, что им противостоят одни идиоты. Так что свою историческую миссию, похоже, они в конце концов все же выполняют.

Много лет тому назад один мой знакомый купил себе на Блошином рынке у метро Порт де Монтрей прекраснейший темно-фиолетовый длинный пиджак с голубыми лацканами и золотыми отворотами на рукавах. Вернувшись в Петербург, он сходил в нем в Кировский театр, а потом повесил в шкаф и надолго забыл. И только некоторое время спустя случайно выяснилось, что этот эффектный наряд представляет собой лакейскую ливрею. Просто он жил один, и ему некому было на данный факт указать. А в начале девяностых швейцары в подобных одеяниях еще не стояли на Невском возле дверей гостиниц.

Эта ситуация больше всего напоминает мне случай, когда один даун – иначе не скажешь – обвинил меня в своей рецензии в том, что я совершенно не понимаю и огрубляю Селина, принижая его возвышенную духовность, утонченность и интеллигентность. При этом, в качестве примера он взял одну из исковерканных французской цензурой цитат из «Смерти в кредит», которые я специально задним числом, когда весь перевод был уже в основном завершен, восстанавливала по тщательно сверенному с первоначальным авторским вариантом изданию в Плеяде. Весь прикол тут заключается в том, что мне и самой мог запросто попасться адаптированный для широкой публики текст, а не тот, где на месте этих напугавших в свое время первого издателя Селина кусков зияли бросающиеся в глаза пустоты. Поскольку я начала переводить «Смерть в кредит» по случайно купленному мной еще в Ленинграде карманному изданию, когда я практически вообще ничего не знала про Селина, не говоря уж о подобных тонкостях. То есть, тут, в сущности, даже нет никакой моей особой заслуги, а все сводится к чистой случайности.

Стояла сегодня на переходе через Разъезжую рядом с парнем в синей спортивной куртке и девушкой с темной косой челкой до бровей, выкрашенных перманентом, в шапочке бини, на ногах – уродливые копытца, как сейчас модно, с плеча свисает сумка-мешок, а пальто белое с крупными черными блестящими кругами, которые переливались и изгибались на свету, от чего фигура девушки казалась несоразмерно расширенной в центре, как при беременности или ожирении, хотя ножки и ручки у нее, наоборот, были совсем тоненькие, и эта дисгармония создавала эффект, будто я вижу перед собой инопланетное существо. И пока я ждала, когда загорится зеленый свет, она, заикаясь, растягивая слова и делая большие паузы, говорила своему приятелю: «Нуууу, ты знааааешь, вот интееересно... Меня все принимают за... то есть мне все говорят, что я выгляжу просто нууууу... каааак типичнааая... ну как типичный... – в какой-то момент я даже стала опасаться, что сейчас поток машин остановится, пара тронется с места, а я так и не узнаю, за кого

ее все принимают, но, к счастью, она все-таки успела закончить, – то есть я... выыыыгляжу именно так... кааак типичный дизайнер».

Вернувшись домой, я стала внимательно разглядывать себя в зеркале. Да, пожалуй, я теперь уже не особенно похожа на дорожную рабочую, укладчицу шпал и продавщицу сельпо, как писала про меня критик «Нового мира», а чем-то даже напоминаю э-эээ... не то, чтобы уж совсем декадентку, но, по крайней мере... э-эээ.. не совсем типичного, может быть, но психолога.

Героям никогда не стать преступниками. Как бы они этого не хотели. Это все равно что от бездарных поэтов ждать гениальных стихов.

Возьмем хотя бы живопись. Художники уже много веков мучаются над портретами, а удачи в этом жанре можно пересчитать по пальцам. Но стоит только на картину добавить черепушку или скелет, как она становится на порядок выразительней и начинает радовать глаз. При этом в изображении костей практически отсутствуют какие-либо технические сложности, поскольку человеческим останкам не свойственны смена настроений и иные тонкости душевных переживаний типа ускользающей улыбки Моны Лизы – покойники загадочны сами по себе. Разве это не свидетельство того, что даже совсем жалкая смерть гораздо эстетичнее любой насыщенной событиями и свершениями жизни?

То же можно сказать и о других видах искусства. Единственное прозаическое произведение русской литературы, которое имеет реальный шанс сохраниться в веках, называется «Мертвые души». И все потому, что самое противное, что есть в человеке – это его душа и прочая духовность. И если уж мертвецы в реальной жизни не могут разгуливать по улице, то писателю стоит обращать внимание только на таких человеческих особей, у которых эти неприятные атрибуты отсутствуют или же хотя бы сведены к минимуму.

«Как тяжело мертвецу среди людей...» – самое романтическое и красивое стихотворение Блока, не утратившее своей актуальности и в наши дни. Все остальное сегодня выглядит безнадежно устаревшей рухлядью.

Повышение проходного балла ЕГЭ позволит правительству сэкономить на высшем образовании. А перенос акцента внимания на детей, которые находятся на содержании родителей – еще и на пенсионерах...

Вот почему я стала такой циничной писательницей. Моя духовность в молодости стоила мне слишком дорого, а сегодня я бы ее уже и вовсе не потянула, наверное.

Жаль, что я не верю в существование бесов. Сейчас бы я, вероятно, переживала по-своему даже приятные моменты бытия, наблюдая за свиньями, которые устремились в пропасть. Все-таки сегодня эта метафора обрела настолько зримые очертания, что Достоевскому, думаю, и не снилось.

Был такой революционер-народник Морозов, который, сидя в тюрьме, кажется, тщательно разобрал Апокалипсис, где разглядел разнообразные глюки, связанные с облаками, молниями и другими метеорологическими явлениями. Правда это или нет, но сам автор откровения о Конце Света все равно о природе своих видений уже узнать не мог, так что, поймав свою порцию кайфа, скорее всего, отправился на тот свет вполне довольный собой.

А вот я вместо бесов вижу только что-то вроде проплывающих в пустоте облаков.

Этот мир устроен несправедливо. Одни получают удовольствие, а другим достается только похмелье.

Вот смотришь порой на человека: вроде бы и шахматист, а тупой, как валенок. И только потом до тебя доходит, что он ведь тоже спортсмен. То есть не так уж и существенно отличается от прыгуна в высоту или метателя молота. Это я к тому, что не стоит слишком доверять непосредственным занятиям того или иного индивида, а чтобы понять, кем он является на самом деле, всегда полезно

подняться на одну-две ступеньки вверх по логическому дереву и посмотреть, к какому роду деятельности он принадлежит.

Поэтому я, к примеру, когда встречаю даже авторов добрейших нравоучительных произведений в басенном или там сказочном жанре, всегда стараюсь быть предельно внимательной и сумку в прихожей с деньгами не оставляю. Поскольку знаю, что имею дело с писателями, а с ними лучше особенно не расслабляться.

Если слишком долго повторять, что белое – это черное, то, в конце концов, найдется тот, кто заявит, что черное – это белое. И на этом данный логический цикл завершится. Все снова встанет на свои места. При этом сам факт, что в действительности является черным, а что – белым, тоже утрачивает всякое значение и перестает кого-либо волновать. Называется белое черным или наоборот – какая, в сущности, разница? От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Но тут дело не только в логике. Когда кто-то берется оспаривать нечто ни от кого не зависящее – силу тяготения, например – то он и сам при любом раскладе в итоге не получит удовлетворения. Пусть даже его оппонент залезет на крышу высотного здания и прыгнет с нее – к облакам он, все равно, не полетит, и поэтому вызовет у того, кто в этом сомневался, разве что дополнительное раздражение против себя. И все.

Короче говоря, такого рода дискуссии совершенно непродуктивны и мало познавательны. Я не особенно хорошо знакома с точными науками, но предполагаю, что программисты, отлаживая свои программы, должны устранять подобные сбои в работе при помощи специальных макрокоманд, которые позволяют игнорировать лишние звенья логических цепочек, не тратя на них драгоценные миллисекунды, тормозящие работу компьютера.

Так что люди, несмотря на всю свою неорганизованность и эгоизм, с кое-какими более-менее очевидными общими проблемами все же справляются, причем не только в прикладных областях, но и в глобальном масштабе. Удалось же человечеству зафиксировать законодательно состояние невменяемости, впадая в которое, индивид сегодня в большинстве стран мира не несет уголовной ответственности за свои поступки. А теперь, мне кажется, пришла пора разобраться и с другими аналогичными ситуациями, чтобы потом окончательно про них забыть и не отвлекаться на всякую ерунду.

В частности, в тех случаях, когда в самом начале предпринимаемых кем-либо действий для всех был ясен их отрицательный результат, людям следует договориться и считать, что никаких попыток достижения такой цели просто не было. Чтобы не тратить потом попусту время на анализ чьей-то заведомо бессмысленной деятельности. Просто нужно четко обозначить: никто черное белым не называл, а все каким было, таким всегда и оставалось. И прыжок с десятого этажа тоже нельзя отнести к заслуживающим серьезного внимания научным экспериментам. Даже героическим данный поступок не назовешь. То есть тут представителям всех сфер следует взять за образец поведение программистов и выстроить что-то типа макрокоманд, позволяющих игнорировать подобные явления в окружающем мире. При современном уровне научных технологий, думаю, это не составит особого труда. Все упоминания, отсылки и прочая информация стираются с жестких дисков. Нечто было – и нет его. Произошедшего даже никто не заметит...

Для достижения этой цели, на мой взгляд, следовало бы исключить из школьных учебников истории и все периоды прошлого, когда жители тех или иных стран занимались воплощением в жизнь заранее обреченных на провал идей. Невозможно же без конца переливать из пустого в порожнее, обсуждая гениальность Ленина, например. У гения должны присутствовать хоть какие-то проблески интеллекта, а не только тупость и наглость. Пусть, наконец, соберется специальное жюри и закроет этот вопрос. И тогда в учебниках русской истории временной период длиной в семьдесят лет будет обозначен выразительной лакуной. Подрастающему поколению с малых лет необходимо прививать мысль, что подобные события не считаются серьезными и заслуживающими внимания взрослых людей. К тому же, объективно в них, действительно, нет ничего полезного и интересного. Какая разница, сколько времени тот или иной человек простоял, упершись лбом в стену? Ничего нового наблюдающий за столь странным поведением ученик начальных классов для себя не откроет. Все и так заранее ясно.

В Воронеже психбольной со справкой втыкал кнопки в женщин, встреченных на улице.

Если бы люди признали наличие у Бога чувства юмора, в этом мире появилось бы гораздо больше очевидных для всех свидетельств его существования. Тогда бы и в специальных организациях вроде церквей сразу отпала всякая необходимость. Что позволило бы человечеству сэкономить кучу бабок, которые сегодня тратятся на их содержание. Плюс занятые храмами и молельными домами дорогостоящие участки земли в центре крупных городов можно было бы отдать под детские сады и больницы.

Однако жалким человеческим существам почему-то нужен исключительно тот, кто преисполнен к ним сочувствия.

Страх уродства у человека может отсутствовать по двум причинам: либо он является красавцем, либо – дебилем. С этой точки зрения большинство ученых вовсе не кажутся мне особенно умными.

Вчера все вспоминали Сада в связи с 200-летием его смерти. В результате сегодня ночью он мне приснился. Значит, все-таки Фрейд был прав насчет снов.

Практически все фильмы из списков лучших по итогам года, какие я видела, меня пугают. Но большинства, к счастью, я не смотрела. Поэтому даже в это тяжелое для всех время я все еще сохраняю веру в человечество и гляжу в будущее с некоторым оптимизмом.

Вся проблема тут заключается в том, что не знать о чем-то бывает порой даже сложнее, чем знать. Потоки информации в окружающем меня мире, в этом смысле, чем-то напоминают мне воду, которая постепенно проникает к тебе в дом через микроскопические отверстия и щели в крыше, стенах и окнах. Поэтому полностью укрыться от нее невозможно. Так произошло у меня, в частности, с писателями, на которых я долгие годы старалась совсем не обращать внимания, не то чтобы читать. И что же? Недавно я поймала себе на мысли, что знаю про них буквально все. При этом я ни разу не только не открыла их книг, но никогда к ним вообще не прикасалась и не видела их обложек.

В жизни вблизи обычно ничего особенного не происходит. И даже если ты прибыл куда-нибудь в район боевых действий, к примеру, и то там в основном все, как обычно: щебечут птички, светит солнце и только вдруг – раз, и просвистит какой-нибудь снаряд или там несколько, а после того, как они взорвутся, опять все тихо.

По этой причине, мне кажется, личности, побывавшие на войне, если все снаряды и пули удачно пролетели мимо них, и возвращаются оттуда точно такими же тупыми, как и были раньше, ничего особенно интересного не узнав и не поняв.

Много веков обитатели сел и городов всячески обустроивали свои жилища, покрывая узорами и лепниной их стены. Но они и представить себе не могли, что когда-нибудь большинство людей будут смотреть на творения их рук главным образом из окна автомобиля, поезда, а то и вовсе самолета. Вот почему наиболее прилежные и ответственные представители человеческого рода сегодня так ненавидят прогресс и пытаются его всячески затормозить. Они никак не могут смириться с тем, что уже в ближайшем будущем, пересев на ракеты, люди окончательно перестанут замечать даже грандиозные небоскребы, горы и золоченые купола самых крупных и тщательно выстроенных соборов, а не то что резные ставенки, вышитые занавесочки и расписных петушков, на которые они зачем-то потратили и продолжают тратить столько сил и времени.

То же самое относится и к литературе. Я давно не отличаю постоянно мелькающих у меня перед глазами двуногих существ от столбов, и то до сих пор не так уж и далеко продвинулась в этой жизни. А чего бы, интересно, я вообще достигла, если бы сейчас, вслед за Чеховым и

подобными ему высокодуховными мастерами слова прошлых веков, напялила на себя пенсне и занялась разглядыванием тонкостей человеческих переживаний и настроений?

Вспомнила сегодня, что еще совсем недавно я удивлялась, что люди бегут в магазин за книгами любого дегенерата, которого им показали по телевизору. Хотя, казалось бы, сотрудники ТВ специально демонстрируют его широкой публики, чтобы от подобных действий предостеречь. А теперь даже и не знаю... С другой стороны, я никогда не чувствовала особой привязанности к реальности, так что окончательно оторваться от нее не так уж страшно, наверное.

Забить на все и полностью погрузиться в мир грез. Декаденты начала прошлого века о таком и мечтать не могли!

Читатели обычно стараются выбрать для знакомства с автором что-нибудь покороче: просто чтобы составить себе представление и не ударить в грязь лицом перед знакомыми в случае чего. Большого им обычно для жизни не требуется. Это я хорошо знаю по себе. Как ни встретишь кого-нибудь, так он сразу заводит разговор о «Морских рассказах», а всего остального будто и не существует. Вот почему романисты крайне редко берутся за рассказы, точно так же как и рассказчики – за романы. Первые опасаются, что их более важные произведения, на которые они потратили уйму времени и сил, останутся никем не прочитанными, а вторые понимают, что, раз уж они засветились по мелочам, то теперь лучше не дергаться, а довольствоваться тем, что есть.

Но это, разумеется, касается исключительно писателей, вроде меня, которых окружающие по каким-то причинам причисляют к высокодуховным авторам. А так, люди в огромных количествах готовы поглощать детективы, триллеры и женские романы, и при этом, наоборот, стараются не особенно свои пристрастия афишировать. Совсем как дети, которые утаскивают со стола к себе в тарелку огромные куски торта, стоит только их родителям на секунду отвернуться. А увлекательные рассказы и прочие подобные короткие произведения своими недостаточными большими размерами вызывают у них даже скрытое раздражение и досаду.

Человеческие существа, о чем бы они вслух ни рассуждали, в душе ненавидят все духовное. Но если на твоей книге не написано, что она принадлежит к одному из занимательных жанров, да еще и в магазине она стоит на соответствующей полке, от которой большинство посетителей – особенно когда их никто не видит – шарахаются, как от чумы, то доказать кому-либо, что ты не имеешь к духовности ни малейшего отношения, практически нереально. Это я тоже, к сожалению, прекрасно знаю по себе.

Шахматы являются плохой метафорой для жизни. Когда участник матча на звание чемпиона мира, к примеру, натывается на дежавю и видит, что разыгрывается уже однажды встречавшаяся много лет назад партия, он сразу настораживается и предполагает, что где-то в конце у его противника обязательно припасен неожиданный ход, даже если напротив, судя по всем внешним признакам, сидит откровенный дебил.

Карты в этом отношении предпочтительнее. Как только раздача заканчивается, каждый просто предъявляет имеющиеся у него на руках козыри. На ум, глупость и прочие моральные качества можно вообще не обращать внимания. Главное – следить, чтобы никто не убежал из-за стола. В жизни приблизительно так обычно все и происходит.

Не помню уже совсем фильм Хичкока. Но начала вчера смотреть итальянский вариант «Ребекки», так там inferнального вида старая служанка всю первую серию достает юную жену хозяина замка намеками на нечеловеческую красоту ее умершей предшественницы. И вот, наконец, эта злобная старуха подводит ее к укромному уголку и резким движением приоткрывает штору, за которой от людских глаз скрыт портрет той, о ком она так долго и многозначительно рассуждала.

В результате перед глазами главной героини, а вместе с ней и зрителей фильма, на несколько мгновений предстает крупного размера живописное полотно, где-то от пола до самого потолка, с изображением женской фигуры в длинном платье по образцу туники, причем даже не в фас, а со

спиной и с обнаженными, но достаточно квадратными плечами, не совсем кубизм, конечно, а, скорее, с печатью влияния импрессионистов и чуть более поздних представителей модерна, типа тех, что обычно сейчас делают более-менее старательные выпускники художественных вузов в качестве дипломных работ. Короче, если бы Ида Рубинштейн, к примеру, на известном портрете Серова поправилась килограмм на десять, оделась, а потом встала и повернулась к зрителям спиной, то общий облик у нее был бы приблизительно таким же, правда, на картине в фильме у фигуры еще и практически отсутствует шея, а голова растет прямо из плеч ... И что же? Увидев данное изображение, главная героиня падает в обморок и в буквальном смысле катится вниз по винтовой лестнице.

Удивительно! Будь я на ее месте, я бы, мне кажется, устояла на ногах, даже если бы узрела за занавеской Мону Лизу. Да хоть саму мадонну Рафаэля, и то мне было бы пофиг! В общем, благодаря этому фильму, я легла вчера спать с сознанием собственного превосходства над жалкими людишками. Вторую серию, думаю, можно и не смотреть.

В чем, интересно, прикол любви к дальнему, которую так пропагандировал Ницше, по-моему? Когда идешь по улице, едешь в автобусе или заходишь в магазин, покупатели, продавцы, пассажиры и прохожие вокруг обычно достаточно флегматичны, некоторые даже улыбаются, беседуют между собой... Так что если слишком не вглядываться и не придирается к деталям, то в основной массе ничего особенно страшного в тех, кого ты видишь вблизи, нет. Но стоит только отстраниться, то есть хотя бы мысленно отдалиться от них, и подумать, что они, на самом деле, собой представляют, как тебя сразу охватывает отвращение и злоба.

Это как с картинами и другими неодушевленными предметами: пока тычешься в них носом, то видишь только расплывчатые пятна и грубые мазки краски, а отступишь на несколько метров, и их уродство бросается в глаза. Вот и люди вблизи особенно не различимы, а на дистанции их можно только ненавидеть. Тут Ницше чего-то явно недодумал.

Обнаружила в почтовом ящике брошюру «Реален ли Сатана?». Чувствую, что сегодня будет удачный день.

Забавно, что, рассуждая о гибели государств, империй и цивилизаций, исследователи, прежде всего, обращают внимание на нравственность проживавших в различные эпохи народов. Ну, может быть, еще на экономику и политическое устройство. Но практически никто не говорит о дефектах вкуса находившихся у власти в критические моменты истории индивидов. Хотя именно они неизменно оказываются роковыми для тех, кем эти личности управляют.

Я, например, охотно готова поверить, что Ленин вовсе не болел сифилисом, а был примерным семьянином. Его философские и экономические взгляды мне тоже совсем не интересны. А вот его эстетические предпочтения меня всегда реально пугали. Любовь к Пушкину, в частности. Она до сих пор ставит в тупик большинство западных интеллектуалов, которые не прочь были бы подкрепить свои авангардные художественные проекты каким-нибудь солидным философским учением прошлого, типа марксизма. Поскольку подавляющим большинством из них движет тщеславие и желание выебнуться, а первичность материи над духом им абсолютно до лампочки.

В результате они вынуждены постоянно метаться от Мао к Троцкому и обратно. И если бы не это, весь мир, скорее всего, уже давно был бы покорен Советским Союзом. Не говоря уже о победе в «холодной войне». Но, увы...

Во всем виноват Пушкин. В том числе, и в развале Советского Союза.

Аня Синицына живет в небольшом городке, работает продавцом в универмаге и не мечтает о большем. Когда-то она любила одаренного литературным талантом одноклассника Антона Кремнева, но он вздыхал только по первой красавице школы Лизе Федоровой, а после выпускных

экзаменов вовсе исчез из виду. Жизнь Ани резко меняется после неожиданной встречи с первой любовью.

Проходя вчера мимо Дома кино, пробежала глазами анонсы двух фильмов, которые там сейчас идут. Наш – про сантехника, вступившего в неравную схватку с чиновниками, а другой, по-моему, английский – про психиатра, который переживает, что не может сделать своих пациентов довольными жизнью и поэтому отправляется в путешествие в поисках счастья...

Проснувшись сегодня среди ночи, я так и не смогла восстановить в памяти их названия. Помню только, что один из них, точно, назывался «Дурак».

Годы идут, а люди не меняются. Лет двадцать назад, помню, стоило мне встретить случайно на улице свою бывшую одноклассницу или просто знакомую, как они, окинув наметанным взглядом мою слегка потрепанную одежду и потертые сапоги, с наслаждением сообщали мне, что завтракают только в ресторане, а перемещаются исключительно на такси. Точно так же ведут сейчас себя и православные, которые понимают, что другого такого шанса у них может и не быть, и поэтому всячески достают своих сограждан духовностью и Богом, пользуясь тем, что те, загруженные своими делами, на какое-то мгновение оказались в неудобном положении и не в состоянии им ответить.

С этой точки зрения, всегда полезно придерживаться каких-нибудь непреходящих и вечных ценностей. Как я, например. Меня интересует только красота. А бабки, духовность, рестораны, такси и Бог – это все суета.

За всю свою жизнь я так и не научилась толком различать советских писателей, даже поэтов с прозаиками и тех постоянно путаю. Хотя то тут, то там мне периодически и приходится наткнуться на посвященные им статьи и фильмы, которые в последние годы, я заметила, вновь стали появляться все чаще. Посмотришь такое кино где-нибудь на даче или пройдешь по ссылке в сети и ткнешься носом в чей-нибудь портрет, а после практически сразу вся информация опять улетучивается из головы. По большому счету, они для меня все на одно лицо. За исключением, может быть, Горького и некоторых других, что перекочевали в советскую литературу из дореволюционной России.

Кроме того, чисто инстинктивно я всегда чувствовала, что в этот специфический мир особенно углубляться и не следует, так как, ко всему прочему, это еще и не такое уж и безобидное занятие. Начнешь читать жизнеописание хотя бы одного из его представителей, и тебе действительно может показаться, что он занимался чем-то важным: женился, разводился, помогал ближним в меру возможностей, несколько раз рисковал исключением из СП, квасил в минуты грусти и даже что-то сочинял, какие-то произведения. Игра его была огромна, короче – в такое вполне можно поверить.

Тут все дело, думаю, в искажении пропорций. Подобный эффект, вероятно, возникает, когда смотришь в микроскоп на обитающих в наполненной водой пробирке амёб и инфузорий, о существовании которых ты до этого мгновения даже не подозревала. Каждая из них тоже сразу увеличивается в размерах, барахтается, шевелит лапками, изгибается всем своим тельцем и перемещается в различных направлениях. И если за ними какое-то время наблюдать, то можно втянуться, и открывшееся твоим глазам зрелище становится даже по-своему любопытным. Однако с писателями, в отличие от микроорганизмов, присутствует еще и определенный риск, что и пропорции твоего собственного мира могут тоже незаметно исказиться, и ты, увлекшись наблюдением за ними, сама переместишься в пробирку, где они обитают. И тут вдруг – раз, ее закрывают, и ты навсегда оказываешься отрезанной от реального мира, погрузившись в события, которые совершенно искренне все их участники считают значительными и интересными.

Романы обычно бывают достаточно большими по объему, поэтому с трудом поддаются классификации. Зато стихи постоянно мелькают перед глазами. Даже в эпоху отрывных календарей утро каждого человека начиналось с поэтических строчек про «грозу в начале мая»

или «мороз и солнце». А уж в наши дни, путешествуя по страницам соцсетей, можно познакомиться абсолютно со всеми направлениями поэзии, какие только есть или когда-либо существовали на Земле. Из-за чего я постепенно пришла к выводу, что, несмотря на видимое многообразие, все стихи в основном делятся на два вида: такие, какие мне было бы сочинять стыдно, и те, что мне было бы лень записывать.

Стиль – это человек. В последнее время я все больше склоняюсь к мысли, что тот, кто первым изрек такую сентенцию, очень сильно польстил людям. Стиль – это сверхчеловек, а человек – это отсутствие стиля.

Надо было однажды вернуться из Парижа в Петербург в декабре, чтобы понять, что в это время тут полярная ночь. Раньше я этого не замечала.

Сегодня на Сенной стройный кудрявый юноша цыганской наружности, сверкая золотыми перстнями на тонких пальцах, приклеивал к водосточным трубам розовые объявления, расцветивая ими серые туманные сумерки.

Сначала обесценились слова, а затем и бабки. Гегель оказался прав: сознание определяет бытие. Был, правда, еще и Платон, но тот не врубался в диалектику. Хотя, чисто теоретически, и его взгляды могут подтвердиться. Причем в самом ближайшем будущем.

Надо бы приобрести швейную машинку, что ли? На случай, если тряпки исчезнут из продажи. В школе, помню, я шила себе иногда юбки и блузки, которые выводили из себя мою мамашу. Ей казалось, что все швы у меня перекошены и, вообще, своим видом я пугаю знакомых, хотя мне, наоборот, мои наряды представлялись в высшей степени эффектными. Особенно по сравнению с теми уродскими квадратными платьями, которые она сама мне обычно покупала. Впрочем, если бы она хоть раз когда-нибудь открыла мои книги, то они, наверное, произвели на нее впечатление еще более тяжелое, чем то, что я себе шила. Думаю, она сразу стала бы учить меня писать и приводить в пример различных даунов из числа своих любимых авторов. К счастью, ей до сих пор ни разу не пришлось в голову поинтересоваться моими произведениями.

Короче, опыт кройки и шитья у меня, по крайней мере, имеется. Правда, надо бы сейчас еще и запастись впрок сырьем, которое тоже может улетучиться, и тогда от машинки толку будет ноль. Я даже зашла сегодня в специальный магазин, но там вроде с этим пока проблем нет. И что самое удивительное, народу – ни души. А магазин весь забит различными тканями, которые не только свернуты в расставленные повсюду рулоны, но еще и развешены вдоль стен и свисают с потолка. Глядя на такое изобилие, я невольно поймала себя на мысли, что в этой сфере человеческой деятельности для меня сегодня, пожалуй, гораздо больше неизведанного, чем в той же литературе. Многие названия мне даже пришлось уточнять на ценниках. Чего там только не было! Деревянная негнувшаяся тафта, переливающийся разными красками шифон, шерсть с мохером в мелкую желто-синюю и крупную красно-сине-белую клетку, хлопчатобумажные материи в горошек, в цветочек, в крапинку и т.д. и т.п. Но больше всего мне запомнился итальянский шелк, расписанный райскими птицами в окружении лиловых, голубых, синих, бордовых, золотых и фиолетовых цветов. Если сшить себе из него нечто типа туники, то все обзавидуются. Особенно в условиях дефицита. Все потомки блокадников, а вслед за ними и гости нашего города, по всей видимости, побежали сейчас запасаться жратвой. Зато потом они будут вынуждены ходить в обносках, в том числе в театры и на вернисажи, а я вдруг появлюсь среди них, как сказочная фея, в древнеримском наряде с птицей счастья на спине.

Несколько десятилетий эмигрантские религиозные мыслители вместе с целой армией советологов обличали большевиков. В результате коммунисты теперь стали называть себя православными, а советские люди – русскими. И кому от этого стало легче? Я бы предпочла, чтобы все оставалось на своих местах.

Нечто подобно происходит и в литературе. Из-за специалистов, критикующих современное искусство, даже откровенные дебилы периодически начинают причислять себя чуть ли не к гениям. Лично я не вижу никакого смысла в такого рода обличениях. Пусть каждый считает себя тем, кем ему больше нравится. Это совершенно ничего не меняет.

Кто-то любит детей, к примеру. Или помогает своим ближним и этим гордится. Что тут плохого? Другие люди, по крайней мере, имеют возможность правильно сориентироваться и держаться от таких личностей на расстоянии. Да и детям, может, что-нибудь отломится, такого тоже исключать нельзя. Короче, все довольны, и никто не остается внакладе.

Если наступит голод, то придется есть людей, видимо. Но хорошо ли это? Более того, сама конечная цель всех возможных трудностей заключается именно в том, что граждане, пройдя через все испытания, станут более духовными. Тут может возникнуть некоторая нестыковка, по-моему. Между целью и средствами ее достижения. Вот это меня еще волнует.

А на допросе, когда тебе скажут, что ты агент разведки Гондураса – на это что надо отвечать? Честно говоря, я как-то плохо ко всему этому подготовилась. С детства привыкла думать, что на двадцатом съезде подобные явления уже окончательно осудили. И совершенно расслабилась.

Или же лежишь на диване, смотришь сериал, как грабители в масках подъезжают к банку, и тут вдруг раздается вой сирены, и тебе приходится тащиться в какой-то вонючий подвал с крысами... Кошмар!

Ибо нет ничего явного, что не сделалось бы явным, ни очевидного, что не сделалось бы еще более очевидным, но все равно не обнаружилось бы.

На выставке Бэкона поймала себя на мысли, что у нас с ним есть один общий сквозной персонаж: Римский папа.

Сегодня в Эрмитаже, проходя через экспозицию сюрреалистов и дадаистов, я случайно натолкнулась взглядом на портрет Элюара и уже в который раз убедилась, что никакое экзотическое окружение и романтические факты биографии не способны помочь человеку искусства, если его имя ассоциируется с коммунистами. Да и вообще ничто его уже не спасет – он так навсегда и останется в вечности плоским, чаще всего еще и тупым, но, самое главное, абсолютно бесцветным и пресным, как безвкусная пища или дистиллированная вода, персонажем. Или же ему придется надорваться, как Маяковскому...

Тут я вспомнила про Пазолини и подумала, что одна только гомосексуальность, пожалуй, и способна таких несчастных немного облагородить. Хотя Лорке и она не помогла.

Красота – это уже цель. Написав совершенное стихотворение, поэт обычно откладывает в сторону перо, поскольку он удовлетворен результатом и не испытывает необходимости его продолжать. Уродство же бесформенно и безгранично. В этом и заключается главный секрет его живучести.

В ближайшей истории противостояние двух этих эстетических феноменов, пожалуй, лучше всего можно проследить на примере событий 1917-го года в России. В частности, Ленин никогда ни перед чем не останавливается, он постоянно делает то, чего вполне осознанно не совершают его противники. Для него фактически не существует никаких границ, и только поэтому он и достигает успеха. Исключительно за счет разрушения всех имеющихся на тот момент в России эстетически законченных форм человеческого существования.

Теперь посмотрим на внешность Ленина, его одежду, жену, окружение и т.п. И сравним с генералом Корниловым, например. Или же с русским царем, его семьей. Или даже с выходцем из сибирской деревни Распутиным. Просто чисто визуально, забыв на секунду обо всех идейных разногласиях. Все сразу встает на свои места.

Коммунизм не мог быть построен вовсе не потому, что лежавшая в его основании теория была ошибочна или плохо продумана. Просто его основоположники были недостаточно хороши собой, плохо одевались, были неразборчивы в еде и совсем ничего не понимали в искусстве.

Страх уродства часто подталкивает поэтов и художников совершать неосторожные поступки. У обывателей такое поведение обычно вызывает снисходительную улыбку. Каково же гению наблюдать поведение толпы, у которой ненависть к красоте оказывается сильнее инстинкта самосохранения?! Подобные чувства не так просто выразить словами.

И это, думаю, является одной из причин, почему искусство не сводится исключительно к литературе. Отдельные личности вынуждены брать в руки кисть и краски, а кто-то даже прибегает к помощи роялей, барабанов и прочих специальных инструментов, способных издавать более-менее выразительные громкие звуки и шумы.

Если подумать, то и всего-то надо было заранее угнать пассажирский лайнер, «усыпить» пассажиров, плюс, может быть, ограбить еще пару моргов для количества, распихать всех по холодильникам, сделать им новые документы, переодеть, а потом снова рассадить по местам и в свежевыкрашенном самолете с другими номерами подкинуть в «горячую точку», грозящую разрастись в глобальную катастрофу. И все. Третья мировая война была бы предотвращена. Участники конфликта моментально подписали бы акт о капитуляции и разбежались по домам.

Несмотря на некоторые издержки при осуществлении такого сценария, число жертв в случае возможных ядерных бомбардировок однозначно на несколько порядков превысит пару сотен, вмещающихся на борт одного самолета. Но человечество, увы, всегда крепко задним умом и часто не способно справиться даже с самыми элементарными внештатными ситуациями. На что, интересно, тратятся деньги налогоплательщиков, отчисляемые на содержание спецслужб?

Притом что психология определенного рода личностей не несет в себе абсолютно никаких загадок и тайн, все их поступки, реакции, мотивы поведения предельно банальны и предсказуемы. На бытовом уровне они, как правило, и рта не успевают открыть, а ты уже знаешь все их мысли и слова. Не случайно ведь их обычно и называют «простыми». Уж от их-то действий за столько тысячелетий можно было бы научиться как-то предохраняться.

Житель Тюмени похитил на Дону чужую семью, когда от него ушла жена.

В Париже, наверное, сейчас уже готовятся к Рождеству. Не помню точно, сколько раз я встречала этот праздник во Франции. Забавно, что однажды мой стол был полностью накрыт с помойки при магазине Монопри.

Французов, при всех их недостатках, по крайней мере, есть за что ненавидеть. В отличие от русских, которых можно только любить. Что теперь фактически закреплено еще и законодательно. Хотя это вроде бы и так всем давно стало ясно.

Поэтому меня не удивляет, что книгу под названием «Путешествие на край ночи» написал именно француз. А вот назвать свой роман «Тошнота» мог только сверхчувствительный Сартр. Настоящая «Тошнота» должна была появиться в России.

Принято считать, что обыватели совсем не понимают прекрасное. Однако, по моим наблюдениям, это далеко не так. Достаточно посмотреть на одежду хотя бы. Стоит только какой-нибудь юбке или любой другой тряпке выйти из моды, как практически все домохозяйки, дачники и пенсионеры натягивают ее на себя. При этом по форме вещь остается совершенно такой же, как и год назад, когда ее носили так называемые эстеты. То же можно сказать и про прически, туфли, очки и прочие атрибуты туалета. Разве это не свидетельствует, что те, о ком отдельные высокомерные снобы привыкли пренебрежительно отзываться, ценят и любят красоту ничуть не меньше их?

Нечто похожее происходит и с юмором. Личности, привыкшие относиться свысока к окружающим, обычно просто забывают проследить судьбу разного рода шуток и анекдотов, на которые в момент их появления некоторые из их собеседников совершенно не реагировали. Возьмем, к примеру, того же Жириновского: одни сегодня полностью утратили интерес к экстравагантному российскому депутату, другие же, наоборот, только сейчас стали заливаться радостным смехом, слушая его выступления. При этом сам Жириновский со времени своего первого появления на публике абсолютно не изменился. Однако те, для кого он сейчас перестал быть смешным, почему-то по-прежнему совершенно искренне убеждены в тупости людей, не реагировавших на аналогичные высказывания и поступки этого политика много лет назад. Удивительно, но факт.

По этой причине я, например, склонна не доверять недоуменным, а то и возмущенным откликам на свои книги, на которые мне постоянно приходится наткаться. Мне почему-то кажется, что точно те же люди или же, по крайней мере, идентичные им по внешнему виду и общему стилю мышления через какое-то время – не знаю пока какое – тоже начнут ими восторгаться. А сейчас они просто специально выдерживают паузу. И это значит, что они не только не отстают в развитии от личностей, восхищающихся моими произведениями сегодня, а по-своему, возможно, даже их умнее.

Слово «бог», в сущности, мне совсем не мешает. Я бы и сама, наверное, могла его использовать в качестве погребушки, если бы любила детей. Просто чтобы они не так громко кричали. Но я предпочитаю держаться от них подальше.

Помню, несколько лет назад я решила избавиться от части своей антикварной мебели, которая стала меня раздражать своей чрезмерной громоздкостью. Явившийся ко мне оценщик сразу обратил внимание на круглый стол из красного дерева, несмотря на его не слишком презентабельный вид. И еще на буфет, носивший на себе отпечаток эпохи модерн. В ходе беседы выяснилось, что если бы у меня имелось что-то в «русском стиле», сделанное неким неизвестным мне мастером по фамилии типа Бубликов, то такой предмет обстановки стоил бы где-то порядка ста двадцати-ста пятидесяти тысяч. Короче говоря, не за такие деньги, конечно, но все, что я наметила, мне удалось тогда продать. Забавно, что оценщик, блеснувший столь уникальными познаниями в области столярного ремесла, вовсе не производил впечатления искусствоведа с высшим образованием, а своей одеждой и красной физиономией скорее напоминал сантехника или же в меру пьющего пролетария, какие когда-то постоянно кучковались у пивного ларька. Более того, тут же, связавшись по мобильнику со своими поделщиками, он и сам присоединился к ним в качестве грузчика, взгромоздив на себя часть моих стульев. И я бы не удивилась, если бы и приехавшие по его звонку личности, которые внешне выглядели даже более интеллигентно, чем он, тоже параллельно выполняли в этом магазине роль товароведов и вызывали по телефону в аналогичной ситуации уже его для погрузки приглянувшегося им шкафа или бюро...

Это я к тому, что в последнее время я окончательно перестала понимать, что движет многочисленными критиками, когда они пишут отклики на вышедшие из печати книги. Такое впечатление, что они не понимают в литературе просто вообще ничего. В том числе и на самом элементарном обывательском уровне, как это обычно происходит, если ты вдруг захочешь продать мебель или какое-нибудь имеющееся у тебя золотое украшение. И такое стало возможно, я думаю, вовсе не из-за нехватки у них образования или же способностей, а исключительно потому, что все они получают за свои статьи заранее оговоренную с работодателем сумму, которая фактически никак не связана с реальной ценностью или хотя бы рыночной стоимостью описываемого ими объекта.

В этом отношении авторов рецензий сегодня можно сравнить разве что со священнослужителями, которые тоже абсолютно ни перед кем и никак не отвечают за свои суждения и оценки происходящих вокруг событий, и поэтому постоянно мешаются у всех под ногами, всюду встречаются, но не вносят в жизнь окружающих их людей ничего, кроме дополнительной путаницы.

Современная философия больше всего напоминает мне масштабный фильм о вселенской катастрофе. Однажды я уже использовала этот образ, но ничего другого мне до сих пор так и не пришло в голову. Видимо, потому что именно так все примерно обычно и происходит. Смотришь широкоэкрannую картину о гибели того же «Титаника», допустим. Гигантское судно погружается в пучину океана, жалкие людишки, подобно муравьям, мечутся по палубе – камера дает зрителям впечатляющую панораму с высоты птичьего полета... И вдруг где-то в самом уголке экрана ты натыкаешься взглядом на обычную спичку, нечаянно попавшую в кадр, которую создатели фильма либо не заметили, либо просто сочли настолько незначительной, что даже не стали ради нее перемонтировать уже готовое кино. И напрасно. Потому что этого мгновения оказывается вполне достаточно, чтобы понять, что все эти грандиозные пугающие сцены, на самом деле, снимались в ванне с игрушечным пластмассовым корабликом. После чего ты с некоторой досадой ловишь себя на мысли, что буквально секунду назад волновавшее тебя зрелище полностью утрачивает для тебя всякий интерес, и ты уже ничего и никогда не сможешь с этим поделать.

Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, кто-то из древнегреческих мыслителей считал, что в основе окружающего мира лежат разные стихии типа воды и огня. При этом у него получалось, что вода сильнее огня, в то время как пламя пожирает дерево и т.п. Даже если это был и не грек, то все равно подобный стиль мышления, мне кажется, соответствует тому времени и уровню развития живущих тогда людей. Гомер, к примеру, точно был древним греком. Если поискать, то, наверняка, можно обнаружить и других писателей-сказочников. Так вот, я думаю, что главная проблема философии Древней Греции заключается в том, что в силу общей технической отсталости этой страны, ее граждане еще не имели возможности снимать и смотреть кино. Иначе кто-то из местных жителей уже тогда мог бы додуматься, что всего лишь одна спичка вполне способна победить целый океан воды. А поскольку огонь сжигает дерево, то, следуя законам элементарной логики, он при определенных обстоятельствах может оказаться сильнее воды. Дерево в виде спички побеждает воду, а огонь сжигает спичку... Да даже и логика не нужна. Возьмем лед, например. Огонь запросто его растопит. Выходит, что огонь сильнее замороженной воды.

Я редко обращаю внимание на сны. Зато сразу после пробуждения в голову мне порой приходят самые неожиданные мысли, иногда даже более странные и дикие, чем сновидения. Сегодня утром я почему-то некоторое время пыталась вспомнить содержание книги писателя Фадеева «Разгром», но в памяти так ничего толком и не всплыло: ни имен, ни событий, ни сюжета. Хотя я вроде бы ее и читала, а, может, и нет. Не помню даже, входило ли это произведение в школьную программу, или же его только там упоминали в качестве внеклассного чтения. Какой-то мир неясных бликов и ускользающих теней. По этой причине я сегодня даже не могу сказать, плохим или хорошим писателем был Фадеев. Как говорится, на нет и суда нет.

И этим он существенно отличается от автора романа «Как закалялась сталь», в частности, который взял для своей книги чрезвычайно яркое и выразительное название. Я даже думаю, что пройдут века, контекст, в котором создавалась эта книга, забудется, а сама ее идея останется. Тем более жалко, что Островский породил, в сущности, точно такую же невнятную кашу из слов, как и создатель «Разгрома». Имя главного героя я сейчас, разумеется, прекрасно помню. Все же про него столько лет все вокруг долбили, но как он выглядел, что говорил, думал, я тоже фактически полностью уже забыла. Как и имена остальных персонажей, за исключением некой Риты, с которой Павка Корчагин ехал в поезде, по-моему. И это обидно.

Поэтому меня удивляет, что автор романа «Как закалялась сталь», который жил в достаточно напряженное время, когда многие куда более ответственные творческие личности подвергались нападкам, гонениям и суровым наказаниям, спокойно умер от болезни, то есть естественной смертью и в более-менее комфортных условиях. Возможно, впрочем, что в правительстве тогда решили: раз человек страдает серьезным недугом, лишился зрения, не в состоянии самостоятельно передвигаться, то и ладно, он все равно скоро отбросит коньки. Но я бы на их месте все же вытащила его из постели и подвесила за ноги где-нибудь на Красной площади, например. Пусть бы там немного поболтался на ветру. В назидание потомкам, так сказать.

Итоги года – прекрасный повод всех обосрать и полить дерьмом. Режиссеры ни фи́га не сняли, писатели не написали, а я все никак не могу собраться с мыслями и чего-то торможу. Между тем, в следующем году интернет перекроют, и другой такой возможности может и не быть. Хотя у меня еще и книги выходят, но чтобы так подгадать и издать нечто особенно приятное для читателей непосредственно к празднику – это все же сложновато. Слишком много не зависящих от тебя обстоятельств: наборщик уйдет в запой или в типографии станок сломается, – всего не предусмотреть.

У жителей России, правда, имеется в запасе еще и Старый Новый год. А если к нему кто не успеет, то можно еще подкопить впечатлений и выложить все, что наболело, на двадцать третье февраля, а там, глядишь, и Международный женский день не за горами, если что еще в запасе останется. Жаль только, что нет до сих пор столь же торжественного Международного детского дня – эти представители населения планеты, как и их мамы, однозначно заслуживают сейчас особых почестей. Я бы тогда на Новый год, наверное, силы и вовсе не стала тратить, а полностью сосредоточилась на них.

Жаль, что никто еще не подсчитал, бытию скольких более-менее высокоорганизованных человеческих существ современные технические изобретения придали хоть какой-то смысл и, таким образом, возможно, продлили им жизнь. В девятнадцатом веке Обломов был практически обречен на тихое угасание на пыльном диване, в замкнутом пространстве своих заброшенных апартаментов. А в наши дни он мог бы завести себе айфон и вывешивать в инстаграм снимки падающего у него за окном снега, пробегающих мимо котиков, расцветающих в клумбе напротив цветов и сияющих в небесах звезд, получая в ответ некоторое количество ободряющих сигналов от абсолютно не знакомых ему и поэтому не таких утомительных, как в реальности, людей. Твиттер же и вовсе мог бы дать миру в его лице нового Басё, изложившего в паре сотен коротких предложений неповторимые по выразительности и глубине размышления о бренности человеческого существования.

Среднестатистический блоггер наших дней ничем не отличается от подавляющего большинства известных писателей, на публикацию книг которых до сих пор зачем-то переводятся тонны бумаги. Мало того, даже беглого знакомства с мемуарами разного рода выдающихся политиков, военных и деятелей культуры достаточно, чтобы понять, что самая насыщенная событиями и впечатлениями человеческая жизнь по степени занимательности уже сейчас во многом уступает относительно продвинутой компьютерной игре, не говоря уже о сериалах... И тем не менее, значительная часть народонаселения Земли до сих пор с удивительным упорством не желает признать очевидного и продолжает выступать практически против любых достижений прогресса.

Возьмем хотя бы интернет. Плохо одеваться, питаться дерьмом, ни в чем не разбираться, ничего толком не уметь, не знать, изрекать одни банальности, быть бесформенными уродами, дурно пахнуть, говорить гнусным голосом и при этом предлагать взамен бестелесных контактов в сети – пусть, в основном, и с такими же, но, по крайней мере, находящимися от тебя на расстоянии личностями – радость живого человеческого общения с собой. Разве это не пример утонченнейшего садизма, причем, в первую очередь, характерного именно для тех, кто в силу своей тупости искренне верит, будто ими движет исключительно человеколюбие и забота о ближних?

Важно, чтобы у каждого человека в жизни была какая-то конкретная цель, иначе его присутствие в этом мире лишается всякого смысла. Писатель пишет, чтобы достичь известности, которую можно измерить тиражами книг, рейтингами и другими более-менее объективными показателями. Поэтому такое количество людей на Земле и тянутся к литературе, хотя само это занятие не особенно пропагандируется государством, которому выгоднее, чтобы его подданные шли работать дворниками, на фабрики, в сельское хозяйство и другие места, где ощущается нехватка кадров. И неважно, имеет ли популярность писателя хоть какое-то значение с точки зрения так называемых

вечных ценностей. Люди с упоением занимаются куда более абсурдными вещами – прыгают в высоту, толкают металлические круглые шары, ныряют в воду и соревнуются в беге на различные дистанции – и все потому, что их результаты строго оценивают специальные жюри и измеряются точными приборами. Им просто интересно всем этим заниматься, а зачем – не так уж для них и значимо. А вот религия, наоборот, обычно всячески навязывается населению, но все равно ни у кого особым спросом не пользуется. И все потому, что там в качестве награды за хорошую работу и правильное поведение гражданам предлагается попадание в крайне туманный и лишенный каких-либо осязаемых форм рай, к тому же, еще и располагающийся в некоем загробном мире, о существовании которого никому ничего толком не известно.

Поэтому я бы на месте церковных деятелей все-таки добавила в свое учение хотя бы немного конкретики. По крайней мере, в качестве конечной цели бытия, сделала бы так, чтобы результаты жизни каждого человека могли объективно оценить окружающие. Тогда все станет гораздо увлекательнее.

И первое, что мне приходит в голову, уже и так в зачаточном состоянии в отдельных религиях присутствует. Я имею в виду то, что отчасти уже было описано в романе Достоевского «Братья Карамазовы», когда старик по имени Зосима окочился, а его трупешник начал гнить и издавать неприятный запах. Несмотря на то что первоначально предполагалось, что такого произойти не должно. Не помню уже точно, но, по-моему, этот тип намылился в православные святые, чьи останки обычно высушивают и выставляют на всеобщее обозрение. Для чего необходимо, чтобы покойник хотя бы некоторое время сохранял товарный вид. То есть люди уже давно заметили, что мертвецы разлагаются с разной скоростью. Причем это как-то связано с образом жизни каждого человека.

Так почему бы не сделать этот феномен универсальным и не распространить его на все население планеты, вне зависимости от личных взглядов и убеждений его отдельных представителей?! Пусть каждый индивид знает: чем бы он ни занимался, он еще параллельно является участником глобального соревнования, своего рода чемпионата мира, где победителем становится тот, чье тело после смерти дольше других пролежит в морге и не начнет гнить и испускать зловоние. Результаты будут отслеживаться специальными медкомиссиями и тщательно заноситься в протокол. Тогда в жизни множества людей сразу же появится дополнительная цель, и их существование станет гораздо осмысленнее и интереснее. Помимо всеобщего чемпионата можно параллельно проводить нескончаемые первенства отдельных континентов, стран, городов, сел, районов и даже многоквартирных домов.

Отныне любой самый последний отщепенец, изнасиловавший кучу детишек и замочивший десятки баб, сможет сохранить надежду на успех и известность непосредственно после смерти, если его тело после казни на электрическом стуле, к примеру, пролежит в сохранности дольше, чем тела других смертников. Он даже вполне может стать чемпионом тюрьмы. Да даже и всего мира – почему нет? Если ему как-то удастся изловчиться и превзойти всех остальных по этому показателю. И тогда его родственники и друзья снова станут им гордиться. Более того, они получат крупную денежную премию, золотую медаль и грамоту, которую смогут повесить на стену и показывать своим гостям. А ему самому воздвигнут на могиле прекраснейший памятник, соорудить который поручат лучшим дизайнерам и скульпторам мира.

Помимо надежды и веры в будущее такая цель позволит множеству людей, чьи головы в настоящий момент абсолютно пусты, наполнить их более-менее осмысленным содержанием. Что, в свою очередь, приведет к серьезному упорядочиванию их быта, избавив их близких от пьяных скандалов, драк и других неприятностей. Поскольку задача сохраниться после смерти дольше других вовсе не выглядит столь уж легко выполнимой. Если уж на что-то всерьез претендовать, то к этому тоже надо заранее серьезнейшим образом готовиться и постоянно тренироваться, если так можно выразиться: просыпаясь по утрам, представлять себя в морозильной камере, в гробике, в белых тапочках, с венком на голове, может быть, еще питаться особым образом, делать дыхательную гимнастику, чтобы поддерживать свое тело в определенном тоне. То есть пребывать примерно в таком же состоянии, как математик, погруженный в доказательство сложнейшей теоремы, или же писатель, обдумывающий план гениального романа. Естественно, что все это не может не оказать влияние на состояние культуры и общий образ мыслей человечества. Но главное, как я уже сказала, жизнь людей станет намного увлекательнее.

Слово «русский», я заметила, постепенно приобретает все более отталкивающее значение. Я думаю, что этот процесс является результатом инстинктивной реакции определенного типа людей на угрозу возможного голода и связанного с ним возрождения каннибализма. То есть отдельные личности бессознательно стремятся заранее стать настолько малопривлекательными и гнусными, чтобы другие их сограждане даже в состоянии крайнего истощения не могли себя пересилить и их сожрать.

Забавно, что столь очевидная связь человеческих существ с животным миром, вовсе не делает их хоть сколько-нибудь интересными и загадочными. Звери и птицы тоже часто бывают надоедливыми и утомительными. Поэтому я уже давно предпочитаю им холодную красоту техники и неорганической природы.

Писатели, в частности, формируются практически, как изумруды, сапфиры, алмазы и другие драгоценные или же обычные камни. Исключительно под воздействием холода, жары, воды, вулканических извержений, атмосферного давления и прочих явлений окружающей среды, характерных для определенной местности. И оценивать их, в принципе, можно примерно так же.

Все это, конечно, метафора. Но, в любом случае, гений тверд и не поддается дрессировке.

Сегодня днем возле кассы Дома кино двое молодых людей тщательно изучали на стенах афиши с анонсами фильмов. Оба достаточно высокие, в коротких пальто, без головных уборов, с напомаженными волосами и не уроды, в общем-то. Я как раз на минуту зашла погреться, так как у меня там перед входом была назначена встреча. Было видно, что им явно нечем заняться в затянувшиеся праздники, и они не знают, как убить время до вечера. Потом я опять вышла на улицу, а вскоре вслед за мной появились и они. Ни один из фильмов, видимо, их так и не устроил. «Картошка хорошая есть», – неожиданно произнес тот, что шел чуть впереди. «Что, зая?» – переспросил его другой. «Картошка довольно хорошая есть», – снова сказал первый, решительно устремившись в направлении Невского и увлекая за собой своего спутника.

Пафос - это просто шум. В принципе, если относиться к литературе, как к музыке, то его даже можно в таком качестве использовать. В смысле, чтобы придать стихотворению немного авангардное звучание в духе Штокгаузена, например. А так, даже не знаю, зачем он еще нужен.

С этой точки зрения, религия, политика, разного рода телешоу – это хуже, чем литейные цеха. Всем, кто там задействован, я бы платила за вредность. Где-то к годам сорока, по моим наблюдениям, эти несчастные вообще перестают что-либо слышать.

Не знаю, кто первым изрек, будто между безумием и нормальностью нет никакой разницы, но такое мог сказать только человек с полностью атрофированным эстетическим чувством.

Сумасшествие уродливо. А так, действительно, разницы особой нет.

Это вовсе не значит, что я полностью отрицаю гуманизм. Сострадать сумасшедшим можно, однако восхищаться ими не получится, даже если очень захотеть.

Нет лучшего способа почувствовать свою оторванность от народа, чем вслушаться в звучание родной речи. Вот слово «герой» до сих пор почему-то не стало ругательным и даже не приобрело пренебрежительного оттенка, как это произошло в случае с «интеллигенцией», к примеру. Более того, отдельные личности чуть ли не гордятся, когда их так называют.

Возможно, тут дело в том, что у этого слова есть еще ряд применений, и его используют также, когда говорят о персонажах фильмов и романов. Нечто похожее иногда происходит с людьми. Тот или иной человек может быть посредственным писателем, но параллельно засветиться с положительной стороны в какой-либо иной сфере: слыть хорошим врачом, инженером или даже просто заботиться о своей семье. И эти качества делают его облик привлекательным для определенной группы людей. Хотя лично мне доводы, что автор плохих книг

любит детей или свою жену, никогда не представлялись особо убедительными. Книги обычно все перевешивают.

Так и слово «герой» кажется мне откровенно издевательским. Однако триллеры и сериалы, видимо, основательно сбивают с толку толпу.

Заметила, что личности, демонстрирующие непонимание элементарных вещей, чаще других берутся за рассуждения на сложные и крайне запутанные темы. Им это, судя по всему, просто жизненно необходимо, чтобы скрыть свою глупость. Тем же философам, например.

То есть они, ко всему прочему, еще и не врубаются, что ум, в отличие от глупости, глубоко антиэстетичен.

В слове «чернуха», к сожалению, до сих пор сохранился негативный оценочный оттенок. Хотя я считаю, что его уже давно следует использовать просто для обозначения определенного жанра, сложившегося в искусстве с момента его первого употребления. Если говорить о кино, то это, прежде всего, фильмы, основанные не на личном опыте их создателей, а снятые, главным образом, под впечатлением от материалов газет и других СМИ. То же можно сказать и о литературе. То есть произведения в таком жанре обычно отражают наиболее актуальные для некоторого временного отрезка темы и проблемы, активно обсуждаемые журналистами, политиками, читателями газет и телезрителями. К последним теперь присоединились еще и пользователи социальных сетей. И по этой причине они, как правило, бывают крайне приблизительны и даже откровенно условны в обрисовке характеров персонажей, их манеры говорить, одеваться и прочих бытовых деталей. Но все это и не является их целью, так как они запечатлевают исключительно, если так можно выразиться, «метафизику момента» жизни граждан той или иной страны.

С этой точки зрения фильм «Левиафан», к примеру, можно назвать практически совершенным произведением, созданным в данном жанре. И в таком качестве он может даже служить образцом для подражания режиссерам будущего, решившим продолжить традицию, восходящую к «Маленькой Вере», «Интердевочке» и другим шедеврам отечественного кинематографа, ставшим настоящими символами своего времени.

Что касается, зарубежных аналогов, то по степени условности, работе гримеров, художника по костюмам и т.п., мне прежде всего в голову приходит разве что знаменитая дилогия Кокто об Орфее с Жаном Маре в главной роли. Но это только, если говорить о чисто формальных приемах, отказе от грубого реализма и стремлении сосредоточиться исключительно на метафизическом аспекте человеческого бытия. Содержательно перечисленные выше фильмы, конечно же, от картин своего французского предшественника-декадента существенно отличаются.

В детстве я много раз слышала рассказ про то, как жандарм, обращаясь к молодому Ильичу, предостерегает его: «Что вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стена». На что тот ему ответил: «Стена, да гнилая: ткни и развалится».

Боюсь, что эту поучительную историю сегодня уже изъяли из школьных учебников. И зря. Поскольку детям, особенно в России, было бы полезно с ранних лет прививать мысль, что далеко не все слова совсем ничего не значат. Одно дело – «бог», «духовность», «классовая борьба», «геополитика», «постмодернизм» и т. п., которые существуют исключительно в книгах и чьих-то головах, и совсем другое – «стена», обозначающее нечто вполне реальное, такое, что даже можно потрогать руками.

Возьмем хотя бы ситуацию с деятелями русской культуры, которых Ленин посадил на пароход и отправил за границу. Пусть они и писали в своих сочинениях такую же чепуху, как и он сам. Он вполне мог бы излагать и нечто более правильное и истинное... Но это все не имеет особого значения. Куда важнее, что личности, от которых Ленин решил избавиться, превосходили его не только в умственном развитии, но и во всех других отношениях, в том числе и внешне, то есть были более полноценными человеческими особями. Поэтому в их лице Ленин выступил вовсе не против каких-то конкретных людей или там социальной прослойки в виде интеллигенции, а исключительно против природы. И в результате все его начинания закончились полным крахом, а

жандарм, предостерегавший его от подобных опрометчивых поступков, в конечном счете, оказался прав.

Прочитала сейчас, что в декабре, по-моему, на мероприятии, где обсуждались вопросы половой дискриминации, президент Турции Эрдоган заявил, что женщина не может и никогда не будет равна мужчине, так как биологические различия между полами не позволяют им выполнять одни и те же функции. Поэтому ставить мужчин и женщин в равное положение — это идти против природы...

Не знаю почему, но больше всего турецкий президент напомнил мне чиновника городской администрации на открытии выставки современного искусства, который, окинув взглядом развешанные вокруг картины, объявляет, как бы ему хотелось, чтобы художники создавали побольше радующих глаз полотен, какие приятно повесить дома на стену. Короче, простота — она и в Турции простота.

Выпивший житель Забайкалья, украв рясу священника, вошел в роль пастыря.

Купила вчера в Буквоеде целых три календаря с православными святыми. Чисто для прикола, чтобы подарить своим парижским знакомым. Все-таки для них это экзотика. Когда платила, две девки за стойкой многозначительно переглянулись, и лица у них прямо все перекошились. Мне же ничего не оставалось, как сделать постную физиономию и следовать образу исполненной благостных чувств идиотки. Надо было, наверное, еще им сказать что-нибудь типа: «По делам нашим всем воздастся!»,- или же еще какую-нибудь гадость. Или даже прочитать небольшую проповедь. Тогда бы у них, точно, настроение до конца дня было испорчено. Кто знает, когда в следующий раз мне представится столь удобный случай!

А ходить специально по магазинам и выкладывать бабки за календари и иконки ради таких вот маленьких удовольствий — тут никаких денег не напасешься.

Общество плохого спектакля.

Фет, Анненский, Апухтин, Северянин, Лермонтов, Кузмин... А из прозаиков только Гоголь, наверное. И это все, кого из русских писателей сегодня хотя бы иногда можно перечитывать. А ведь и двух столетий толком еще не прошло с момента смерти большинства из них. Выходит, что поэзия — менее скоропортящийся продукт. Думаю, потому что она далека от журналистики и всякого рода сиюминутных тем.

С другой стороны, поэт может писать о Луне и звездах, однако научные представления о них тоже меняются, а вместе с ними устаревают и стихи. То есть автору совсем не легко угадать в окружающем мире некую вечную константу, чтобы не выглядеть в глазах потомков наивным дурачком. Некоторые долбят о смерти и скоротечности жизни, но, похоже, уже в недалеком будущем ученые начнут клонировать органы, и люди станут жить по тысяче лет. В результате, жизнь так всем остоебенит, что большинству людей об избавлении от нее останется только мечтать. Так что лирика типа «я не буду больше молодым» и «я люблю тебя, жизнь» окажется окончательно невостребованной. Многие и сейчас-то, не дожив до пенсии, утрачивают к ней всякий интерес.

Короче говоря, стать гением и запечатлеться в вечности далеко не столь просто, как многие почему-то думают. Мне кажется, чтобы не ошибиться, лучше всего писать о человеческом идиотизме. Ничего другого мне как-то в голову не приходит. Только тогда у писателя есть шанс задержаться в веках. Потому что люди и через тысячу лет останутся точно такими же дебилами, как сейчас. В этом я практически не сомневаюсь.

«Преодолеть кризис России поможет опора на духовность...» Новости с утра обнадеживают. А то я вчера в плохом настроении заснула.

Как я ни старалась, но так и не смогла до сих пор обнаружить в религии ничего, кроме стремления мужиков покомфортнее устроиться в этом мире за счет женщин. И не только в этом, впрочем. В раю мусульман, к примеру, тоже должны будут ублажать десятки девственниц.

Ничего удивительно. Духовность легка и прозрачна, как воздух. Сквозь нее животная природа человека становится видна особенно отчетливо.

Наверное, я все-таки постмодернистка. Конечной истины не существует, а есть только множество мнений об окружающей действительности. Совершенно с этим согласна.

Я тоже считаю, что каждый человек просто высказывает свою точку зрения по тому или иному вопросу. И все. Спорить с кем-либо и выяснять, кто прав, бесполезно. Того, чьи взгляды не совпадают с твоими, можно сразу мочить.

Пока летела сегодня в Цюрих, представила, что писателю, наверное, лучше всего было бы жить в стране, где вообще никто русского не знает. Где-нибудь в Исландии, к примеру, или еще дальше. Главное, чтобы в полной изоляции от соотечественников и русскоговорящих, включая славистов. Тогда можно всех вокруг спокойно поливать грязью, писать любые гадости про знакомых, соседей и коллег по работе, собирать про них всякие сплетни и порочащие сведения, и даже от себя прибавлять кое-что для большей выразительности, фантазировать и ни в чем себя не ограничивать. А потом публиковать свои произведения у себя на родине, где тобой будут все восхищаться. В результате, в скором времени и до местности, где ты поселилась, начнут доходить слухи, как ты популярна в своей стране, где тебя награждают премиями и осыпают восторженными комплиментами. Ясно, что и твои новые сограждане тоже начнут гордиться тем, какая рядом с ними живет знаменитая романистка и высокодуховная личность. Притом что книг твоих, естественно, никто из них читать не сможет. Может быть, тебе там даже дадут какую-нибудь стипендию, сделают почетной гражданкой, выделят дополнительную жилплощадь или подарят автомобиль...

Но самое главное, тебе станет гораздо приятнее общаться с окружающими людьми. И не только потому, что они будут перед тобой лебезить и заискивать как перед гением и звездой литературы. Куда важнее, что каждый из них будет основательно смешан тобой с дерьмом. И ты об этом знаешь, а они – нет. Таким образом, где бы ты ни находилась, с кем бы ни встречалась, в любых твоих начинаниях и самых обыденных и рутинных занятиях, вроде посещения магазина и парикмахера, появится дополнительный смысл. Что сделает твою повседневную жизнь намного увлекательнее и веселее.

Вчера пошла прогуляться по окрестностям Цюриха, и в лесу до меня доебался какой-то тип, внешне похожий на цыгана. Темный, с крючковатым носом, характерной наружности, короче. Здесь таких называют «югами», по-моему. В форме охранника, со связкой ключей на поясе и в окружении целой своры собак разных пород. Я спокойно шла по дорожке, а он сперва меня обогнал, а потом вдруг обернулся и закаркал по-немецки: «Фотографирун, фотографирун!». В первый момент я подумала, что случайно забрела на стратегический охраняемый объект. Здесь, конечно, не Россия, но мало ли. Однако потом из его обрывочных фраз до меня дошло, что он решил, будто я снимаю фильм, в котором он не желает участвовать, и поэтому мне предварительно следовало спросить у него разрешения. Бред, конечно. Меня интересовали исключительно заснеженные пейзажи, а он мне на фиг не сдался. О чем я ему, естественно, и сообщила. Возможно, он просто таким способом хотел срубить с меня бабла, определив наметанным глазом, что я не местная. Здесь же, наверняка, как в деревне, все друг друга знают. Если и не во всем городе, то, по крайней мере, жители ближайшего жилого массива. Однако, услышав, что я говорю

по-французски и совершенно его не испугалась и даже не остановилась, а, наоборот, стала агрессивно к нему приближаться, он как-то сразу весь сник и мгновенно ретировался, пролепетав на ломаном французском что-то типа: «Экскузе муа, экскузе муа...». Правда, тоже не особенно приветливо и с явным раздражением.

А я на прощание его, действительно, сняла, раз уж он обратил на себя мое внимание. Пусть останется на память. Вся моя жизнь, в сущности, представляет собой нечто вроде съемки бесконечного фильма из жизни разного рода дегенератов. Тут он не ошибся. Однако, ни один из них за свое участие в этом кино еще ни разу не получил от меня гонорар.

Видела тут еще на остановке у вокзала Альтштеттен странного типа в обвисших на коленях трениках: круглый, как шар, с огромной черной сумкой на плече, и вместо головы у него тоже был шар, так как она целиком была замотана то ли платком, то ли шарфом, даже щелочки для глаз, по моему, отсутствовали. А поскольку он шел прямо на меня – точнее, стремительно катился – и задел меня плечом, то я его хорошо разглядела. Настоящий колобок, только весь черный.

Обитающие в другой Галактике разумные существа, мне кажется, примерно так и выглядят. Конечности у них отсутствуют, и они, подобно мячам, перекатываются по поверхности обжитой ими планеты. Продукты им не нужны, поскольку они полностью состоят из головы с мозговой начинкой и питаются только информацией, почерпнутой из книг, газет и телевизора. Что и позволило им выжить в каменистой среде при совершенном отсутствии влаги и растительности. Самые крупные по размеру сферы представляют собой вершину местной эволюции, чуть поменьше – аналог обезьян, из которых интерес к литературе и философии когда-то сделал там подобие человека, а совсем мелкие шарики – что-то типа бабочек и стрекоз. Но все они, включая клопов, тараканов и блох, поддерживают себя в тонусе бесплотными звуками арф, живописными полотнами, словами и цифрами, то есть ведут исключительно духовное существование.

По этой причине, думаю, русским людям будет проще всего найти с ними общий язык, если вдруг их представители прилетят на Землю.

Проходила вчера вечером по Лангштрассе, где, говорят, собираются здешние проститутки. Но никого почему-то не обнаружила. Если не считать нескольких жутких девиц в обтягивающих белых лосинах с фингалами на физиономиях. И то, по моему, они были просто жительницами этого района, который своей грязью и обшарпанными стенами больше всего напомнил мне Барбес в Париже. Может, здесь проститутки маскируются? Правда, было уже довольно темно. Или же от меня подобные явления скрываются. Как от лейтенанта Себлона, который тоже никак не мог разглядеть, что происходит за дверью борделя «Феерия»...

Зато в темноте вдоль озера гуляют какие-то подозрительные одинокие личности в шляпах и длинных плащах. Что на фоне призрачных гор и издалека совсем неплохо смотрится, даже если стоишь на засыпанном мусором тротуаре рядом с помойным бочком. Надо это признать. То есть свои положительные моменты в Швейцарии все-таки имеются. И к ним однозначно можно отнести красивые пейзажи вокруг, на какие бы уродские сооружения и скульптуры ты ни натыкался внутри того или иного населенного пункта. Здешние виды все облагораживают.

Мне кажется, что страны, благодаря специфике своего ландшафта и, особенно, потребляемым в той или иной местности продуктам питания, оказывают существенное влияние на мозг людей, включая и представителей других этносов, которые очутились на их территории не сразу, а в силу каких-нибудь исторических катаклизмов и пертурбаций.

В связи с чем, мне интересно: что произошло с немцами после того, как они стали швейцарцами. Они еще больше оступели или же наоборот? Пока я так и не смогла этого толком определить. Все-таки я нахожусь здесь слишком недолго. Если бы я была ученой, то, пожалуй, посвятила бы данной теме свою диссертацию и попросила грант у швейцарского правительства. Можно было бы приехать на более длительный срок и провести наблюдения. И даже поставить ряд экспериментов на сообразительность. Позадавать случайным прохожим на улицах разные вопросы, по крайней мере. «Доерна поезд идет 1 час 20, а обратно – 80 минут. В какую сторону

добираться быстрее?» Сделать достоверную выборку, чтобы все выглядело убедительно и объективно.

Бельгийцы, к примеру, среди французов имеют репутацию типа наших «чукчей»: про них тоже сочиняют анекдоты и т.п. Однако со стороны, если ты не в курсе, то так сразу об этом и не догадаешься. Как-никак, Бельгия дала миру Верхарна, Сименона, Бреля и даже Магрита, по моему. То есть в подобных дополнительных исследованиях имеется вполне реальная необходимость. Чтобы туристы могли лучше сориентироваться, когда им придется столкнуться с особенностями местного менталитета не в музее или же библиотеке, а напрямую.

Явные идиоты мало чем отличаются от тех, кого принято считать умными. При близком знакомстве и те и другие обычно оказываются гораздо глупее, чем выглядят со стороны.

С этой точки зрения, откровенная глупость даже опаснее ума. Объяснить кому-либо, чего на самом деле следует опасаться, когда имеешь дело с теми, чей дебилизм и так для всех очевиден, практически невозможно.

Долго думала на днях, на какое кладбище мне поехать: где похоронен Томас Манн, или же туда, где – Джойс? После некоторых колебаний выбрала Джойса. Все же Джойс был не совсем чужд декаданса, а Манн – это почти Лев Толстой, его книгами были заставлены все полки советских библиотек. К тому же, где-то неподалеку от Джойса должна была быть еще и могила Элиаса Канетти. В качестве бонуса, так сказать. Вот если бы мне пришлось выбирать между Манном и Канетти, то я бы, наверное, предпочла Манна. Просто Канетти – это уж совсем какой-то мутный тип...

Пока стояла утром на остановке, на скамейке дряхлый старикан в металлических очках и клетчатой кепке клеился к темнокожей жуткой бабе в парике, очень похожей на проститутку. Баба громко хохотала и хриплым голосом периодически выкрикивала: «Найн! Найн!» Насколько я поняла, несколько раз в их разговоре прозвучала цифра двадцать. Старик все старался придвинуться к ней поближе, но она сразу отодвигалась. Правда, в какой-то момент она все же позволила ему поцеловать себя в свою изборожденную морщинами и замазанную тональным кремом обезьянью физиономию. Тут подошел трамвай, и старик залез в него вслед за мной. Похоже, они так и не договорились.

Эта сцена настолько отвлекла мое внимание, что я даже не посмотрела на номер трамвая, а доверилась табличке, где, как мне показалось, промелькнуло нужное мне название. В результате, я вышла на конечной остановке и сразу поинтересовалась у первой попавшейся мне на глаза старухи с крашенными перманентом бровями в модной кожаной куртке с норковым воротником и с сумкой Биркин, где тут похоронен Джойс. Однако она не знала ни кладбища, ни такого писателя, просто вообще о нем никогда ничего не слышала. И когда она мне это говорила, в ее голосе явственно послышались торжествующие нотки. Причем, изъяснялась она, надо это признать, на вполне приличном французском. И в принципе, я ее понимаю: люди, ничего не знающие про Джойса, безусловно, должны проводить свои дни в необычных условиях и общаться с экстраординарными личностями, особенно по сравнению с теми, к примеру, кто про него слышал, но не читал. Не говоря уже о том, что последних вокруг гораздо больше. Ей было чем гордиться. С другой стороны, Джойс – это не Шекспир или там Гете, поэтому вероятность дожить до седых волос и ни разу не услышать его имени все-таки действительно существует. Так что ее ответ, ко всему прочему, еще и выглядел относительно правдоподобно, а не был откровенным выебством.

Короче говоря, я села на другой трамвай – на сей раз именно с тем номером, который был у меня записан в блокнотике, – и добралась, наконец, до нужного кладбища. А там уже, ориентируясь исключительно по плану и указателям, нашла и могилу Джойса. Над сугробом возвышался чугунный человечек с книгой в руках. Вокруг не было ни души. Гранитная плита с надписью, если там таковая имеется, была основательно занесена снегом. Так что полной уверенности, что это именно то, что я искала, у меня не было. И только, вернувшись домой и посмотрев в гугле фотографии, я окончательно удостоверилась, что побывала на могиле Джойса.

Не слишком удачно начавшийся день завершился успешно. Если не считать, что могилу Канетти мне найти так и не удалось.

Что значит "хорошо писать"? На мой взгляд, для гения это даже унижительно. А если мне больше нравится писать плохо, тогда что? По большому счету, все зависит от настроения. Хочу - плохо пишу, хочу – хорошо. Более того, если я не выспалась и меня все кругом раздражает, то «плохое письмо» даже лучше подходит, чтобы передать мое состояние. То есть больше соответствует достижению целей, которые обычно ставят перед будущим писателем в том же Литинституте, например. А ему там вдалбливают, что он обязательно должен писать как можно лучше. Абсурд! Вот почему я бы, наверное, никогда не смогла там учиться.

Всякий раз, когда я захожу в местные лавочки, где все так прибрано, аккуратно расставлено по полочкам – все эти фарфоровые статуэтки, слоники, бегемотики, гипсовые черепушки, фотографии в рамках и прочая фигня – мне так и хочется плюнуть там на пол или что-нибудь разбить. И еще я заметила, тут, в немецкой Швейцарии, продавцы прямо все расплываются от счастья, когда слышат французскую речь. При этом, как правило, никто ничего не понимает. А ведь французский у них государственный, и его, наверняка, здесь преподают в школе. Хотя те, кто хорошо учатся, не стоят потом за прилавком. Так что ничего удивительного... А если вдруг взять и перейти на русский и еще, как бы случайно, спихнуть локтем на пол цветочный горшок?! Представляю, как у них сразу вытянутся рожи. Особенно сейчас, в свете происходящих вокруг событий.

Весь мир населен лохами. И только русские самые крутые. Кто бы что ни говорил, но в этой идее есть все же что-то вдохновляющее.

Фильм «Бёрдмен» в высшей степени дебильный, конечно. Тем не менее, в нем достаточно реалистично показана актерская среда. Чем бессмысленнее то, чем приходится заниматься людям, тем они духовнее. Я всегда так и думала.

В фильме главный герой на старости лет терзается, что он пустышка и не гений, поскольку в прошлом засветился в образе супермена с птичьими крыльями и имел успех в широких массах. Наверняка, приблизительно теми же вопросами задаются на досуге Сергей Зверев, Барри Алибасов, Филипп Киркоров, певица Валерия и другие звезды отечественного шоу-бизнеса. Я где-то читала, что исполнитель популярной в 90-е годы песни про «девчонку-девчоночку, темные ночи» Женя Белоусов ненавидел свой репертуар, отчего периодически впадал в бешенство и кидался на окружающих чуть ли не с ножом. Тот же писатель Фадеев не выдержал мук совести и покончил с собой. Другие советские писатели также постоянно квасили и мечтали сочинить нечто нетленное, предназначенное исключительно для потомков, и потому отвергнутое цензурой и хранящееся у них в письменном столе...

С этой точки зрения, я нисколько не сомневаюсь в абсолютно искренней и неподдельной духовности православных священников, например. Сам род их занятий, да и образ жизни к этому полностью располагают. Более того, из всех перечисленных выше личностей, скорее всего, именно они являются самыми высокодуховными и нравственными.

Тупость – это растянутое во времени познание очевидного. Что-то типа медитации, судя по всему.

Поэтому, если бы я была художницей, то изображала бы дебилов исключительно сидящими в позе лотоса. Писателю, в этом смысле, гораздо сложнее. Как это передать? Можно, конечно, написать: «было в нем нечто буддийское» или же «своим отношением к жизни они ей напоминали йогов»... Но, по-моему, на живописном полотне образ получается все же более выразительным.

Не знаю, стремился ли к этому режиссер. Но в фильме «Охотник на лис» в образе сумасшедшего спортивного мецената ему удалось ухватить самую суть характера наиболее типичных современных российских политиков и общественных деятелей, увлекающихся жесткими мужскими единоборствами и находящихся в сложных отношениях со своими мамами.

Этот мир несимметричен. И поэтому тупость и уродство вовсе не являются чем-то иным и самобытным по отношению к гениальности и красоте. Они не находятся в одной плоскости, а соотносятся друг с другом как низшее и высшее.

Удивительно, но практически все глобальные конфликты современности сводятся исключительно к непониманию таких простых вещей.

За неимением Бога человечеству, вероятно, следовало бы разместить где-нибудь в нейтральной Швейцарии более-менее надежный компьютер, чтобы этот условный электронный «высший разум» время от времени выдавал результаты хотя бы самых элементарных логических выкладок, с которыми люди по каким-то причинам оказываются не в состоянии справиться самостоятельно.

Существуют же эталоны времени и веса, например. Благодаря им, жители разных стран и континентов получили возможность не опаздывать на работу и следить, чтобы их не обсчитывали в магазине. Думаю, никому не помешало бы и столь же авторитетное подтверждение законов логики и причинно-следственных связей.

прощеное воскресенье

Всем, кто попросил вчера прощения, сегодня очень хочется дать в лоб. Так бывает. Сначала – один, потом – второй... и постепенно чаша человеческого терпения переполняется. Думаю, тут все дело в количестве. Однако осознаешь это лишь на следующий день.

В этом, видимо, и заключается главный прикол религии: постоянно говорить и делать нечто раздражающее, но не явно, а как бы капая тебе на мозги и воздействуя на бессознательное. Так, чтобы до тебя дошло только спустя некоторое время.

В былые времена язычники бросали христиан на съедение диким зверям. Вот у определенного типа личностей постепенно и выработалась подобная ускользающая манера доставать окружающих. Просто чтобы тебя не успели сразу схватить и наказать.

Всему в мире можно найти объяснения. Даже самым ненормальным и абсурдным явлениям. И для этого знание истории иногда тоже может пригодиться.

Оскара как обычно получил самый дебильный фильм из числа номинированных. Худший стал лучшим, последний – первым. Наглядное воплощение в жизнь одного из главных евангельских принципов.

И после этого кто-то еще обвиняет американцев чуть ли не в сатанизме и отказе от традиционных христианских ценностей.

Пицца и паста, насколько я помню, вошли в обиход вместе с итальянской эстрадой. Суши и японские рестораны – параллельно с фильмами Такеши Китано и романами Мураками. Нечто подобное случилось в свое время и с джинсами... Так обычно все в мире и происходит: духовное невозможно отделить от материального. И никто на это, как правило, даже не обращает особого внимания.

А вот про столовые, на которые в Петербурге теперь приходится наткаться буквально на каждом шагу, никак не скажешь, что они появились под воздействием моды на космонавта Гагарина, 9-е мая и все советское.

И с этой точки зрения, в происходящих сейчас в России переменах присутствует нечто глубоко противоестественное. Какая-то пугающая неактуальность. В столовые не хочется заходить вовсе не из-за скудного меню, убогой обстановки и бедно одетых посетителей. А

исключительно потому, что там питаются читатели романа «Обитель» и поклонники певицы Ваенги.

Ежедневно пробегая глазами ленту новостей, обратила внимание, что практически во всех заявлениях официальных российских лиц по международным вопросам присутствуют указания на некие скрытые и плохо осознаваемые иностранными государствами цели, помыслы и намерения. Даже не верится, что поток подобных наблюдений над окружающими исходит из страны, которую почти не затронули идеи Фрейда. И, тем не менее, в то время как США присвоили себе функции мирового жандарма, Россия, похоже, взвалила на себя обязанности вселенского психоаналитика. Довольно неожиданное распределение ролей, надо сказать.

Советские руководители тоже, правда, склонны были во всем усматривать часто ускользающую от понимания обитателей других стран классовую борьбу. Но тогда это хотя бы можно было объяснить господствовавшей в СССР идеологией. Сейчас же русские люди из некогда любимых пациентов Фрейда каким-то совершенно чудесным и необъяснимым образом поголовно переквалифицировались в докторов.

Купила сегодня в магазине Магнит три пачки масла. А кассирша, похоже, совсем не оценила юмора и просто тупо пробила чек. Зря только бабки потратила. У меня этого масла теперь хоть жопой ешь. Пачек семь, наверное, в холодильнике валяется. Лучше было бы это масло спиздить, а потом все подробно описать в качестве продолжения истории про крышечки. Чтобы старушкам-блокадницам было на кого равняться. А то меня уже в нескольких публикациях им противопоставили. Им и еще одной, которая умерла, когда ее заподозрили в краже сырка...

Сырок, кстати, тоже можно было бы прихватить.

С другой стороны, Жан Жене говорил, что никогда не писал ничего такого, за что его могли бы посадить и пытать. А я вот писала. Так что мне теперь все это, вроде как, и ни к чему. Я и так уже круче Жене.

Если сравнить «Код да Винчи» и «50 оттенков серого», то сразу становится понятно, насколько духовнее было человечество десять лет тому назад. При этом интеллектуальный уровень населения Земли остался примерно таким же.

В оружии ярче всего выражено стремление человечества к совершенству. В нем нет ничего лишнего, никаких примесей духовности, гуманизма и добра. Нация, владеющая самым эффективным и точным оружием, правит миром.

Вот почему те, кто не ценят и не понимают красоту совершенных произведений искусства, обычно не признают и силу оружия, а ведут себя так, будто ничего, кроме их личных прихотей, в этом мире не существует.

Проснувшись сегодня ночью, автоматически потянулась рукой к читалке, где среди кучи детективов натолкнулась на «Годы оккупации» Юнгера. Даже не знаю, как он туда затесался. И зачем-то начала читать. Довольно тупой писатель, надо сказать. Хотя тому, кто хочет сделать научную карьеру, может пригодиться.

Ученым важно верить, что все эти плоские библейские истории и банальности, изрекаемые так называемыми пророками, имеют некий глубочайший смысл. Иначе им просто не о чем будет писать свои диссертации. Не говоря уже о лютиках, ромашках, колокольчиках, порхающих над ними бабочках и щебечущих птичках, подлинные знания о которых якобы были полностью утрачены современными людьми...

Многих людей стоило бы убить исключительно за гнусную физиономию. Но большинство из них уже столько всего наворотили, что их, если теперь и замочат, то только за поступки. И они покинут этот мир с сознанием, будто сами по себе могли кому-то понравиться.

Вот что меня больше всего бесит. Отсутствие в этом мире настоящей несправедливости!

Москвич судится с девушкой, которая изнасиловала его пса и сломала ему член.

По советским фильмам я хорошо помню, как ветераны тосковали по фронту, потому что, только очутившись под пулями, все, якобы, и проявляют свои подлинную сущность. Враг там – враг, а с настоящим товарищем можно пойти в разведку.

А мне вот, наоборот, хочется, чтобы сегодня все поскорее вернулось на свои места, и люди снова стали тем, чем они являются на самом деле. Макаревич делился бы со зрителями первого канала кулинарными рецептами, Акунин штамповал детективы, Улицкая, Шишкин и Прилепин получали свои премии, а доктор Лиза и Хаматова помогали больным детям...

А то у меня такое ощущение, будто и от меня кто-то ждет сейчас громких заявлений. Чтобы я начала задаваться вопросами типа «возможно ли искусство после Боинга?» Ну не знаю, про художников и режиссеров говорить не буду, но писателям точно все пофиг. Можно подумать, что у кого-то на этот счет раньше имелись хоть какие-то сомнения.

Короче, войны и другие экстремальные ситуации не вносят в этот мир ничего, кроме лишней путаницы.

Искусство в идеале дает возможность гению высказать свое отношение к окружающим. Так, по крайней мере, декларируется в школьной программе и разного рода философских и теоретических трудах. Что вступает в противоречие с привычной картиной мира, представленной в телевизоре, печатных СМИ, да и в большинстве произведений того же искусства, где обыватели говорят исключительно сами с собой и о самих себе. Никакие гении никому не нужны и лишь всем мешают.

Получается, что только банальная нестыковка между теорией и практикой мешает воцарению в этом мире полной и окончательной гармонии, к которой на бессознательном уровне стремится подавляющая часть населения Земли. Объясняется же это отсутствием элементарных навыков обобщенно мыслить и замечать подобные противоречия. Плюс, чисто психологически авторам произведений искусства больше нравится называть себя гениями, поскольку это слово ласкает им слух, тогда как в определении «обыватель» до сих пор почему-то присутствует уничижительный оттенок. Однако рисковать и развивать свои умственные способности им тоже не хочется, так как перспектива возвыситься над окружающими и оказаться в положении изгоя никого не прельщает.

Со стороны подобная неспособность достичь гармонии и счастья, которые находятся практически у тебя перед носом, производит крайне грустное впечатление. Если бы я, к примеру, была обывателем, то запросто избавилась бы от всех этих ничтожных предрассудков и жила в свое удовольствие.

Остается надеяться, что предпринимаемая сейчас в России попытка построения идеальной обывательской культуры окажется удачной. Во всяком случае, у тех, кто сейчас вовлечен в процесс ее создания, имеется возможность учесть ошибки своих предшественников, которые в советские времена ставили перед собой точно такую же задачу.

Со словами, в сущности, все происходит в точности, как с бабками. Как только мечта представителей нижних слоев населения сбывается, и они начинают получать огромные зарплаты и пенсии, деньги обесцениваются. И им, увы, опять не достается ничего. Ну, а остальным приходится переходить на натуральный обмен и связи.

Вот и сейчас, я заметила, все дебилы раскрепостились и начали не стесняясь высказывать свое мнение буквально обо всем, причем в самых категоричных тонах.

Мне, к счастью, слова никогда особенно были не нужны. Зачем? Моя жизнь сама по себе – уже и так хокку.

У арабов есть хотя бы восточный базар – торгуют они артистично. А у русских? Сколько ни думала сегодня утром, так ничего в голову и не пришло.

Удивительно, но абстрактные картины, давно утратившие очарование новизны и радикальности, по-прежнему достаточно популярны у искусствоведов и коллекционеров. В то время как бои без правил, которые являются фактически полным аналогом беспредметной живописи, правда, в несколько иной сфере, пользуются сейчас спросом, главным образом, среди слоев населения, по социальному статусу находящихся ниже не только любителей шахмат, но и болельщиков футбола или же бокса.

Это я к тому, что не имеет абсолютно никакого значения, чем в реальности занимается тот или иной человек – работает он на фабрике или сочиняет научные трактаты – его сущность проявляется в его отношении к жизни, мало чем отличающейся сегодня от игры без правил. Одних она увлекает, а других повергает в глубочайшее уныние.

И только единицы способны получать удовольствие исключительно от скуки.

От каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот что делает «Капитал» совершенно нечитабельной книгой – цель жизни, из которой полностью устранена мера вещей. То ли дело «Граф Монте-Кристо», например: каждому – по способностям. Ради этого стоит жить и трудиться!

За всю свою жизнь ни разу еще не сталкивалась с русофобией. И это тем более удивительно, что само это слово в последнее время стало звучать постоянно. А поскольку с обозначаемым им явлением мне пока встречаться не доводилось, то я определенно могу сказать, что оно само по себе, в отрыве от всякой реальности, крайне гнусное. Услышишь его и сразу испытываешь легкий приступ подступающей к горлу тошноты. Вот если бы я, к примеру, занималась разведением жаб, то, скорее всего, через какое-то время их бы даже полюбила и исполнилась к ним сочувствием. Могу себе такое представить. Стояла бы у калитки и смахивала набежавшую слезу, глядя, как автомобиль заказчика увозит по пыльной дороге очередную партию этих квакающих и трепыхающихся в пластиковых контейнерах существ, предназначенных для лабораторных экспериментов. А в данном случае никакое привыкание не помогает – как услышишь про «руссофобию», так сразу и тошнит. Жалею даже иногда, что у человечества не появилось до сих пор специального высокоточного оружия, чтобы иметь возможность отстреливать слова отдельно от людей. Я бы с удовольствием этим занялась. Причем исключительно из гуманных соображений. Поскольку стоит лишь тому или иному человеку открыть рот и произнести это слово, как он тут же перестает для меня существовать, то есть, по сути, совершает метафизическое самоубийство...

Не знаю, кто и когда первым это слово употребил, да это и неважно. Реально, думаю, оно могло войти в обиход только в среде советских писателей, озабоченных сохранением своих привилегий. Больше мне как-то ничего в голову не приходит. А тут для полноценного разведения подобных лексем сложились совершенно уникальные условия, которые так удачно в одном месте и в нужных пропорциях совпали: количество выпавших осадков, долгое отсутствие морозов, плюс пищевые отходы и разлагающиеся тела, сваленные в одну кучу. Словам, мне кажется, как и всему живому на Земле, тоже требуются вполне определенное природное окружение. Удавы водятся в джунглях, а черную икру французы, по-моему, только недавно научились выращивать у себя в бассейнах. Хотя при таких космических ценах на нее, ее производство давно бы уже распространилось по странам и континентам, если бы все было легко. Во всем, что касается бабок и жратвы, люди обычно прекрасно врубаются, что необходимо предпринять. Вот и со словами все далеко не так просто.

С этой точки зрения, если бы Библия была не собранием нравоучительных басен, а настоящим научной и глубокой книгой, то она должна была бы начинаться с фразы: «Вначале были влага и гниль, и из них появилось Слово».

Если бы исламисты, к примеру, бросили вызов Америке, то, возможно, у них и был бы шанс. Даже при очевидном неравенстве в раскладе сил. Но они воюют против женщин, и поэтому обречены. Они, кстати, и сами это чувствуют. Из-за чего и не решаются объявить о своих истинных намерениях вслух.

Будь люди просто людьми, им было бы гораздо легче справляться с поставленными задачами. По крайней мере, какой-то отрезок своего земного бытия они могли бы проводить в бодром настроении и получать удовольствие от жизни. Но они, увы, являются еще и животными, и всегда начинают ощущать свою обреченность раньше, чем успевают ее осознать.

Обреченность – одна из самых неприятных и раздражающих черт в поведении человека. И, возможно, самая антиэстетичная. Вот почему Советский Союз, граждане которого строили утопический коммунизм, был настоящим царством уродства.

Писатели, особенно те, кто достиг известности и пользуется популярностью у публики, высказываются практически по любому поводу и наделены просто уникальной способностью засорять мозги читателей всяческой ерундой. А поскольку это началось не сейчас, а имеет уже достаточно длительную традицию, восходящую к классике позапрошлого века, меня удивляет, почему, например, слово «мусор» в русском языке закрепилось за сотрудниками правоохранительных органов. Писателям, мне кажется, оно бы подошло куда больше.

Литературоведы, конечно, стараются представить писателей чрезвычайно умными и ответственными личностями. Но кто их читает? Милиция в советских фильмах тоже была представлена исключительно с положительной стороны. Непонятно, короче.

А что, интересно, случилось с Римским папой? Совсем исчез из новостей. Шоколадные яйца детям подарил, золото в дворцовой столовой на серебро заменил и слился куда-то. Я даже соскучилась.

И все равно я священникам не завидую. Приходишь, к примеру, в мэрию за бабками на строительство храма, а в душе немного трясешься: вдруг тебя спросят, существует ли Бог, а откуда вы знаете и т.д. и т.п. Сколько веков уже прошло, а вопрос остается открытым, и постоянно приходится дергаться, чтобы не начали копать. Писателям в этом отношении гораздо легче: просто показываешь книгу, где герой помогает старушкам, или посвященную космонавтам, и находишь соответствующую графу в перечне выделяемых стипендий.

Даже с этой точки зрения занятие литературой предпочтительнее религиозной деятельности. Просто чувствуешь себя уверенней.

Восьмое марта закончилось, однако последствия все еще дают о себе знать. Ждала вчера автобус на Садовой. Рядом со мной стояли еще три бабы примерно моего возраста или, может быть, чуть постарше, и вдруг из окна остановившейся перед светофором машины высунулся какой-то мужик и заорал: «Бабульки-блокадницы, как я вас всех люблю!». Реакцию остальных я не видела, но баба, что находилась слева от меня, сразу вся задергалась и, озираясь по сторонам в поисках поддержки, недовольно забормотала: «Вот придурок, какие мы блокадницы, тоже мне блокадниц нашел...» А мужик продолжал орать про бабулек-блокадниц во всю глотку еще довольно долго, даже когда загорелся зеленый свет и его машина тронулась с места. Он явно хотел, чтобы все, кто был на остановке, обратили на него внимание.

Но я сразу же уткнулась в свой телефон и сделала вид, будто ничего не слышу и не замечаю. Так что настоящий кайф, думаю, он так и не поймал.

Забавно, что в советские времена молодые люди не хотели идти в армию главным образом из-за опасения там отупеть. Что могло в дальнейшем негативно сказаться на их карьере и благополучии. А сейчас, если человек не тупой, то он элементарно не выживет, мне кажется. Поскольку тупость сегодня – уже не просто отсутствие интеллекта, а своего рода вполне осознанный прием, который помогает не понимать и не замечать очевидного и, таким образом, является необходимым условием для успеха в жизни. О тонкостях вроде юмора или же красоты я даже не говорю. То есть сейчас – это что-то типа ума.

Из-за чего это качество кажется мне вдвойне противным. Умные меня всегда раздражали гораздо больше дураков.

Не вижу никакого смысла специально стремиться к страданиям и другим раздражающим и неприятным вещам. В жизни любого человека их и без того хватает. С этой точки зрения в желании кого-либо отправиться, к примеру, на войну исключительно потому, что про нее говорят в телевизоре, есть нечто нарочитое и даже пошлое.

Тем не менее, такого рода личности обычно потом еще постоянно достают окружающих своим якобы уникальным опытом, приобретенным ими в экстремальных условиях. Но о чем тут можно говорить, если человек считает самым важным и познавательным в своей жизни участие в событиях, на которые направлены объективы телекамер? Даже актерам прежде, чем выйти на сцену, требуется определенная подготовка. В противном случае спектакль получится бездарным. И писатель интересен главным образом темной стороной своего бытия, про которую никто толком ничего не знает и которая только и придает некоторую загадочность и глубину его книгам, а став известным, он уже фактически не живет и просто исполняет некую публичную роль. Его деятельность в таком качестве представляет интерес разве что для теоретиков искусства и студентов Литинститута.

К остальным людям это тоже относится. Стоит обывателям ощутить себя творцами истории или даже просто причастными к каким-нибудь грандиозным мероприятиям, как они тут же перестают что-либо понимать и замечать. Что всегда видно из порождаемых ими рассуждений и умозаключений...

Это вообще касается буквально всех. Потребовались катаклизмы и потрясения вроде Второй мировой, чтобы переведенный на все языки знаменитый писатель Луи-Фердинанд Селин на какое-то время затерялся в толпе и снова стал доктором Детушем. Иначе в его поздних произведениях тоже, боюсь, было бы нечего читать.

Стиль – это сверхчеловек, текст – человек, а обладатели бесформенных тел – просто недоразвитые и слабо осознающие себя существа. Этим и объясняется нелюбовь последних к виртуальному пространству, где каждый индивид имеет возможность увидеть себя в зеркале чистых смыслов и образов.

Где-то тут, видимо, и следует искать разгадку такого феномена, как бурное возрождение «антифашизма». Поскольку оно происходит сейчас практически при полном отсутствии самого явления, с которым представители этого движения – как явствует из его названия – намереваются бороться.

Если свершившиеся в начале прошлого столетия революции в той или иной степени подпадали под определение «восстание масс», то происходящие сегодня процессы далеки от каких-либо социальных и идеологических различий. Их суть сводится исключительно к бунту терзаемой неясными страданиями и смутными желаниями телесности против холодного и равнодушного ко всему человеческому духа.

Пафос – оружие дегенерата. Такая скульптурная композиция должна стать центральным экспонатом на выставке современного дегенеративного искусства, если подобная где-нибудь откроется. В Центре Помпиду, например. Все к этому идет, во всяком случае.

Каким бы тупым ни был Маркс, но он породил «классовую борьбу». Эта идея оказала определенное влияние на судьбы человечества, следует это признать. То же самое можно сказать и про «волю к власти» или же «бессознательное»...

А некоторые понятия напоминают мне хилых недоразвитых детишек, которые зачали, так и не сумев толком вырасти и до конца развиваться. Или же вынуждены влачить жалкое существование в качестве инвалидов детства и карликов. Возможно, это связано с тем, что их «родители» слишком много квасили и вообще вели нездоровый образ жизни, а, может быть, и просто с каким-либо врожденным дефектом, который не нашел пока строгого научного объяснения, но почти наверняка тоже обусловлен тяжелой наследственностью.

Когда я слышу, к примеру, слово «пассионарность», то невольно смахиваю слезу. Бедное, тщедушное создание, несущее на себе печать тайного мучительного страдания и обиды на окружающих! Оно определенно является плодом чьего-то болезненного и извращенного воображения. Громкое имя, которым зачем-то наградили его при рождении, еще сильнее подчеркивает его убожество и неспособность к полноценному бытию среди бодрых и уверенных в себе слов.

А сколько еще таких не нашедших себе применения понятий и идей разбросано по свету! Печальная картина. Как хорошо, что большинство из них мне, скорее всего, никогда не попадались на глаза! Иначе я бы уже, вероятно, давно впала в депрессию.

И это еще одна причина, из-за которой я предпочитаю держаться на расстоянии от философских трудов и диссертаций.

Гений – это тот, кто никогда не станет бесплатно говорить и писать то, что другие делают за деньги.

С эстетической точки зрения предпочтительнее быть не духовным лидером, а бездуховным аморальным аутсайдером. Как, впрочем, и для того, чтобы запечатлеться в вечности.

Однако большинство писателей, я заметила, красота не интересуется. Для них главное по максимуму урвать в этой жизни.

Если бы я внешне была хоть немного похожа на мать Терезу или же Вангу, то уже сейчас могла бы потихоньку начинать изрекать предсказания и отпускать грехи. И хотя бы под старость обеспечила себе безбедное существование и уважение окружающих. Для такого рода деятельности необходимо родиться в деревне и иметь физиономию кирпичом. В этом весь прикол – их пример это прекрасно показывает. Иначе в таком жанре много не заработаешь.

Ну почему мне так не везет!

«Переступить черту» – поражает, какое количество людей сейчас перестали понимать смысл этого замечательного выражения. Причем наблюдается это не только в глобальном масштабе, но и в мелочах. И тут, пожалуй, ярче всего проявляется оторванность человеческой цивилизации от природы. Животные так себя никогда не ведут.

Что мне больше всего нравится в тех же тиграх, например: в их поведении нет абсолютно ничего героического.

Нарциссизм, самовлюбленность, эгоизм, равнодушие, презрение, холод, цинизм, лень, усталость, безразличие, бесчувственность, аморальность, надменность, разочарование, опустошение, скука...

Если подумать, то в русском языке осталось не так уж и мало хороших слов. Поэтому надежда на возрождение бездуховности все еще есть. Только это меня и утешает.

Британского кота, который стал символом собора, подозревают в серии нападений на собак.

Если взять жратву, то все эти устрицы, лягушки, потроха и прочие экзотические яства, ставшие со временем пищей для гурманов – главным образом, благодаря своему слегка тошнотворному привкусу – почти наверняка первоначально употреблялись исключительно бедняками, проживавшими в болотистой местности, где элементарно не хватало более пригодных для еды продуктов.

То же самое можно сказать и о литературе. Любовь к Маяковскому вовсе не предполагает обязательных симпатий к воспетому им Ленину. Тогда как от Горького, к примеру, меня не то чтобы немного подташнивает, а, наоборот, он до сих пор кажется мне чересчур пресным... Оценивая с этой точки зрения происходящие сейчас в России события, я могу сказать, что тут сегодня определенно готовится в высшей степени тошнотворное блюдо, которое лет через сто, возможно, и станет пищей избранных ценителей. А может быть, останется таким же гнусным и малоаппетитным, как в наши дни.

Последнее более вероятно, поскольку личности, занимающиеся ныне его созданием, используют вовсе не свежее природное сырье, как это все-таки делали творцы русской революции сто лет назад, а берут исключительно прогнившую тухлятину, вроде религии и других успевших уже основательно заплесневеть традиций и обычаев. А как я только что сказала, пристрастие к гнилому и отталкивающему – это уже знак хорошего вкуса, который оставляет слишком мало шансов эстетам будущего пополнить свое меню чем-то по-настоящему утонченным и необычным.

Бог – это любовь. Или же почти... По степени банальности, во всяком случае, два этих слова вполне сопоставимы.

Les personnes humaines se divisent en gens simples et à celles qui veulent devenir encore plus simples. Je ne comprends pas très bien ces dernières. De l'autre côté grâce à eux dans ce monde on peut trouver quelque complexité⁸.

Не помню уже сейчас точно, но, по крайней мере, со времен знакомства с «Повестью о настоящем человеке» я начала испытывать непреодолимое отвращение ко всему подлинному и истинному. И сейчас это чувство во мне только усилилось. Жизнь как спектакль, в целом, меня вполне устраивает. Я даже не особенно придирчива к его качеству – пусть это будет нечто условное типа оперы или балета – важно, чтобы постановка не была уж совсем откровенно бездарной, когда действие формально продолжается, а тебе глаза мозолят вполне реальные, неподдельные, но кривляющиеся личности, зачем-то вылезшие на сцену.

С этой точки зрения сама идея мира как театра одного зрителя в лице Господа Бога, наблюдающего за настоящими человеческими страданиями, поступками и помыслами, мне глубоко чужда. В отличие от Бога, меня люди совершенно не интересуют. И тем более, такие, какими они являются на самом деле.

Северный кореец как идеал и орудие всемирного разрушения.

В слове «поэзия» можно уловить множество смысловых оттенков, тогда как словосочетание «международный день поэзии» несет в себе только один: идиотизм. Выражение «международная ночь поэзии», на мой вкус, звучало бы определенно лучше.

⁸ Люди делятся на простых и тех, кто стремится стать проще простых. Последних я не очень понимаю. С другой стороны, благодаря им в этом мире присутствует некоторая сложность. (франц.)

Весь советский период русской литературы, в сущности, и был одним сплошным затянувшимся на десятилетия «днем поэзии». Точнее, мне кажется, и не скажешь. И сейчас опять, после короткой и непродолжительной ночи, снова наступает рассвет...

Если не считать младенцев, которые постоянно все путают, то люди вообще делятся на любителей ночи и тех, кто испытывает панический страх перед темнотой. А поскольку подобные перемены в окружающей среде мало зависят от чьих-либо индивидуальных предпочтений и в метафизическом пространстве часто длятся дольше срока пребывания человека в этом мире, то тут можно говорить исключительно о везении. Одни с восходом солнца и наступлением весны чувствуют себя комфортно и радостно высказывают на улицу, а кто-то вынужден поплотнее задергивать шторы и прятаться от ненавистного света в своих жилищах или заранее подготовленных убежищах.

Поэты, в этом отношении, мало отличаются от мифических вампиров. Для них «день поэзии» и вовсе звучит, как приговор, поскольку фактически означает не что иное как «смерть поэзии».

«Мы работаем с людьми, у нас интриг нет». Как минимум, три раза в жизни я слышала эту фразу. Впервые, когда еще работала экскурсоводом. Потом лет десять назад во время посещения бюро по трудоустройству. А вчера ее изрекла администратор «Перекрестка» в разговоре с кассиршей... И до сих пор смысл этого загадочного выражения остается для меня не проясненным.

Может быть, это такая народная поговорка, которая нуждается в знании сопутствующего ее появлению контекста? Наподобие «вот тебе, бабушка, и Юрьев день», например.

После военной кинодрамы Анжелины Джоли «Несломленный» я, кажется, поняла, во что следует вкладывать бабки российскому министерству культуры. Необходимо спонсировать голливудских звезд – пусть каждая из них снимет по собственному фильму. И тогда внешний лоск, глянец, шелуха, вся эта поверхностная соблазнительная красавица улечутатся, и Америка станет такой же высокодуховной страной, как сегодняшняя Россия.

Из публичных личностей меня сейчас удивляет разве что Александр Невзоров, который из маньяка-некрофила чудесным образом трансформировался чуть ли не в носителя здравого смысла. А ведь всего каких-то четверть века назад в своих новаторских для советского ТВ репортажах он занимался исключительно тем, что пугал домохозяйек крупными планами окровавленных трупов с мест преступлений и ДТП.

Не то чтобы я полностью разделяла его взгляды, журналистика как жанр меня вообще никогда особо не интересовала... Просто большинство людей либо всю жизнь, как дятлы, долбят одно и то же, либо с годами решают вообще на все забыть и полностью раскрепощаются. А тут видно, что человек работает над собой.

Казалось, зима уже закончилась, а сегодня снова повалил мокрый снег, и, когда я утром шла в бассейн, промозглый ветер дул мне в лицо. Удивительно, но и весной бывают такие миги и часы, когда повеет вдруг осенью, и что-то внутри встрепенется. Даже настроение улучшается. Главное, еще никого не встретить, чтобы никакие гнусные рожи не попались тебе на глаза. Тогда вообще все ок.

Петербургу весна совсем не идет. Поэтому те, кто любят солнце, тепло, детей, радости бытия, тоскуют о прошедшей молодости и т.п., здесь обычно не приживаются. Или же, как Есенин, приезжают сюда повеситься.

Quand je n'ai pas de songes je me sens une prophète. Bien que cela arrive assez rarement. Mais certainement ça doit être comme ça. Les vraies illuminations visitent uniquement les sélects et pas plus souvent qu'une fois par an⁹.

Встретила сейчас на Загородном старого знакомого, который стал сходу рассказывать мне про увиденную им из окна веточку, как она вся покачивалась и дрожала на ветру, а потом на нее сел воробушек, и все это вместе напомнило ему его жизнь... При этом он тыкал пальцем в направлении деревьев в скверике на противоположной стороне, где он неподалеку теперь снимает комнату, и от него довольно сильно несло перегаром, да и сам он тоже слегка покачивался.

Вот почему, интересно, одни люди при встрече производят на тебя более-менее благоприятное впечатление, зато на следующий день ты чувствуешь что-то типа послевкусия, как от съеденной накануне подпорченной еды, а другие, наоборот, когда детали забываются, начинают казаться относительно нормальными, но стоит тебе их встретить, и ты опять убеждаешься, какие они все-таки дебилы?

Не люблю выходцев из деревни, хотя и понимаю, что они не виноваты в своем сельском происхождении. Будь моя воля, я бы убрала из школьной программы все упоминания так называемой «деревенской прозы». Пусть делают и едят, что хотят – мне, в сущности, без разницы. Но детей от них лучше оградить.

Рядом с массажным салоном случайно подслушала сегодня обрывок диалога пожилого клиента с молодым сутенером, судя по всему. Проходила мимо, а они как раз оттуда появились и пошли мне навстречу.

–Понимаешь, когда она с тобой прощается, то у нее такой вид, будто она выше тебя, что ли, а ты совсем невоспитанный и некультурный какой-то.

–Да нет, Петр Алексеевич, это вы себе все придумываете. У нас все девушки воспитанные и культурные...

У старика были довольно противные оттопыренные губы и очки в роговой оправе на горбом носу, а у его собеседника – характерные ухоженные усики на гладком румянном лице.

По некоторым данным, отец Калашяна Константин также был вором в законе и носил точно такое же прозвище Котик.

Возле ТЮЗа раскинули шатер, где продают мед и еще какую-то густую массу желтоватого цвета под названием «кандык». Тоже что-то типа меда, судя по всему. Продавщица мне предлагала, но я пробовать не стала.

Как сказал бы Передонов, слово уж больно страшное. Особенно, пугающе звучит «кандык из лютиков», если такое, конечно, вообще возможно.

Прочитала тут про себя: «пишет в жанре псевдонима», а потом заметила, что на самом деле «в жанре постмодернизма».

Не знаю даже, что ближе к истине.

Вспомнила сегодня, как когда-то очень давно Исаак Шварц поделился со мной фактом биографии Чайковского, который, по его мнению, свидетельствовал о крайне скверном характере этого

⁹ Когда мне ничего не снится, я чувствую себя провидицей. Случается, правда, это довольно редко. Но так, наверное, и должно быть. Настоящие прозрения посещают исключительно избранных и не чаще одного раза в год. (франц.)

композитора. Однажды некий музыкальный критик вскользь и без особого умысла похвалил в присутствии Чайковского, кажется, какого-то скрипача, после чего Петр Ильич так невзлюбил последнего, что вообще не мог слышать его имени, всячески третировал и даже, по-моему, добился, чтобы несчастного выгнали из оркестра. Обрек, можно сказать, на голодную смерть.

Всех деталей, впрочем, сегодня я уже не помню, но только после этого рассказа мое отношение к музыке Чайковского резко изменилось. Она как будто зазвучала для меня совершенно по-новому, наполнилась внутренним драматизмом и неожиданными смыслами и оттенками. Теперь, когда я слушаю его музыку, она неизменно ласкает мой слух.

А до того момента я почему-то почти не обращала на нее внимания. И сам он мне казался скромным и застенчивым божьим одуванчиком в пенсне и с бородкой: типа Чехова. Таким же дебилом, короче.

Повсюду на столбах и рекламных щитах, я заметила, в последнее время появились объявления на ядовито-розовой бумаге с надписью «Ночные бабочки», под которой стоит женское имя типа Наташа, Рита или Виолетта, указан номер телефона, а сбоку изображено диковинное существо с крыльями бабочки и женским бюстом.

Все вместе, надо сказать, производит достаточно пугающее впечатление. Но особенно, конечно, это намалеванное на розовом фоне черной краской насекомое с крыльями, множеством мохнатых лап, головой, переходящей в хобот, огромными шестигранными глазами, туловищем, как у осы, и пышной женской грудью пятого размера, не меньше. Сразу чувствуешь: если такое чудище своими щупальцами в тебя вцепится, вырваться уже не получится.

Вот есть такая русская поговорка: «Я мыслю, следовательно, существую». А если все вокруг настолько очевидно, что осмыслять вообще нечего? Человек как бы уже и не живет, что ли?

Я думаю, что тогда вне зависимости от своего субъективного желания, ты все равно познаешь мыслящих и живущих параллельно с тобой людей, до которых постепенно доходит, что коммунизма не будет, к примеру. Просто ты существуешь немного отдельно от коллектива, если так можно выразиться, и в конце своего земного пути понимаешь, какие кретины тебя окружали.

Как только до них доходит то, что тебе было ясно с самого начала, и наступает своеобразный катарсис.

То есть они открыли для себя нечто новое и интересное, но и твоя жизнь тоже прошла не напрасно.

В музыке или живописи это, наверное, не столь очевидно, но для писателя, имеющего дело фактически с пустотой, крайне важно не утратить ощущение сопротивления материала. Если бы его можно было измерить, как это делают физики и техники с металлом или кирпичом, то полученная величина, думаю, могла бы даже служить объективным критерием для оценки одаренности того или иного индивида: чем выше показатель, тем большего он способен достичь в литературе. Люди же не ищут сами для себя дополнительных проблем. Поэтому подобная сложность, если человек ее ощущает, и может рассматриваться исключительно как нечто данное ему свыше, от природы, а не являющееся результатом его работы над собой или же учебы в ВУЗе. Хотя я бы не стала возражать, если бы в том же Литинституте, раз уж таковой существует, ввели изучение дисциплины под названием «сопромат». Ко всему прочему, у его выпускников появилось бы тогда больше оснований гордиться своей профессией и называть себя «инженерами человеческих душ»...

Безусловно, далеко не все люди посвящают свою жизнь литературе. Но ведь и Бог, к примеру, тоже интересуется не всех. Тем не менее, с точки зрения религии и самые равнодушные к вопросам существования потустороннего мира грешники попадают в ад. Так и для меня любой человек имеет дело со словами, и поэтому в какой-то мере является писателем. Что и позволяет мне делить людей на гениев и остальных.

Вот почему меня так настораживает легкость, с какой сегодня в широких массах принято обращаться со словами. В подобном поведении присутствует нечто глубоко враждебное гениальности. Грешники, как я уже сказала, отправляются в ад. А человек, хоть раз назвавший

черное белым, например, навсегда вычеркивается из числа потенциальных властителей дум и сливается с обывательской толпой. Во избежание ошибки можно сводить его один раз к окулисту, наверное. Врожденный дефект зрения отдельных художников в свое время даже способствовал возникновению новых течений в живописи, подобный опыт тоже необходимо учесть... Но в целом, такая методика отсеивания лишнего человеческого мусора от тех, кто заслуживает внимания критиков, литературоведов и читателей, кажется мне достаточно простой и эффективной. Разумеется, у любого обывателя остается еще шанс очутиться после смерти в раю, но это меня уже не волнует.

Когда я смотрю на личностей, которые сумели сегодня подняться в сфере политики до вершин и при этом умудрились не приобрести абсолютно никаких знаний ни в одной из областей человеческой деятельности или хотя бы самого минимального жизненного опыта, в том числе и на уровне животных инстинктов, то поневоле начинаю думать, что даже чтение книг является для человека более полезным занятием.

Еще меня не перестает удивлять пропасть, которая отделяет самые раскрученные американские триллеры от тех, в какие вкладывается меньше бабок, и которые условно можно было бы, наверное, назвать «фильмами второго сорта». Поскольку в них практически все является в высшей степени ущербным, жалким и второсортным: декорации, освещение, постановка трюков, актерский состав... Но особенно, конечно, престарелые молодящиеся бабы в главных ролях с жуткой косметикой на физиономиях и в таких же пугающих вульгарных нарядах. В них по сценарию все влюблены, сексуальные маньяки за ними охотятся, как и в нормальном кино, но само их присутствие в кадре делает все события на экране крайне неубедительными и нереалистичными...

Мало того, из-за них с годами у меня выработалось устойчивое подозрение, что Америка в реальности представляет собой нечто вроде огромной потемкинской деревни, где более-менее привлекательных особей хватает только на участие в достаточно ограниченном количестве созданных для внешнего потребления фильмов, являющихся своеобразным аналогом выставленной на всеобщее обозрение картонной декорации, за которой скрывается обширная территория, вся сплошь заселенная неполноценными уродами. Это ощущение с некоторых пор постоянно преследует меня – на подсознательном уровне, во всяком случае – и от него не так-то просто избавиться, хотя умом я понимаю, что, скорее всего, это не совсем так.

И, тем не менее, мне довольно сложно найти объяснение этому феномену. Почему бы, к примеру, не дать сыграть в малобюджетном кино симпатичным, но начинающим исполнительницам? Они бы, наверняка, не отказались от возможности обратить на себя внимание и за относительно небольшое вознаграждение. А так, невольно начинаешь думать, что их в данной местности просто не водится, и поэтому приходится задействовать лучшее из оставшихся человеческих ресурсов.

Возможно, впрочем, создатели подобных фильмов предоставляют шанс подзаработать стареющим актрисам исключительно из гуманных соображений. Чтобы те могли отложить себе немного средств на старость, прежде чем превратятся в полных развалин и окончательно станут никому не нужны. Если это правда, то такой подход, может быть, и заслуживает уважения, но только с чисто человеческой точки зрения. Тогда как в государственном масштабе он способен нанести значительный ущерб имиджу страны в глазах иностранных граждан. Как это, в частности, и произошло с моим восприятием США под влиянием описанных выше фильмов.

Этот пример показывает, насколько коварными и опасными являются гуманистические идеи в любой форме фактически для любого государства. Советский Союз, где принцип человеколюбия и защиты интересов так называемых «маленьких людей» и прочих недоразвитых личностей был положен в основу господствующей идеологии, постепенно приобрел в мире репутацию страны, заселенную, главным образом, уродами. Несмотря на то, что изнутри для живущих в нем граждан все выглядело и не столь однозначно. Такая же участь, боюсь, может постигнуть уже в ближайшем будущем и Россию, если в ней столь же интенсивно, как это делается сегодня, будут и дальше насаждаться идеи гуманизма и добра.

Всегда утомительно иметь дело с теми, чьи слова и поступки становятся известны тебе раньше, чем они успевают открыть рот или пошевелить рукой. Более того, став понятными для всех, люди утрачивают всякую ценность для искусства. Не только как авторы, но и в качестве персонажей повести или же романа. Зачем писать о том, что и так всем очевидно?

В таких странах, как в Северной Корее, например, литература вообще невозможна. Причем вовсе не из-за формальных запретов и жесткой цензуры со стороны государства, а по причинам чисто эстетического характера. Можно представить себе живущего там индивида, который складывает неопубликованные рукописи в стол в надежде, что их когда-нибудь прочитают потомки. Но описанный им мир так прозрачен и прост, что ему даже не стоит водить рукой по бумаге, чтобы там нечто запечатлеть, какие-то свои впечатления и наблюдения. Читатели все равно не смогут почерпнуть из его произведений для себя ничего нового о людях и окружающей его действительности. Об этой стране все и без него всем известно, даже тем, кто никогда о ней особенно не задумывался. Образно выражаясь, можно сказать, что от данного клочка земли веет скукой на расстоянии тысяч километров и лет.

Забавно, что такая предсказуемость свойственна исключительно человеческому миру. В природе даже простейшие бабочки и стрекозы порхают в самых неожиданных направлениях и достаточно неуловимы. И самыми понятными из человеческих особей обычно бывают обладатели разного рода мировоззрений, разносчики всевозможных идей и, особенно, личности, постигшие конечную истину бытия, типа существования Бога или же прибавочной стоимости. Продолжая аналогию с флорой и фауной можно, наверное, даже предположить, что люди с определенным психическим складом подобным образом инстинктивно стараются вытеснить искусство и красоту из социума, сделав существование в нем гения абсолютно бессмысленным и невыносимым. Такова их защитная реакция на глубоко враждебное им природное начало. И в этом смысле человечество вовсе не так уж и сильно оторвалось от животной среды, где коты шипением отпугивают собак, собаки лаем отгоняют волков и т.п.

Очевидность и простота – главное оружие обывателей в борьбе с гениальностью. Всем своим видом они демонстрируют, что полностью самодостаточны, довольны собой и уже являются венцом творения без какого-либо дополнительного вмешательства извне. Они не в состоянии постичь природу гениальности, зато сами могут стать понятными для всех, сделав таким способом присутствие гения в этом мире никому не нужным и избыточным.

Недаром ведь в советских учебниках литературы идея гениальности преподносилась исключительно в качестве чего-то сомнительного, несовершенного и нуждающегося в основательной доработке. А точнее даже как случайно дошедший до наших дней атавизм, который некоторые индивиды просто еще не успели в себе окончательно изжить. Поэтому рядом с каждым русским классиком там обязательно присутствовал еще какой-нибудь все постигший носитель конечной истины. Декабристы кучковались вокруг Пушкина и Лермонтова, Чернышевский и Добролюбов – неподалеку от Фета и Достоевского, а Горький – рядом с Толстым и Чеховым... И все они, подобно приставленному к Чапаеву комиссару Фурманову, должны были подавать пример и указывать правильный путь не лишенным способностей, но глубоко заблуждающимся и далеким от настоящего совершенства претендентам на звание гениев. А заодно – и подрастающему поколению, открывающему для себя мир русской литературы...

Не приходится сомневаться, что в наши дни роль таких наставников постепенно перейдет к оставшимся до самого последнего времени в тени так называемым святым. А, скорее всего, они просто объединят усилия со своими предшественниками, и, таким образом, эта случайная и нелепая историческая несправедливость по отношению к еще одной значительной группе близких к идеалу представителей человеческого рода наконец-то будет окончательно устранена.

И, все-таки, те люди, что жили в девятнадцатом веке и отправили, к примеру, Уайльда в тюрьму, исходили из господствовавших в то время представлений о свободе воли, нравственности и окружающем мире, в том числе и научных. Сегодня же спор о природе сексуальности человека уже не имеет никакого отношения к идеологии и мировоззрению того или иного индивида. После возникновения генетики каждый, кто интересуется этой проблемой, может поступить на биофак, защитить диссертацию, ездить на научные конференции, и там, в узком кругу специалистов,

обсуждать волнующую его тему. Зачем засорять публичное пространство своими праздными домыслами? Причем здесь вообще либералы, консерваторы, Бог, толерантность, фашизм и прочие красивые слова? Что это за странная манера примерять на себя чужие наряды?

Я, например, отдаю себе отчет в том, что зайдя в банк и ни с того ни с сего потребовав там бабки, я их там не получу, даже если начну орать и бить кулаком по стеклу, за которым там сидит кассир. И чтобы его ограбить, от меня все равно тоже потребуется какая-то подготовка... С этой точки зрения я совершенно не понимаю легкость, с какой сейчас некоторые личности стали относиться к культуре. В жизни практически во всех областях присутствуют определенные сложности и тонкости. И сфера духа тут вовсе не является исключением. Это только кажется, что литература, состоит из обычных слов – тот, кто захочет в ней чего-то добиться, обязательно столкнется с многочисленными проблемами. В наши дни просто кропать стихи, как Блок или Есенин, полностью дублируя их стиль, уже не получится. Иначе гениев сегодня расплодилось бы так много, что они не вместились бы в школьные учебники будущего. Им там элементарно не хватит места. Даже по этой причине их число все равно пришлось бы сократить.

Зато я прекрасно понимаю православных, которых не устраивает присутствие в современном мире Нептуна. Он представляет сакральную сферу юмора. А им бы хотелось принимать комические позы и при этом не быть смешными.

На днях открыла для себя чудесный способ получения заказанных в сетевых каталогах тряпок в пикпойнтах, представляющих собой нечто вроде автоматических багажных секций на вокзале, но располагающихся в безлюдных уголках торговых центров. Не надо по часу толкаться в очереди среди вонючих личностей на почте, слушать их навязчивый бубнеж, общаться с работающими там бабами, у которых на рожах запечатлелась вся мировая скорбь – а просто приходишь по указанному адресу, вставляешь кредитку и вытаскиваешь из распахнувшейся ячейки посылку.

Роботы и интернет – лучшее, что изобрело человечество за всю историю своего существования! Единственное, о чем я сегодня жалею – это то, что я родилась слишком рано. Из-за чего большую часть своей жизни мне все-таки пришлось довольно много контактировать с людьми.

Человек – это какой-то недоделанный полуфабрикат, по-моему. Да даже сверхчеловек, оставшийся в своей телесной оболочке, чисто гипотетически не кажется мне особенно привлекательным. Людей можно выносить, только когда они трансформируются в картинки, как в кино, или же в тексты. Притом что и в таком качестве многие из них умудряются оставаться довольно мерзкими.

Когда-то давно верующие любили страдать, а теперь им больше нравится мучить. Однако чтобы получать настоящее удовольствие от последнего, нужно иметь хотя бы относительно серьезную и убедительную мотивацию. А они забыли ею вовремя обзавестись и в массе своей оказались не готовы к этому, безусловно, приятному занятию. Просто, видимо, не думали, что им вдруг подвалит такая удача. Одного слова «бог» и наспех почерпнутых в газетах сведений на данную тему явно недостаточно. Так уж устроен человек: если он не особенно голоден, то самая изысканная пища не способна принести ему большого удовлетворения.

В этом смысле я чувствую значительное преимущество по сравнению с ними, да и другими людьми. Никакие слова и рекомендации мне не нужны. Иногда я просто мысленно представляю себе, как некоторые особенно гнусные личности корчатся в пламени костра, например, и мое настроение улучшается, как минимум, до конца рабочего дня.

В Эстонии задержан русский работяга, переправлявший в Европу вьетнамских подростков. А я в Швейцарии видела профиль Гельдерлина на ноге английского поэта. Так зарождается настоящее духовное родство и любовь к дальнему!

Если бы я придавала больше значения духовности, то сейчас бы, вероятно, была вполне довольна своей жизнью, а не просыпалась бы по утрам в состоянии близком к депрессии. Но, увы, истинный

смысл пребывания человека в этом мире, скорее всего, сводится исключительно к жратве. Люди, конечно, слушают музыку, ходят в кино, сочиняют и читают романы, но подлинное удовлетворение получают только от процесса еды. Тогда как духовность – это всего лишь пустота, и все. А возможно, и вовсе просто слово, за которым вообще ничего не стоит, в том числе и пустоты.

Причем, даже если понимать человеческое бытие не как биологическое растительное существование, а как напряженное соревнование людей друг с другом, главная ставка в нем и в этом случае не имеет никакого отношения к бесплотным мечтам и сомнительным нематериальным достижениям, а совершенно реальна и осязаема: ее можно потрогать руками, попробовать на вкус и измерить в килограммах и калориях. А это значит, что тот, кто в своей жизни лучше питался, чаще посещал рестораны и кафе, покупал всякие деликатесы и ни в чем себе не отказывал, тот и является в этих гонках, игре, шахматной партии и беге наперегонки настоящим победителем. В частности, писатель, получивший Нобелевскую премию, имеет возможность достаточно долго покупать себе торты, печенье, конфеты и испытывает удовольствие именно от этого, а вовсе не от самой премии, которая без вкусной еды и сладостей вообще была бы лишена всякого смысла. Более того, в последнее время меня не покидает ощущение, что личности, уже отправившиеся в мир иной, но превзошедшие меня по данному показателю, и те тоже, если только они наблюдают оттуда за живыми, почти наверняка сейчас хихикают над даунами, вроде меня, потратившими большую часть своей жизни непонятно на что и зачем.

И самое обидное, что, начни я теперь хоть ложками поглощать икру или там по килограмму трюфелей в день, мне все равно уже вряд ли удастся существенно приблизиться не только к живущим ныне рекордсменам, но и к покойникам по количеству и качеству сожранных на протяжении жизни продуктов. Притом что средняя продолжительность жизни сто лет назад значительно уступала сегодняшним стандартам. И если я все оставшиеся годы, дни, месяцы и часы посвящу исключительно этому занятию, шансов стать победительницей в этом нигде официально не объявленном, но самом важном мировом первенстве у меня уже нет никаких. Настолько безнадежно от огромного числа его бывших и нынешних участников я к данному моменту отстала.

По этой причине то, что сейчас всюду вокруг стала насаждаться именно духовность, мне, безусловно, выгодно. Мое собственное отношение к ней уже вряд ли изменится, но, по крайней мере, с циничной точки зрения такая тенденция мне может принести только пользу. Чем большее количество доверчивых олигофренов будут считать важным то, чем я всю жизнь занималась, тем лучше для меня. Не исключено, что в результате мне еще и дадут какую-нибудь крупную литературную премию, которую я, опять-таки, смогу потратить на разнообразную вкусную и полезную еду.

Мало кто знает, но помимо уже известных всем или намеченных мной к публикации произведений, каждое утро я сажусь за написание очередной страницы еще одного фундаментального сочинения, уже достаточно пухлая рукопись которого в настоящий момент хранится у меня в столе. Хотя оно предназначено вовсе не для потомков, а исключительно для сожжения. Такую акцию я наметила осуществить в конце своих дней. Поскольку считаю, что живущему на заре Третьего тысячелетия писателю следует подходить к выстраиванию собственного образа в глазах будущих поколений предельно сознательно и без лишних эмоций, а с учетом опыта тех, кто наиболее успешно справился с подобной задачей до него.

В данном случае, в частности, я ориентируюсь на Гоголя, которому именно таким способом удалось создать у своих читателей впечатление, будто с самым совершенным и волнующим его произведением они не знакомы и уже никогда не смогут наверстать это досадное упущение. И никакие исследователи, литературоведы, коллекционеры и следопыты будущего им помочь не смогут, поскольку от второго и, как говорят, самого лучшего тома «Мертвых душ» в свое время осталась только жалкая горстка пепла, и та уже давно окончательно и бесследно развеялась по ветру...

Превратив в дым свою рукопись, Гоголь, я считаю, сумел максимально удачно завершить свой земной путь. Если провести аналогию с живописью, можно наверное даже сказать, что благодаря этому акту общая картина его жизни получилась не такой плоской и одномерной, какой

она обычно выходит у большинства писателей, а как бы обрела дополнительную выразительность и глубину, наподобие затемненного и уходящего в туманную даль фона на некоторых полотнах немецких романтиков, живших примерно в то же время, что и он сам, или же что-то типа того.

Юмористы такие смешные. А они еще и сами постоянно зачем-то шутят. Одно из самых непостижимых и загадочных явлений современного мира, по-моему.

Практически все подорожало, и только пачка риса, я заметила, стоит столько же, как и пару месяцев назад. Правда, риса в ней стало меньше на сто грамм.

Когда цены тупо повышаются – это не так интересно и показательно. А вот платить и получать одинаково, но в одном случае за то, что все время уменьшается, а в другом, наоборот, увеличивается... При желании, построив несложные графики, на основании таких данных, мне кажется, можно было бы даже вывести специальную формулу расчета размера духовности того или иного индивида в различные периоды его жизни.

Все люди делятся на последователей маркиза де Сада и Шодерло де Лакло. Даже если они не в курсе, кто это такие.

Нельзя не отметить, что при всех имевшихся у немецкого пилота проблемах с психикой в его поведении присутствует и здоровое начало. Направив пассажирский авиалайнер на скалы, он, по крайней мере, не ставил перед собой задачу попасть в рай.

Когда выходишь из метро, то на противоположной стороне Обводного неподалеку от Лиговского проспекта, на стене одного из домов, где еще совсем недавно располагались рекламные щиты Пепси и L'Oreal, теперь появился огромный плакат с надписью «ПОБЕДА» и каким-то жутким уродом в буденовке на квадратной голове, тычущим толстым указательным пальцем прямо перед собой. Странно, но за столько лет я так не смогла привыкнуть к подобным транспарантам. Или же, наоборот, за последнее время успела про них забыть...

Удивительно, но тигры, львы, пантеры, ягуары, барсы и другие представители кошачьих, например, не боятся быть эстетически привлекательными, и только люди почему-то убеждены, будто по-настоящему устрашать способно исключительно нечто крайне отталкивающее и безобразное. Точнее особая порода людей, появившихся на свет сравнительно недавно, поскольку в девятнадцатом веке армия вовсе не являлась еще олицетворением уродства.

Не знаю, я, конечно, не была на войне, но мне кажется, когда видишь в прицеле снайперской винтовки какого-нибудь дегенерата, типа того, что нарисован на этом плакате, то и на спуск нажимать значительно приятней – даже особых нравственных угрызений потом испытывать не будешь.

Директор красноярской мебельной фабрики выращивал в цехе коноплю. Добавим, что в понедельник в Красноярске полицейские задержали еще одного наркоторговца. Он выдавал себя за артиста Красноярского государственного театра оперы и балета.

Вслушиваясь в великий русский язык, можно заметить, что далеко не все виды человеческих преступлений подвергаются в нем безоговорочному осуждению. Слова «грабитель» или «убийца» немного пугают, конечно, тогда как «мошенник», к примеру, может и вовсе употребляться в качестве одобрительного и даже ласкового определения того или иного индивида, проявившего смекалку и незаурядные способности в какой-либо сфере деятельности... Однако лично я не представляю себе ситуацию, когда похожий положительный смысл вкладывался бы в слово «шулер». Хотя, казалось бы, оно применяется к личностям, занимающимся чем-то близким к тому

же «мошенничеству» и тоже требующему от них сообразительности, ловкости рук, определенных навыков и даже искусства.

И тут, мне кажется, все дело в том, что занимаясь подтасовками – причем как в прямом, так и переносном смысле – человек все-таки посягает на самую глубокую и даже, не побоюсь этого слова, сакральную сферу бытия, к каковой однозначно относится то, что в том же русском языке обычно называют такими романтическими и красивыми словами, как «рок», «фатум», «фортуна» и «судьба».

С этой точки зрения главная проблема современной литературы, на мой взгляд, заключается вовсе не в приверженности ее творцов к каким-либо ошибочным, безнравственным или даже преступным идеям и взглядам, а исключительно в том, что среди них практически отсутствуют личности, чей жизненный и творческий путь не являлся бы результатом вполне сознательных передергиваний и манипуляций со стороны издателей, политиков, членов жюри всевозможных премий, критиков и СМИ, а подчинялся бы более-менее четко обозначенной идее чистой случайности. Как это в основном было все-таки, при всех ее недостатках, в русской литературе до 17-го года прошлого столетия. Что и делает занятие литературой сегодня не то чтобы совсем легким и простым, но крайне поверхностным, понятным и, я бы сказала, слишком человеческим. Не говоря уже, что каждый, кто берет в руки книгу современного автора, поневоле оказывается еще и в не особенно привлекательном положении лоха.

А в остальном писатели сейчас достаточно старательно водят рукой по бумаге и в этом отношении мало чем отличаются от своих предшественников.

Оказывается, в России было не только полузабытое ныне художественное объединение «Новые тупые», но существует еще и некое издание «Новые хроники». К этому неожиданному для себя открытию я пришла совсем недавно, после того как случайно натолкнулась на афишу с портретом его главного редактора.

По утрам, когда я иду в бассейн, туда приходят в основном пенсионеры, по большей части старухи, которые имеют гнусную привычку сбиваться в воде в стаи и трепаться о политике. О своем здоровье и бабках, потраченных на абонемент, они, похоже, совсем не думают. В результате после нескольких посещений я все же приобрела себе затычки и вставляю теперь их себе в уши еще дома. Правда, обрывочные фразы до меня все равно периодически долетают: настолько пронзительные у некоторых из них голоса, наподобие ультразвука, что ли. К счастью, когда плывешь, специальные водонепроницаемые очки практически полностью запотевают – что позволяет мне, хотя бы, никого не видеть и чувствовать себя практически, как в танке, изолированной от всего мира. Однако в раздевалке и, особенно, по пути в нее эта задача существенно усложняется. Поэтому там я обычно просто стараюсь не оглядываться, смотрю себе под ноги, а в крайнем случае, просто закрываю глаза. Когда я работала экскурсоводом, одна сотрудница научного отдела в курилке имела обыкновение стоять в стороне ото всех, прислонившись к стене и прикрыв глаза ладонью, абсолютно не реагируя на обращенные к ней реплики. Приблизительно так же она себя вела и возвращаясь к себе на рабочее место. Она была лет на двадцать старше меня, так что этот метод я, можно сказать, позаимствовала у нее.

Помню, в школе я мечтала когда-нибудь приобрести себе домик на берегу моря и поселиться там вдали от людей. Возможно даже, именно это обстоятельство бессознательно подтолкнуло меня к занятию литературой. Все-таки в то время мне казалось, что только писатель по роду своих занятий может рассчитывать на подобную независимость от окружающих, во всяком случае, в перспективе и при удачном стечении обстоятельств. Однако теперь я все больше склоняюсь к тому, что мои юношеские планы на будущее носили крайне утопический характер. Не говоря уже о том, что писателю, всерьез рассчитывающему на комфортное уединение в конце своих дней, следует как можно больше льстить своим читателям, удивляться широте их натуры, обещать, что красота спасет мир, а сочиненные ими рукописи никогда не сгорят и т.п. В противном случае вместо коттеджа на морском берегу ему, скорее всего, придется довольствоваться затычками для ушей и водонепроницаемыми очками.

Прочитала в новостях, что русский программист согласился на пересадку головы. Если такая операция завершится успешно, то верующие, а вместе с ними и некоторые поэты, обломятся со своим сердцем, каковое, по их мнению, является для человека самым важным органом, ибо именно им он якобы все чувствует, понимает и т.п. Однако, я не сомневаюсь, что тут же появятся личности, которые разъяснят, что они имели в виду вовсе не настоящее сердце, а исключительно то, что находится в некоем трансцендентном, метафизическом или даже космическом и инопланетном теле человека. Если в прошлом человечество без труда перескочило через куда более неловкие ситуации с вращением Земли вокруг Солнца и пребыванием Бога на небе, то с каким-то сердцем, ясное дело, серьезных проблем возникнуть не должно.

Люди никогда не откажутся от возможности дотягиваться до себе подобных. Мотивы, по которым они это делают, как правило, никого особенно не интересуют. С этой точки зрения, я даже думаю, что Бог – каким бы смешным он кому-то ни казался – это еще не самый худший повод для таких целей. Поскольку стоит его только убрать, как его место сразу же займет нечто еще более несуразное и дикое, вроде идей чучхе или типа того.

Я бы, конечно, предпочла, чтобы человек не сердцем чувствовал, кого ему следует в данный момент мочить, а просчитывал это на компьютере. Но это только потому, что по своей натуре я, скорее, декадентка с футуристическим уклоном и люблю экспериментировать с новыми формами и техническими достижениями.

Сегодня утром проснулась, случайно взглянула на календарь и, несмотря на ясное небо и солнце над головой, вдруг почувствовала, что больше всего на свете ненавижу День космонавтики и еще советскую поэзию. Без двух этих уродливых явлений мир, мне кажется, был бы намного совершеннее. Я, во всяком случае, чувствовала бы себя в нем гораздо комфортнее.

Одно я знаю точно. Если бы я жила в девятнадцатом веке, то никогда бы не стала копаться в экономике и выискивать там прибавочную стоимость. Все-таки я не такая мелочная. Подумаешь, кто-то кладет себе в карман лишние бабки и покупает всякие драгоценности, усадьбы, кареты и дорогие тряпки. Что в этом плохого? И потом, я совершенно не испытываю симпатии к простым людям. Не настолько, во всяком случае, чтобы заботиться о том, как им облегчить жизнь и помочь подняться вверх по социальной лестнице. Ну, крестьяне, еще куда ни шло, среди них иногда попадаются колоритные типажи: кулаки, в частности, с такими взлохмаченными бородами и злобным взглядом из-под нахмуренных бровей. Они обычно селились на хуторах, вдали от людей, и окружающая природа, дремучий лес и завывание волков по ночам, придавали их облику определенную законченность и выразительность. А пролетарии меня абсолютно не вдохновляют. Что токари, что слесари, что плотники, что фрезеровщики – по-моему, они все на редкость тупые. Достаточно один раз их увидеть, чтобы это понять. И в позапрошлом столетии, мне кажется, это было не менее очевидно, чем теперь. Надо было быть полным дебилом, чтобы этого не разглядеть.

Так что, родившись двести лет назад, я могла бы углубиться в экономику разве, чтобы отыскать там «убыточную стоимость», например, и доказать, что владельцы поместий, фабрик и мануфактур своим подчиненным переплачивают и, таким образом, даже содержат их за свой счет, благородно жертвуя собой. Сейчас это уже довольно сложно сделать, а тогда, в эпоху всеобщей безграмотности, достаточно было оформить такую теорию в солидный том размером с Библию и подкрепить свои выводы какими-нибудь формулами и бухгалтерскими расчетами – и все бы сразу поверили, простые люди уж точно. И самое главное, это было бы даже гуманно. По отношению к аристократии, по крайней мере. Существует огромное количество разного рода документально подтвержденных свидетельств, что ее представители в то время имели бледный вид, часто болели, кашляли, рано умирали, сходили с ума, спивались, нюхали кокаин и вообще всячески вырождались. И потому они, а вовсе не пролетарии, в первую очередь нуждались тогда в поддержке и защите.

В этом отношении я полностью согласна с Жаном Жене, который говорил, что человек искусства всегда должен быть на стороне слабых. Именно такими и были в девятнадцатом веке аристократы, а вовсе не пролетарии с их бычьими шеями и накачанными ежедневным физическим трудом бицепсами.

Представитель Русской православной церкви разъяснил телезрителям смысл человеческих страданий.

Летом, приезжая на дачу, я постоянно слышу доносящиеся до меня из-за ограды голоса соседей. В основном они сюсюкают друг с другом и своими детишками. И еще имеют обыкновение громко рассуждать вслух о том, какую еду они намереваются сожрать. С особым упоением это делает живущая справа баба, которая обычно хорошо поставленным театральным голосом перечисляет блюда на обед и ужин своей мамаше, называя ее не иначе как «мамо». Иногда она обращается еще и к «папе», но так, я поняла, она зовет своего мужа. Причем я почти не сомневаюсь, что эти небольшие представления она устраивает специально, чтобы достать меня. Поскольку она уже несколько раз выражала недовольствие моей мамаше, когда та туда приезжала, что я не здороваюсь с ней и другими соседями. Кроме того, когда-то она работала в редакции журнала «Молодой коммунист», и у нее на редкость гнусная физиономия. Так что я у нее, наверняка, вызываю такую же неприязнь, как и она у меня. Люди, по моим наблюдениям, обычно видят и воспринимают друг друга, почти как в зеркале...

И тем не менее, несмотря на все эти старания, я еще ни разу не испытала даже намека на зависть к этим обитающим вокруг меня на даче сытым и довольным собственным существованием личностям. Наоборот, их присутствие там очень сильно омрачает мое пребывание на свежем воздухе вдаль от городской суеты. В результате я даже в последнее время стараюсь ездить туда гораздо реже, чем раньше, главным образом, когда в городе становится совсем невозможно находиться из-за духоты.

Так что я никогда не завидовала чужому благополучию, и сама особенно к нему не стремилась. В этом отношении я за себя спокойна.

В полной мере это относится и к религии. Если бы в верующих, церкви, религиозной литературе – необязательно сегодня, а хотя бы в далеком прошлом или будущем – было что-то интересное, загадочное, непонятное для меня, нечто такое, что могло бы меня хоть немного заинтриговать, какой-то новый и необычный опыт, то я бы уже давно не задумываясь обратилась в какое-нибудь вероисповедание, надела на себя платок, хиджаб или что там еще в подобных случаях напяливают себе на башку бабы, а, может быть, даже и сама переселилась в Иран или Индию...

Но, увы, от одного только слова «бог» и всего, что с ним так или иначе связано, меня клонит сегодня в сон даже больше, чем от моих соседей по даче с их детишками, завтраками, обедами и ужинами.

Сегодня мне пришла в голову гениальная идея. Многие романтически настроенные личности, особенно поэты, часто сетуют, что у подавляющего большинства окружающих их людей полностью отсутствует чувство прекрасного. До самого последнего времени я тоже склонялась к подобной мысли. Однако, на самом деле, это не так. В мире нет человеческих особей равнодушных к красоте! Просто у каждого индивида имеются свои представления о ней, вот и все.

Тем не менее, в музеях или же в филармонии посетители обычно ведут себя достаточно тихо, из-за чего по их внешнему виду бывает крайне сложно догадаться об их подлинном отношении к тому, что они там видят и слышат. К высказываемым ими вслух мнениям также нельзя относиться всерьез. Оказавшись перед Моной Лизой большинство из них заявят, что лицезреют красавицу и чуть ли не само совершенство, просто потому что их с детства приучили к такой мысли. Так что это не показатель. Зато во время демонстрации комедий или же при появлении клоунов на арене цирка в зале, как правило, слышен громкий и совершенно непосредственный смех. При этом эстетические пристрастия присутствующих на выступлениях известных сатириков зрителей, к примеру, почти всегда полностью совпадают... Так вот, сталкиваясь с этим и другими подобными феноменами, я постепенно пришла к выводу, что между чувством юмора и чувством прекрасного существует глубочайшая и, я бы даже сказала,

неразрывная связь, поскольку два этих качества неизменно присутствуют в каждом человеке практически неотделимо друг от друга, а иногда даже сливаются в одно.

Не исключено, что это обусловлено еще и физиологически, так как рецепторы восприятия комического и прекрасного в человеческом мозгу располагаются где-то по соседству, хотя данный факт я для себя пока и не уточняла, но это и не важно. Главное, что такая, установленная мной путем многолетних наблюдений, близость позволяет выяснить, как тот или иной индивид искренне и без посторонних влияний представляет себе красоту – для этого достаточно проследить его реакции на различные шутки. В этом и заключается основополагающий принцип изобретенной мной методики, при помощи которой уже в ближайшее время, я не сомневаюсь, можно будет пролить свет на многие остававшиеся долгие годы туманными и загадочными явления.

Поставим, к примеру, несколько специально обученных сотрудников у дверей церкви, и пусть они проведут там что-то типа опроса. Начать можно с самого элементарного: показывать выходящим со службы прихожанам палец, корчить всякие рожи, – а уже потом, постепенно, шаг за шагом, как бы поднимаясь по ступеням, усложнять задание и начинать исполнять комические куплеты, частушки, декламировать прибаутки, анекдоты и даже цитаты из мировой классики, если вдруг возникнет подобная необходимость... И как только человек засмеялся или же хотя бы улыбнулся, делать в специальной таблице с уровнями восприятия юмора пометку и переключаться на следующего. И так, на основании этих данных, когда их наберется достаточное количество, можно будет составить себе представление, как в реальности – а не в чьих-то там болезненных видениях, фантазиях и снах – выглядит Бог. То есть получить что-то типа фоторобота, какие обычно создают в триллерах полицейские на основании показаний случайных свидетелей, когда разыскивают маньяков. После чего портрет заносится в компьютер, где сопоставляется со своего рода эталоном, который был ранее создан на основании опроса личностей, реагирующих исключительно на самый тонкий и неуловимый для большинства обычных граждан юмор. Их сознательные суждения по умолчанию считаются заслуживающими внимания. Поэтому они напрямую высказываются о своем эстетическом идеале, называя имена любимых моделей, кинозвезд и телеведущих, из фотографий которых затем и выводится обобщенный портрет, принимаемый за образец.

В результате, у человечества наконец-то появится возможность объективно оценить, насколько совершенным является Бог, которому поклоняются опрошенные на выходе из нескольких наиболее репрезентативных для данного эксперимента храмов верующие. Далее можно будет сравнить Бога с Аллахом, потом – с Буддой или даже Лениным, Гитлером, Махатмой Ганди, Нельсоном Манделой, да той же Моной Лизой, наконец... .

Думаю, не стоит объяснять, как это важно, ведь тут речь идет о самом Боге. И это только всего лишь одно из множества применений изобретенного мной метода идентификации красоты!

Все продавщицы в Гостином нацепили на себя георгиевские ленточки в виде пугающих размеров бантов. Еще недавно там вроде бы работали интеллигентные дамы пенсионного возраста, а теперь контингент словно полностью подменили и вместо них расставили здоровенных деревенских баб, напоминающих чурбаны. Лица у всех чрезвычайно серьезные, голоса проникновенные, всем своим видом они показывают, что готовы услужить покупателю, однако при этом стараются не уронить собственного достоинства. Мало того, какой-то плешивый тип в жилетке в оранжево-коричневую полоску, которого я сначала приняла за охранника, вдруг сорвался с места и извиваясь всем телом попытался мне помочь, когда я села примерить туфли. Он тоже оказался продавцом, а меня от неожиданности чуть инфаркт не хватил...

Черт! Раньше я думала, что меня раздражает вульгарность окружающих, но теперь поняла, что, наверное, это не совсем так. Мне бы хотелось, чтобы вокруг были более-менее утонченные личности, а я бы доставала их своими вызывающим поведением и нарочито грубыми манерами. Они с тобой сюсюкают, заискивающе улыбаются, а ты делаешь вид, будто вообще их не замечаешь, поворачиваешься спиной или даже нечаянно отодвигаешь в сторону плечом, чтобы не болтались под ногами... . Поэтому меня и выводят из себя примитивные дебилы, которые повылезали сейчас буквально изо всех щелей. Таких ничем не прошибешь!

Писатели, мне кажется, тоже делятся на более-менее гуманных личностей и мокрушников. Духовность духовностью, а тут они мало чем отличаются от своих читателей. В конце концов, они тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

У меня в книгах, в частности, еще ни одного персонажа, по-моему, не убили. Ну, разве что совсем второстепенных, на которых я и сама не обращаю особого внимания. В этом отношении мне из русских писателей ближе всех Гоголь, наверное, у которого только Тарас Бульба, насколько я помню, переступает роковую черту. И то его поступок больше обусловлен законами батального жанра, чем прихотью автора: описывая войну, невозможно обойтись совсем без жертв. При этом Гоголь, безусловно, любил бездыханные тела и всегда с особым упоением их описывал. Однако сам он никого в такое состояние не приводил и предпочитал пользоваться уже готовыми для описания объектами. Главный герой "Вия" и тот становится жертвой исключительно собственного страха при виде потусторонней нечисти. На мой взгляд, в подобном отношении к покойникам присутствует даже определенный гуманизм, так как писатель уже умерших существ невольно как бы снова возвращает к жизни, в том числе и превращая их в вурдалаков и упырей и заставляя таким образом шевелиться и ходить, как обычные люди. Тут Гоголь, скорее, следует за Иисусом Христом, который также известен тем, что вытаскивал из-под земли и воскрешал мертвецов... А взять того же Достоевского, так у него фактически всегда хоть кого-нибудь да прикончат. Без этого, похоже, он просто не получал удовлетворения от творческого процесса, несмотря на все свои разглагольствования про слезу ребенка и т.п. Особенно ему удалась сцена с топором, старушкой и ее сестрой – сразу видно, что автор там оттянулся по полной программе, отвел душу, так сказать.

Но больше всего меня в этом смысле удивляет Толстой, также известный своим высоконравственным отношением к окружающим. Я, в частности, до сих пор так и не поняла, почему у него в «Войне и мире» князь Андрей гибнет. Сначала, если мне память не изменяет, его ранили, он лежит под дубом, размышляет о суетности этого мира, а затем вроде поправляется, все в порядке... Однако через какое-то время вдруг – раз, и читатели узнают, что его все-таки убивают. А ведь они так долго с волнением за ним следили, предвкушая его скорое возвращение домой, встречу со своей избранницей и их бракосочетание. Зачем? Для чего? У Достоевского, по крайней мере, каждое убийство обусловлено сюжетной канвой, а тут?.. Автор просто не удержался и не смог отказать себе в маленьком удовольствии. Иного объяснения я не нахожу.

Смешно, но только сейчас я, кажется, до конца осознала, в чем заключается сущность гениальности. Чем больше на человека в течение жизни накладывают отпечаток всякого рода проблемы, неудачи, болезни, нищета и прочие негативные явления, которых он сам специально никогда бы не стал себе желать, тем сильнее в его творчестве выражено иррациональное, ускользающее от обыденного понимания, магическое начало. Личности же, добившиеся всего, к чему стремились – бабок, известности и т.п. – на их фоне выглядят совершенно банальными персонажами, поскольку они сформировались и устроились без какого-либо вмешательства потусторонних сил.

И самый главный изъян, которым должен быть отмечен гений, заключается в том, что изначально он не имеет никаких задатков к занятию искусством. Все писатели, к примеру, обычно умеют правильно составлять слова в фразы и предложения, а гений – нет. Да и умом, он, как правило, тоже особенно не блещет. Очевидно, что никто из тех, кто решил себя посвятить сочинению книг, не станет радоваться отсутствию подобных качеств и, тем более, сознательно их в себе изживать. Поэтому эти дефекты и являются своего рода даром, данным человеку свыше, и именно в них ярче всего проступает сверхчеловеческая природа творчества отдельных избранных, позволяющая им возвыситься над собратьями по перу.

Представим себе полного дебила с капающей изо рта слюной, который вообще ни фиги не знает и не умеет, и вдруг ему присуждают Нобелевскую премию, например! Ясно, что такой персонаж способен пробудить в окружающих настоящий священный трепет. Не меньше, чем новый Мессия, я думаю.

Поэтому подобные личности крайне редко удостоиваются прижизненного признания и, тем более, каких-либо литературных наград. Просто все чувствуют, какой эффект это вызовет в обществе, и из зависти строят против них всяческие козни и интриги. Кроме того, обывателям

важно, чтобы в этом мире все было обставлено более-менее прилично и выглядело логичным и справедливым.

Большинство же самых гениальных индивидов, отмеченных свыше максимальным отсутствием способностей, скорее всего, и вовсе так и остаются совсем никому не известными. Их гнобят соседи по лестничной площадке и коммунальной квартире – в самом начале их творческого пути, можно сказать.

Религиозным чувством можно познавать метафизический мир, убежден патриарх Кирилл.
Так и есть. Я тоже давно заметила, что верующие по степени тупости вполне сопоставимы с философами.

В калининградском магазине вор-диабетик объелся конфет и потерял сознание.

В сущности, человеческая жизнь в чем-то подобна арифметической задаче: не то чтобы совсем легкой, но и не такой, чтобы уж совершенно неразрешимой, если немного напрячься, то ответ вполне можно найти.

Однако некоторые личности вместо того, чтобы сосредоточиться и, выполнив сравнительно несложное домашнее задание, пойти себе куда-нибудь в кино, погружаются в мир призраков, плодят кучу каких-то бессмысленных фантазий и домыслов о том, с чем они по какой-то причине не смогли справиться, засоряя мозги других людей совершенно безумными теориями и измышлениями фактически по любому, самому ничтожному поводу... Вот они и вносят в этот мир главную путаницу. Мало того, вся их жизнь представляет собой одну сплошную истерику, при этом они абсолютно не врубаются, насколько комично выглядят со стороны.

Таким был, в частности, Ленин.

Чем занимаются, к примеру, сегодня представители такой гуманной профессии, как врачи? Главным образом, сбором информации при помощи разного рода технических средств типа рентгеновских аппаратов и химических лабораторий. Как только поступление всех показаний будет закончено, каждый объект исследования должен быть готов к тому, что никаких реальных способов борьбы с обнаруженным у него недугом у медицины нет, или же личности, столкнувшиеся с аномальными отклонениями цифровых данных, элементарно окажутся не в состоянии вмешаться в работу техники и вынести собственный вердикт. Так что весь смысл присутствия человека в сборе всех этих чисел и снимков сводится в основном к чистой имитации некой осмысленной деятельности – на самом деле, его место уже сейчас вполне мог бы занять компьютер, обрабатывающий данные, поставляемые другими автоматами.

Примерно по той же схеме осуществляется и функционирование современных издательств, где ключевую роль с некоторых пор играет вовсе не человек, а печатный станок, тиражирующий книги различных авторов. Те из них, кто к настоящему моменту уже получил ярлык «классика» и «великого», периодически отправляются в печать, дабы восполнить возникающий время от времени в магазинах дефицит их произведений, который также определяется путем несложных вычислений, а остальные, подобно мелким частицам и зернышкам, пропускаемым через слишком крупное сито, проваливаются в пустоту полного непонимания и безразличия со стороны всех участников литературного процесса, включая критиков, литературоведов и читателей. И только случайный сбой или даже чья-то ошибка, как правило, не имеющие абсолютно никакого отношения к содержательной стороне творчества того или иного автора, позволяет отдельным счастливым задержаться на поверхности и отправиться в типографию вслед за общепризнанными «гениями».

О том, как в наши дни работают правоохранительные и судебные учреждения, я даже не говорю...

Короче, все идет к тому, что уже в ближайшие десятилетия ряд общественно-полезных функций человечество окончательно возложит на роботов. И со многими обязанностями, я уверена, те будут справляться профессиональнее, чем люди. А врачи, издатели, полицейские и юристы и вовсе могут получиться близкими к идеалу, если их, разумеется, правильно

предварительно отрегулировать и настроить. Компаниям-производителям таких автоматов нет никакого смысла штамповать заведомо бракованных кривобоких уродов, поскольку даже чисто технически им будет легче соорудить симметричный костяк и запустить его на конвейер. Поэтому внешне от человека они отличаться, если и будут, то, скорее, тоже только в лучшую сторону. Однако, несмотря на все эти преимущества, как только подобные перемены в социуме станут необратимыми, почти наверняка, тут же появится множество художественных и философских сочинений, где будет всячески мусолиться идея о достоинствах былых времен, когда Землю населяли исключительно существа из плоти и крови, а не манекены из силикона, алюминия и пластика. И само собой, в основном писателям и мыслителям будущего начнет не хватать тепла, любви и душевности в общении с окружающими их киборгами.

Все это совсем несложно реконструировать: достаточно взглянуть, как ведут себя в наши дни мыслители и поэты, рисующие идиллические картины человеческого бытия в девятнадцатом столетии, Средние века или же Древней Греции. Притом что представители тех эпох не имели ни автомобилей, ни самолетов, ни телевизоров, да даже мобильных и фотоаппаратов у них не было. То есть они отставали от современных людей фактически во всех областях человеческой деятельности и вместо того, чтобы слетать на неделю на Канары, к примеру, вынуждены были десятилетиями жить среди остопиздевших им с детства унылых пейзажей или же тащиться туда на паруснике, месяцами созерцая вокруг себя одни и те же тупые рожи своих попутчиков. Не говоря уже о том, что время, в котором я сейчас живу, тоже потенциально является прошлым для родившихся через сто лет, например. Но от этого оно вовсе не становится более гармоничным, трогательным, исполненным тепла, искренности и других качеств, которыми, с большой вероятностью, начнут его наделять обитатели двадцать второго столетия...

Люди, я уже давно заметила, склонны сильно преувеличивать свои способности что-то чувствовать или, как многие еще любят говорить, «переживать». Нет, если в кого-то ткнуть иголкой, то он, конечно, ощутит болевой эффект, однако это касается исключительно его самого, тогда как окружающим от его ощущений ни холодно и ни жарко. А в остальном «живого» и «человеческого» в человеке не больше, чем в Боге «божественного», например. То есть фактически тут присутствует некий оптический обман, связанный с написанием обозначающих данные объекты слов, за которыми, в действительности, вообще ничего не стоит. В реальной жизни, какими бы словами они сами себя не называли, люди обычно ведут себя, совершенно как автоматы, ничего вокруг не замечая и ни на кого не реагируя.

Мало того, уже сегодня человек проигрывает компьютерам в шахматы, поэтому искусственный интеллект хотя бы чисто теоретически еще есть шанс запрограммировать на какие-то неожиданные шаги и непредсказуемые реакции хотя бы на бытовом уровне, а, возможно, и на более-менее необычные суждения по поводу политических и культурных событий... С этой точки зрения роботы представляются мне куда более перспективными и интересными созданиями по сравнению с людьми. Так что будущее, если и существует, то разве что для людей будущего, оказавшихся в окружении человекоподобных киборгов и исключительно благодаря их появлению. Тогда как в применении к людям о нем говорить просто смешно – они уже настолько себя исчерпали, что все их слова, мысли и поступки можно без проблем заранее предсказать на сотни лет вперед.

Складывается довольно забавная ситуация. У современного человека будущего нет, а у людей будущего оно имеется. С точки зрения банальной логики такого, очевидно, быть не может, поскольку формально будущее для будущего одновременно является таковым и для настоящего. Однако, на мой взгляд, ситуация сейчас именно такова. И это, по-моему, даже круче, чем Ахилл, устремившийся за черепахой. Раньше люди элементарно не доживали до грядущих веков, а теперь они стали опережать самих себя.

Вчера на Невском, перед Катькиным садиком, старуха в длинном грязном зипуне серо-коричневого цвета, с ярко нарумяненными щеками и круглой картонной коробкой на башке, на которую сверху была навязана ярко-голубая нейлоновая косынка с желтым и синим блестящим люрексом, пугала прохожих воплями: «В театры идете? На концерты? Сериалы смотреть? Покайтесь! Покайтесь! Конец света наступит!..» При этом она как-то умудрялась еще хватать проходящих мимо людей за рукава, ни разу не выпустив из рук двух новеньких полиэтиленовых пакетов с надписью «Гостинный двор», из одного из которых свисало грязное тряпье, а из другого торчали смятые

бумажки. А сегодня, когда я шла мимо Елисейского, я опять ее увидела, правда, на сей раз она переместилась поближе к Публичной библиотеке и, продолжая все так же истошно орать, нарезала круги вокруг мужика и бабы, выряженных в костюмы Петра и Екатерины...

Впрочем, все это только цветочки. Настоящая вакханалия начнется в мае, и тогда я бы, конечно, предпочла хотя бы на время куда-нибудь свалить из города. Чтобы не видеть особо гнусных постных рож, которые, наверняка, в это время в большом количестве повазляются на улицу. Да и просто, чтобы не испытывать лишней раз судьбу. Всерьез думаю сейчас о том, чтобы купить себе горящий тур, но тоже желательно туда, где сейчас не бомбят и не предвидится землетрясений.

В детстве я читала у Джека Лондона, что некоторые предусмотрительные личности, оказавшись в заснеженной тундре, на ночь окружали себя огненным кольцом из множества костров, и таким образом спасались от голодных волков. Смешно, но даже волки какие-то границы все же признают и оставляют своим потенциальным жертвам шанс на выживание. А когда имеешь дело с отморозками, которым до лампочки и Вагнер, и Селин, и Жене, и де Сад, то есть фактически не существует вообще ничего святого, то приходится полагаться только на себя.

Не исключено, кстати, что не только здесь и сейчас, но и в ином мире, если таковой существует, тоже в первую очередь поощряются блокадники, ветераны, многодетные мамы, пролетарии и верующие. То есть вечность – это царство такой растянутой во времени бесконечной простоты под руководством доброго Бога. Я лично вполне могу себе такое представить. И когда об этом подумаешь, то, тем более, хочется получить хоть немного удовольствия от малейших проблесков сложности и чего-то необычного, которые иногда попадают тебе в жизни. Пусть они будут совсем временными, мимолетными и преходящими, но, все равно, даже крошечные мгновения красоты, мне кажется, и то способны перевесить целую вечность унылого однообразия.

Семьдесят лет долбить про классовую борьбу и вдруг заткнуться, а потом с такой же непосредственностью переключиться на геополитику... По-моему, в подобном поведении присутствует нечто смешное и даже неприличное. Представила себе на мгновение, что я посвящаю свою жизнь служению постмодернизму, например. Даже если бы я и не призывала никого мочить во имя этой великой идеи, то, все равно, это было бы забавно.

Простые люди, по моим наблюдениям, взирают на философов прямо, как кролики на удавов. Есенин всю жизнь мучился, что так и не сумел сесть за «Капитал». И в результате начал сильно пить, а затем и вовсе повесился. Бедный.

Не все понимают и ценят мой гуманизм, но во многом с учетом таких вот печальных судеб я и решила стать декаденткой. Декаданс – это вечное, конечно. Но самое главное, он совершенно не привлекателен для выходцев из сельской местности.

Обнаружила сегодня, что на календаре у меня над столом в апреле оказался один лишний день – 31-е, пятница. Пришлось вычеркивать ручкой. Весь апрель никому не верь, не бойся и не проси!

Что-то старые фильмы в последнее время я смотреть совсем не могу. Только начинаю и обычно сразу выключаю. Особенно голливудские: и актеры вроде – не уроды, и играют неплохо, но постоянно изрекают какие-то банальности, причем облаченные в форму парадоксов. Советские в этом отношении даже повеселее – там персонажи говорят одни сплошные глупости. Единственное, они какие-то совершенно не декадентские, а в основном про колхозы и фабрики.

Часто приходится слышать, что животные умнее человека. Притом что животные не так уж и умны: они не умеют читать, например. Просто люди порой оказываются еще глупее.

В последнее время, куда бы я не зашла, практически в любое огороженное четырьмя стенами замкнутое пространство, мне почти сразу же хочется побыстрее его покинуть. И все потому, что, даже бегло окинув взглядом собравшихся там людей, я начинаю чувствовать, что в случае слишком долгого пребывания в таком окружении меня ждет нечто раздражающее, какой-то конфликт или же неблагоприятный для меня финал, из-за которого я все равно буду вынуждена оттуда уйти. Причем это касается даже не литературных собраний, участники которых выходят на сцену и начинают излагать некие чуждые мне мысли, а просто при посещении магазина, например, где покупатели вообще ничего не говорят, но, все равно, как-то специфически одеты, причесаны, шевелят руками, перемещаются с тележками и, таким образом, тоже невольно выдают враждебные мне настроения и намерения, которые в любой момент могут дать о себе знать, вне зависимости от того, сознают они их сами сейчас или нет...

Жизнь – это борьба стилей. Однако философы пытаются представить ее как противостояние идей. Этим они напоминают мне священнослужителей, которые, чтобы не лишиться кормушки, внушают людям, будто самым главным для них являются Бог и вопросы веры. Не могу сказать, что я их совсем не понимаю или же осуждаю. Если бы я, к примеру, была фермером и выращивала огурцы, то тоже, скорее всего, считала, что человек не в состоянии без них прожить. Ну, или, по крайней мере, без овощей... А доводы философов и священников вызывали бы у меня снисходительную улыбку.

Размышляя об этом сегодня утром, я пришла к выводу, что, возможно, напрасно недооцениваю крестьян, сапожников, химиков, врачей, космонавтов, плотников и представителей других, далеких от искусства профессий. Среди них у меня, наверняка, есть множество потенциальных союзников, воспринимающих так называемую духовность как лишнюю всякого смысла и даже вредную пустоту, отвлекающую человека от куда более важных и значимых вещей.

Надо признать, что в советские времена у гения, случайно родившегося в рабочей семье, например, были хоть какие-то шансы выжить. С таким счастливецом достаточно долго сюсюкали, не сразу отчисляли из ВУЗа, а в отдельных случаях даже могли принять и в СП – на некоторое время, по крайней мере, если он не слишком выставлял напоказ свою гениальность и вел себя более-менее скромно. Сегодня же наиболее тупые представители человеческого рода стали объединяться без каких-либо формальных признаков и критериев, а подчиняясь исключительно собственным инстинктам и интуиции. Что серьезно усложняет положение индивидов, отличающихся от них по своему психическому устройству.

Я бы сравнила такой процесс с эволюцией штаммов некоторых опасных для человеческого организма заболеваний типа гриппа или же оспы, способных вызывать массовые эпидемии. В какой-то момент начинает казаться, что человечество с ними справилось, и они остались где-то в далеком прошлом, и вдруг выясняется, что появилась еще одна разновидность, не реагирующая на найденные когда-то вакцины и лекарства. Вот так и тупые личности в наши дни значительно поумнели и стали совершенно невосприимчивы к традиционным методам борьбы с ними. Необходимо искать новые, более радикальные средства.

Дополнительная сложность нынешней ситуации заключается еще и в том, что человеку, родившемуся гением, нет никакого смысла развиваться в ту или иную сторону: становиться умнее или, тем более, глупеть, чтобы выжить. Кому нужен, например, совершенно непробиваемый и тупой гений? Или же такой, что считает себя умнее всех? Его творчество сразу же утратит всякую привлекательность для ценителей прекрасного и коллекционеров произведений искусства.

В 2011 в Воронеже рассматривалась возможность переименовать одну из улиц в улицу Мандельштама. Однако из-за протестов жителей, не желавших заниматься переоформлением прописки и документов, от переименования решили отказаться...

А кто-то считает, что в России нет гражданского общества и ее жители не способны отстаивать свои интересы.

Все мечтают стать фашистами, но мало кому это удается. Большинству приходится быть антифашистами.

Вальпургиева ночь накануне Международного дня труда – казалось бы, всего лишь последовательное перечисление времен суток, получивших специфические названия по абсолютно не зависящим друг от друга причинам, но все равно какая-то странность в этих поставленных в определенном порядке словах присутствует. Любого, кто их произнесет, можно заподозрить, что он над кем-то решил посмеяться, например, даже если это будет не человек, а робот... Бывают такие моменты или же ситуации, возникшие из-за совершенно случайного стечения обстоятельств, без какого-либо умысла называя которые, ты вдруг отчетливо начинаешь понимать, почему многие люди так не любят слова, и предпочли бы обходиться совсем без них. То есть просто жить и все, чтобы их ничто не отвлекало от этого процесса. Точнее в самих словах, в сущности, нет ничего плохого, но у каждого из них имеется еще какой-то смысл. Вот его присутствие всех и раздражает, мне кажется.

Именно для этого, вероятно, человечество и изобрело Бога: чтобы лишние смыслы не мешали людям просто существовать и делать все, что они захотят. То есть Бог выполняет функцию своего рода черной дыры или даже пылесоса, при помощи которого отсасываются раздражающие людей смыслы. Стоит только какому-нибудь индивиду произнести слово «бог», как все неприятные оттенки и нюансы в описании ситуации, в которой он оказался, как по мановению волшебной палочки, улечиваются. Можно спокойно извращаться, кривляться, кувыркаться, да хоть на ушах стоять – Бог позволяет людям чувствовать себя совершенно свободными, не напрягаться и ни о чем не думать, так как его присутствие в этом мире лишает человеческую жизнь всякого смысла. А только отсутствие смысла и способно сделать человека по-настоящему безмятежным и счастливым.

Раньше я об этом не задумывалась, но теперь понимаю, как мне, видимо, не повезло, что среди переведенных мной на русский авторов фактически нет таких, кто целиком посвятили бы свои книги Богу. Работа над их произведениями, наверняка, отняла бы у меня куда меньше сил и времени. Даже если писатель не слишком умен, ты все равно обычно возишься с его жалкими мыслями и рассуждениями, пытаешься сохранить смысл, который он вкладывает в свои слова. А если бы он говорил о Боге, то большинство сложностей, скорее всего, отпали бы сами собой.

Правда, в свое время, когда я сильно нуждалась в деньгах, я все же перевела книгу одного немецкого религиозного философа. Не могу сказать, что это было так уж легко. К тому же в той книге, помимо Бога, было еще довольно много философской терминологии. И все-таки, немецкий у меня стоит где-то на четвертом или даже пятом месте, и при таком уровне знания языка, если бы речь шла, к примеру, об авторе, вроде Селина, я бы с подобной работой вряд ли тогда справилась. У Селина в книгах слишком много тонкостей и нюансов, и совсем нет никакого Бога.

Я думаю, что в двадцатом столетии на фоне расцвета массовой культуры, как бы по контрасту с ней, практически во всех видах искусства развился еще один новый жанр, который можно условно обозначить словом «гениальное». И с этой точки зрения – если говорить о гениальности в таком качестве – то, наверное, можно даже оценивать произведения, созданные в подобном жанре как удачные, интересные, спорные, оригинальные, посредственные или же полностью бессмысленные и невыразительные. Таким образом, получается, что гений в наши дни может быть забавным, не лишенным способностей, более-менее профессиональным, старательным, глупым, умным, талантливым и совсем бездарным. Но возможен ли гениальный гений? Не будет ли означать появление такого писателя или же художника завершение самого этого жанра? Поскольку в прошлом некий гений уже породил кучу продолжателей, устремившихся в заданное им русло, то сможет ли еще один гениальный гений работать в жанре, созданном другим гением, без последствий для самого этого жанра?

Кроме того, любой писатель, например, занимающийся сочинением детективов, триллеров или женских романов обычно как бы по умолчанию отказывается от звания гения. Все знают, что жанровое искусство существует ради удовлетворения вкусов толпы. Тогда как автор, избравший

для себя жанр гениального, наоборот, причисляет себя к гениям вне зависимости от своих реальных способностей и качества создаваемых им произведений. Правильно ли это? Не следует ли и личностям, работающим в таком жанре, по примеру создателей детективов и дамских романов, тоже отказаться от этого высокого звания? Только в этом случае, мне кажется, можно будет избежать появления нового гениального гения и связанного с ним риска исчезновения такого важного и необычного жанра современного искусства как «гениальное». В сегодняшнем мире не только толпа, но интеллектуальная элита также должна иметь гарантированную возможность удовлетворять свои эстетические потребности.

Зоопарк в Японии принес публичные извинения за то, что родившуюся там макаку назвали Шарлоттой – в честь новорожденной британской принцессы.

Для того, чтобы человеку искусства стать гением, от него требуются достаточно длительная и кропотливая работа над собой. Просто родиться вундеркиндом и сходу запорхать в таком качестве не получится. А некоторые, я заметила, сегодня и вовсе решили, что пара критиков про тебя напишут, и все, больше напрягаться не стоит, ты уже гений. С циничной точки зрения, возможно, это и так – для безмозглой толпы этого хватит. Но для того, чтобы запечатлеться в вечности и удовлетворять требования более утонченных ценителей прекрасного, придется еще поработать.

И самое главное для гения – это постараться максимально очиститься от всех посторонних фактов, событий и явлений в своей жизни, которые бы отвлекали зрителей и слушателей от восприятия созданных им произведений. То есть, если поэт сочинил стихотворение, к примеру, то все должно быть сосредоточено исключительно на том, как там расположены слова, какие необычные образы, рифмы и аллитерации в нем присутствуют, а не думать, что имеют дело с произведением человека, который спас из проруби утопающую девочку, например. А если речь идет о музыканте, то в уши слушателей тоже должна литься чистая музыка, не замутированная никакими посторонними ассоциациями. С этой точки зрения гениальность в чем-то подобно драгоценному металлу, ценность которого также зависит от наличия или отсутствия в нем каких-либо примесей.

Наибольшую опасность для гения, на мой взгляд, как раз и представляют разного рода героические поступки, которые, по моим, наблюдениям сильнее всего отвлекают слушателей, зрителей и читателей от книг, картин и симфоний. Так что если кто и вытащит случайно ту же девочку из ледяной воды, то желательно, чтобы об этом факте никто никогда не узнал, особенно потомки. В противном случае такому несчастному с творческой деятельностью можно сразу завязывать. На все, что он пишет, рисует или поет, никто уже внимания обращать не будет, а при одном только упоминании его имени все сразу начнут смахивать слезу умиления и представлять себе эту девочку: как она там несчастная барахталась, выбиваясь из последних силенок, а он не побоялся и за ней прыгнул... Чтобы избавиться от таких помех ему придется разве что кого-нибудь самому замочить. В частности, выкрасть девочку приблизительно того же возраста из коляски и бросить обратно в прорубь, чтобы максимально все уравновесить, так сказать. Но к чему такие крайности? Тут у любого человека сразу же может возникнуть куча дополнительных проблем, хотя и совсем другого рода. Все-таки этот акт нужно будет осуществить при большом скоплении публики, чтобы все о нем потом говорили, знали и помнили. А среди зрителей ведь почти наверняка найдутся такие, что позвонят в милицию... После чего оказавшийся в центре всеобщего внимания субъект рискует лишиться чисто физической возможности создавать новые произведения искусства. Так что все героические порывы претенденту на роль гения лучше пресекать в себе на корню, максимально себя сдерживать, никуда не прыгать, никого не спасать, не дергаться и вообще стараться, как можно меньше обо всем этом думать, полностью сосредоточившись на прекрасном.

А в качестве профилактики, как только тот или иной индивид почувствует тягу к какому-либо виду творчества, ему следует сходу приниматься потихоньку гадить окружающим его людям. Начинать можно прямо со своих близких родственников, с мамы, например, а потом уже переключаться и на остальных. Особое внимание тут стоит уделить писателям, которые имеют обыкновение оставлять мемуары о своих коллегах по перу. Как увидишь кого-нибудь из них, пусть

даже на улице, необходимо постараться наступить ему на ногу или же, проходя мимо, как бы случайно подтолкнуть на проезжую часть. То есть не пренебрегать даже мелочами и не упускать ни одной возможности. Ну, а если тебя вдруг пригласят в гости или же на какое-нибудь собрание, там уж можно развернуться по полной: с шумом двигать стульями, шуршать бумажками, разбить пару тарелок подороже, не забывать плюнуть кому-нибудь в пластиковый стаканчик во время фуршета, а уходя прихватить с собой чей-нибудь кошелек или же пару серебряных вилок. Особо рисковать не стоит, чтобы не омрачать свою жизнь дополнительными сложностями и разборками с правоохранительными органами, а действовать, подчиняясь принципу минимализма. Тут важнее всего именно результат. Чтобы у потомков не осталось ни малейшего сомнения, что они любят и ценят тебя исключительно за гениальность и не в состоянии оторваться от чтения твоих книг, несмотря на дошедшие до них воспоминания современников, где ты предстаешь в качестве маньяка-извращенца. А не потому, что ты был добрячком, имел кучу друзей и помогал своим ближним...

Помимо героизма и всяких добрых дел гению необходимо скрывать от окружающих экстрасенсорные способности, если таковые вдруг у него обнаружатся, а также любые признаки святости и снизошедшей на него благодати. В принципе, на практике подобные явления замутняют образ гения гораздо реже, чем героические поступки, но, все равно, на всякий случай подстраховаться не мешает. Если кого-то во сне, к примеру, посещают видения с телами жертв, замученных серийным убийцей, которого разыскивает милиция, не стоит никому звонить, даже их родственникам. Надо просто взять себя в руки и успокоиться – пусть этим вопросом занимаются компетентные органы. И, само собой, если писатель вдруг начнет исцелять больных и, тем более, воскрешать мертвецов, на своем литературном творчестве ему сразу можно ставить крест. Не говоря уже о ситуации, чтобы он сам выскочил из гроба и на глазах у нескольких свидетелей поскакал на небеса. Такой вариант я даже не рассматриваю.

Все люди находятся в каких-то отношениях, живут парами, расходятся, потом опять встречаются и, наверняка, что-то чувствуют... И вдруг появляется некто и объявляет, что он в кого-то влюблен, и таким образом привлекает к себе всеобщее внимание. Мало того, начинает всячески выискиваться, рассказывать всем о предмете своего обожания, то принимает трагические позы, называет себя самым несчастным, то, наоборот, порхает на крыльях вдохновения и, наконец, начинает сочинять стихи... В качестве примера можно вспомнить того же Петрарку с Лаурой, с которой он, говорят, даже не был толком знаком, а в результате получил за свои кривляния определенные дивиденды и прославился в веках. Причем практически ни за что, на пустом месте, можно сказать. Из-за того, что объявил вслух о своих чувствах, которые, скорее всего, и другие люди испытывают друг к другу, но просто стараются их особенно не афишировать.

Разве это справедливо? Блокадников или же ветеранов, которым нечего больше предъявить окружающим, кроме своего случайного участия в определенных событиях, еще можно понять. Большинство из них вынуждены цепляться за такие жалкие факты, чтобы хоть как-то выжить в этом мире и получить надбавку к пенсии. Но человек образованный и претендующий на роль гения до подобных приемов опускаться не должен, мне кажется. Писать о любви, я хочу сказать.

Вчера зашла в Стокманн на Невском, а когда направилась к выходу, в какой-то момент даже испугалась, что так и останусь там до ночи: весь проспект заполнила толпа, которой не было видно конца и края. Перейти на другую сторону, чтобы вернуться домой, было совершенно нереально: люди толкались и терлись друг о друга, прямо как сельди в бочке. Причем их количество продолжало расти, и концентрация человеческих тел, соответственно, тоже все время увеличивалась. Сквозь стекло и полуоткрытую дверь до меня доносились крики, хрипы, пьяный хохот и обрывки нецензурной брани. Крашенная размалеванная блондинка с двумя выряженными в солдатские робы и украшенные полосатыми ленточками пилотки детишками в какой-то момент оказалась прижата к пролету дверей, за которыми я стояла. Она громко возмущалась, что их согнали в кучу, как скотов, взывая к окружающим, чтобы все, наконец, сдвинулись с места. Какая-

то сердобольная старушка, видимо, желая ее подбодрить и утешить, кивнула ей головой и сказала: «А вы пойте!». При этом мне показалось, что параллельно она обращалась еще и ко мне. Время от времени несколько пронзительных голосов, жутко фальшивя, действительно, затягивали в толпе песню «Клен кудрявый, лист резной», а потом еще и «Катюшу», но их так никто и не поддержал. Судя по озлобленным физиономиям зажатых в душной толпе мужиков и баб, большинству из них было явно не до вокала. Единственные звуки, которые толпа более-менее слаженно и ритмично издавала, сводились к монотонному завыванию типа «уа-уа-а-а-ыыы». Вскоре, правда, сразу на нескольких броневиках, которые я не сразу разглядела в этой сутолоке, врубили на полную мощь динамики, и все посторонние шумы и шебуршания сразу же потонули в звуках размашистого марша «Вставай страна огромная!» в исполнении профессионального хора. На каждом из броневику, совсем как мартышки на цирковых слонах, гордо возвышаясь над толпой, сидели по несколько девиц в пилотках с обесцвеченными перекистью волосами и какой-то жуткой ядовитой косметикой на довольно-таки потасканных физиономиях.

В довершение всего, если не считать тех, кто нес красные и трехцветные российские знамена, практически каждый участник этой демонстрации держал в руках длинную палку с насаженным сверху портретом военного в фуражке, каске, пилотке или же ушанке. Вновь прибывшие, как я могла заметить, доставали из целлофановых пакетов щитки с уже наклепленными на них фотографиями и прикрепляли к своим шестам. Все портреты, судя по всему, были распечатаны на домашних черно-белых принтерах, и поэтому имели слегка смазанные очертания, но у меня все равно сложилось впечатление, что представленные на них типажи в основной массе подпадают под описания, сделанные и обобщенные в свое время Ломброзо. Те, кто их нес, впрочем, могли бы проиллюстрировать его теорию еще более наглядно.

Это зрелище невольно напомнило мне один, если не ошибаюсь, австралийский триллер, где серийный убийца отловил девку, которая едва от него не сбежала, и заявил, что в назидание продемонстрирует ей известный ему еще со времен армейской службы фокус под названием «Голова на палке». После чего достал огромный нож и вонзил ей в позвоночник где-то в районе шеи. В результате ее голова на мгновение содрогнулась, а потом действительно застыла на удлинившейся неподвижно шее совсем, как на палке. Однако истинный смысл этого фокуса до меня по-настоящему, кажется, дошел только вчера, после того я увидела целое скопление совершенно отъехавших маньяков мужского и женского пола, которые топтались на месте, подвывали и размахивали палками с головами на конце.

Короче говоря, не в силах больше наблюдать за этим душераздирающим зрелищем я сначала сбежала в туалет и некоторое время провела в относительной изоляции от внешнего мира, так как туда никакие звуки с улицы, к счастью, не доходили. Но вскоре поняла, что долго я там не выдержу. Покинув, в конце концов, магазин со стороны Восстания, я прошла по улице Жуковского, вышла на Литейный, где натолкнулась еще на довольно большую группу вонючих мотоциклистов в кожаных тужурках, и снова вернулась к Невскому. И уже там, улучив мгновение, перебралась на другую сторону, просочившись сквозь бесконечный людской поток, который в этом месте оказался менее концентрированным, чем в районе Стокманна...

Возьмем Черный квадрат. Все его стороны равны друг другу, симметричны, и он являет собой образец некой абсолютно законченной идеальной формы, целиком совпадающей со стоящим за ней содержанием. Созерцание подобных художественных объектов помогает человеку стать более прямым, честным, открытым, правильным, прекратить кривить душой и таким образом тоже приблизиться к совершенству.

А произведения вроде Моны Лизы неизменно ставят меня в тупик. Так вроде и симпатичная мордашка, загадочно улыбается и все такое, но как на нее реагировать? Когда я на них натыкаюсь, я предпочитаю промолчать. И как показывает практика, это самая верная тактика поведения в подобных ситуациях. Про Мону Лизу, в частности, я где-то потом прочитала, что автор изобразил в ее облики самого себя. То есть это, возможно, даже не баба, а мужик. Хороша бы я была, если бы сходила вместе со всеми начала восторгаться ее красотой.

Обывателям не нужна культура, не нужна религия, не нужен Бог, не нужна история, не нужны войны, парады и демонстрации – они спокойно могут обойтись без всего этого, поскольку сыты, одеты, обуты и вполне довольны собой и своим бытием. Остается открытым вопрос: зачем они во все это обычно ввязываются? Любое начинание, предпринимаемое ими в каждом из этих направлений, превращается в череду противоестественных кривляний. И ошибиться тут трудно, поскольку смотреть на них со стороны без скуки и отвращения совершенно невозможно.

Семьдесят лет советские поэты мучились сами и доставали окружающих своими натужными произведениями. Не сомневаюсь, что они складывали слова в рифмованные строчки исключительно потому, что вокруг так делали все, причем не только в настоящем, но и в прошлом. А для чего и почему – никто из них никогда не задумывался. И зачем, когда так поступал сам Пушкин?

То же самое и с Богом. В строительстве коммунизма было все же нечто не вполне нормальное, не совсем как у людей, не так, как раньше... Зато теперь, наконец, все стало, как всегда и везде.

Хорошо все-таки, что я выбрала для себя в качестве главного ориентира именно красоту. Теперь мне уже даже трудно понять, почему так произошло. Скорее всего, случайно: в юности как-то не задумываешься всерьез о подобных вещах, а берешь то, что попадется тебе на глаза. В этом мире все слова, понятия и идеи свалены в одну большую кучу, и сходу разобраться в том, что стоит за каждым из них, совершенно нереально. Но когда у тебя вся жизнь впереди, ты думаешь, что потом еще всегда успеешь это сделать. В самом слове «красота» есть что-то красивое. Наверное, поэтому я и обратила на него внимание. Никаких других причин, в сущности, и не было.

Судьбами рабочих я бы, конечно, вряд ли озаботилась. В том контексте, что я выросла, такое было фактически исключено. Рожи пролетариев тогда отсвечивали буквально везде: и в телевизорах, и на рекламных щитах, и на картинах в музеях, и в кино, – и так всем осточертели, что с красотой они конкурировать не могли ни в каком качестве. По сути, это был уже отработанный материал...

А вот «бог», к примеру, мне вполне мог попасться. И чтобы я сейчас с ним делала? С этой точки зрения, можно сказать, что мне сильно повезло.

Пошла сегодня днем прогуляться, и вдруг на лестнице кто-то дергает меня сзади за руку, в которой я несла пакет с мусором. Оборачиваюсь, а там какой-то парень, похож на узбека или же китайца, интересуется у меня, что это я несу. И так вежливо, в основном жестами, предлагает мне положить свой пакет к нему в мешок, тоже с мусором, но только большого размера: мол, ему все равно идти до помойки, он и мой может прихватить. И не дожидаясь ответа, взял мой мусор и поскакал вниз. Я даже ничего сказать не успела от неожиданности. Да и глупо было бы возражать – не цепляться же за какой-то мусор?..

А теперь думаю, все-таки, это как-то странно, никогда раньше с подобным не сталкивалась. И сама даже в школе ни разу не испытывала желания схватить чье-либо помойное ведро и донести до помойки. У меня и в мыслях такого никогда не было. Наоборот, мы с одной моей школьной подругой, когда видели, как какая-нибудь баба тащится с кошелками из магазина, обязательно, пробегая мимо, как бы нечаянно старались спихнуть ее с тротуара на проезжую часть или же газон. Нас это ужасно веселило. С мусорным ведром нам, правда, никто ни разу не попался, но, думаю, это была чистая случайность. А тут вдруг такая обходительность. И ладно бы я еще волокла на себе неподъемный груз, а то совсем легонький пакетик с обрывками бумаг из корзины рядом с письменным столом. Я его вообще собиралась просто в ближайшую урну засунуть... Зачем он ему в таком случае понадобился? А вдруг этот тип тащил отходы от производства наркотиков и решил таким образом сбить с толку полицию, направив ее по ложному следу? Специально обученные собаки принимаются к помойному баку, раскопают отбросы, а там среди засохших стеблей марихуаны и конопли – бумажки с моими отпечатками пальцев. Или, еще хуже, у него в мешке лежал расчлененный труп... Что тогда?

Из всех субъектов, кого в этом мире причисляют к личностям, в той или иной степени посвятившим себя творческой деятельности, только один снискал себе такое огромное число поклонников, что при его упоминании сам род его занятий стало принято писать с большой буквы: Творец или же Создатель.

Между тем, причина его популярности выглядит столь банальной, что я бы, пожалуй, даже предпочла, чтобы она была хоть немного завуалирована и меньше бросалась в глаза. Это помогло бы мне избавиться от не покидающего меня в последнее время чувства неловкости за него – так много всего он наобещал людям.

Секрет популярности Сталина у пенсионеров и других не приспособленных к жизни, беспомощных существ во многом объясняется тем, что он взял себе такой псевдоним. Сталь – это что-то крепкое, надежное, на что можно опереться.

Тогда как в имени Ленин, к примеру, присутствует нечто женственное, и он, скорее, сам нуждается в поддержке. Поэтому Ленина, я заметила, больше любят сердобольные старушки, которые стараются его защитить от разного рода аморальных личностей, чтобы те его не обижали. А Мавзолей – это такая колыбелька, где он лежит, и его надежно охраняют.

У гения должно быть ровно столько известности, чтобы все понимали: тот, кто его не знает, debil.

Искусство придает жизни человека смысл и помогает ориентироваться в пространстве и времени. В отличие от религии, например, которая не вносит в этот мир ничего, кроме путаницы.

Подумала сегодня. Если человек произошел от обезьян, то почему бы и в наши дни от других обезьян не появиться еще одним новым людям? Обезьяны же никуда не делись. Может быть, и сейчас где-нибудь в глуши джунглей, вдали от цивилизации потихоньку подрастает новое поколение людей, но несколько иного типа. Среди современных обезьян тоже ведь могут найтись экземпляры, что испытывают тягу к физическому труду. Не исключено, что они сидят сейчас где-нибудь на лужайке и обтесывают потихоньку камешки. Почему нет? А затем – раз, и из кого-то из них вылупляется человек: выбирается из джунглей и выходит на шоссе, сделав вид, будто он случайно заблудился... Человечество на протяжении своей истории вообще могло так пополнять свои ряды новыми подвидами, но ученые об этом просто не догадываются. Или же таких особей сразу забирают в зоопарк?

Жаль, кстати, что человек произошел именно от здоровенных горилл, а не от мартышек, например. Тогда бы людям меньше требовалось жратвы, легче было бы переносить блокаду и прочие тяготы, не нужны были бы небоскребы, а они жили бы в кукольных домиках и дружили с котами, от которых бы многому могли научиться. И уже сейчас человечество добралось бы до Марса, так как крошечных космонавтов туда было бы гораздо проще доставить.

Познакомившись в свое время с фильмом «Необратимость», я полностью утратила интерес к творчеству снявшего его режиссера. Поэтому, должна признаться, запрет, наложенный на прокат его нового фильма под названием «Любовь», меня сильно удивил. По моим наблюдениям, тупые личности всегда прекрасно понимали и поддерживали друг друга.

Что же это? Режиссеру удалось преодолеть свой трудноизлечимый природный дефект и создать нечто по-настоящему интересное и утонченное? Или же в данном случае мы имеем дело с таким крайне необычным природным явлением, когда одни тупые индивиды не понимают других? Своего рода тупостью тупости? Странно.

Судя по сериалам, в преступной среде тоже есть свои праведники и моралисты: такие, что упорно отказываются от распространения наркотиков. Причем руководствуясь исключительно заботой о

здоровье обычных граждан, и особенно подрастающего поколения. Часто жертвуя ради них не только выгодой, но и собственной жизнью.

В их лице мы наблюдаем довольно необычный гибрид преступника и героя в одном субъекте. Что ставит под сомнение мои многочисленные размышления на данную тему, где я говорю о непреодолимом антагонизме двух этих амплуа.

А поскольку гений является практически полным аналогом преступника, только посвятившим себя занятию искусством, то подобный тип, появившись он в литературе, например, должен был бы сочинить великий роман вроде «Преступления и наказания», главный герой которого, замочив старушку топором, отдает все награбленные бабки бездомным сиротам. Причем не в качестве раскаяния, а действуя по заранее продуманному плану.

««Старушка уже пожила свое, а у детишек еще вся жизнь впереди», – думал Раскольников, глядя на свернувшегося калачиком на мостовой малыша в грязном ободранном пальтишке явно с чужого плеча, и комок подступал у него к горлу от сознания собственного бессилия перед несправедливостью этого мира и природы».

С одной стороны, верующим может стать любой: просто сказал, что ты признаешь существование Бога, и все, – можно спокойно жить дальше и извлекать выгоду из обретенного тобой статуса. Это достаточно гуманно. Но в то же время, тот, кто рождался, к примеру, пролетарием в СССР, пользовался благами своего происхождения, которые как бы были дарованы ему свыше – родителей же не выбирают. А теперь все зависит исключительно от воли самого человека.

В таком устройении общества, где каждый индивид для достижения успеха полагается только на собственную сообразительность, полностью отсутствует связь с потусторонним миром. Пока все идет гладко, это вроде и не имеет особого значения, но стоит возникнуть каким-нибудь неприятностям, как люди начинают дергаться и волноваться за свое будущее. Даже элементарная гроза способна пробудить в их душе панику, не говоря уже о более серьезных проблемах.

Шла вчера вечером по Загородному, а из окна на первом этаже, где, видимо, какой-то фольклорный ансамбль репетировал, раздавались визгливые голоса, хлопки и топот. Телевизор я не смотрю, поэтому давно ничего такого не слышала. А раньше, помню, постоянно с экрана, да и по радио, верещали исполнители подобных песен. И все равно, до сих пор эти хаотичные выкрики и гиканье режут мой слух. С трудом представляю, чтобы люди в торжественных случаях вроде свадьбы могли под такой аккомпанемент веселиться и танцевать. Русский шансон – это понятно, или хотя бы те же цыгане... Но эти однообразные завывания как-то абсолютно в моем мозгу не соотносятся со сценами народного веселья. Ни один водитель маршрутки во всяком случае в наши дни, будучи в здравом уме, такую музыку слушать бы точно не стал...

Нет, я, разумеется, в курсе, что филологи и другие специалисты ездят по деревням, где по крупницам собирают образцы песнопений, некогда сопровождавших исчезнувшие ныне обряды и праздники. Но, возможно, именно на этой стадии и происходит какой-то сбой, как в игре в испорченный телефон, например. И в результате до современных людей доходят совсем не те слова и музыка, которые когда-то исполняли и слушали реальные обитатели сел. Иначе я этот феномен объяснить не могу.

Не исключено, правда, что графомания тоже имеет свои традиции и корнями уходит в далекое прошлое, где получила гораздо более широкое распространение в массах, чем я привыкла думать. Наиболее внятные веселые и бодрые песни типа «Камаринской» дожили до наших дней сами, а ученые-фольклористы откапывают всякий шлак и мусор, своего рода отходы производства, и снова запускают их в оборот.

Авторские произведения в искусстве, в принципе, циркулируют по похожей схеме. Бывают случаи, когда сами художники и поэты находят в прошлом полузабытых гениев, чье творчество оказывается им чем-то созвучно. Как это отчасти произошло с Гойей, Лотреамоном и де Садом. И совсем иначе обстоят дела, когда литературоведы и историки обнаруживают в архивах произведения каких-то бесцветных дебилов и начинают их всячески обсасывать, делают о них

сообщения на научных конференциях и пытаются втохать широкой публике в виде изданий, снабженных глубокомысленными предисловиями и комментариями.

Стоя на кухне вчера вечером, вдруг отчетливо услышала звон колоколов. Даже подошла к окну посмотреть, откуда он может доноситься. Раньше вроде такие звуки до меня не долетали. Но оказалось, что это позвякивает под напором водяных струй металлическая миска в посудомойке.

А как много дум сразу на меня нахлынуло!

Почему-то вспомнила, как я по просьбе своей подруги искала в Париже образок святой Женеьевы. Она была католичкой, и так, а точнее, Геновефой, звали ее мамашу, которая родилась в Литве. Мне уже пора было возвращаться в Петербург, но поиски так и не дали результатов. Производство икон, судя по всему, у католиков крайне плохо налажено. Наконец, я каким-то образом забрела в храм на рю Шампюанне, где служащая, выслушав мой вопрос, отвела меня в подвал и там познакомила с пятнадцатилетним дауном из Португалии. Ему, как я поняла из ее слов, на родине явилась Дева Мария, и теперь его держали при храме в качестве экспоната. В смысле, его кормили, одевали, и даже позволяли ему там спать. Он как раз сидел на своей кровати в углу подвального помещения среди всякой рухляди, лампадок и ржавых подсвечников. Вид у него был, само собой, соответствующий: лоб где-то два миллиметра, тяжелая, как у питекантропа, челюсть отвисала вниз, и из полуоткрытого рта периодически капала слюна. Но не совсем тип Ломброзо, правда, потому что на его лице блуждала достаточно добродушная блаженная улыбка...

Так вот, она достала мне из тумбочки вырванный из школьной тетради листочек в клеточку, где цветными карандашами был намалеван женский силуэт в длинном платье и с букетом роз. Это и была святая Женеьева! Так она мне сказала, во всяком случае. И хотя рисунок был выполнен в стиле детей дошкольного возраста, которые делают свои самые первые робкие шаги в живописи, я все равно отдала ей за него имевшиеся у меня в тот момент с собой в кошельке тридцать пять франков, по-моему. Мне через пару дней надо было уезжать, и это был фактически мой последний шанс выполнить просьбу своей подруги. Даун с легкостью расстался со своим произведением и продолжал тупо сидеть в углу, зато баба-смотрительница вся прямо засияла и была просто счастлива, предложила мне чаю с бубликами, проводила до выхода, все время что-то восторженно лепетала, а на прощанье попросила у меня адрес. И я еще несколько лет потом получала от нее послания, где она подробно описывала, в каком плачевном состоянии находится их храм и как они нуждаются в материальной поддержке. Судя по всему, она приняла меня за безумную новую русскую, которая с легкостью сорит деньгами, глубоко прониклась идеями благотворительности, готова выкладывать бабки за любую мазню, и поэтому теперь они полностью перейдут на мое содержание...

А моя подруга, когда увидела, что я привезла ей из Парижа даже не профессиональную штамповку, хотя бы, а какой-то помятый листочек, виду не подала, но, как мне показалось, все-таки немного на меня обиделась. Я ей, конечно, рассказала, что этот рисунок был сделан избранником, которому явилась сама Богородица, но, похоже, она все равно решила, что я таким образом на ней сэкономила.

Среди прочих товаров сотрудники центра там обнаружили матрешек, на которых вместо румяных женских лиц нарисованы евреи с пейсами и характерным длинным носом.

Вот так живешь-живешь и вдруг – раз, и вокруг тебя все становятся высокодуховными и нравственными, как будто в предыдущие годы вообще ничего не происходило, и люди совсем ничем не занимались, а просто прозябали или же спали. В самой идее, что такое возможно, по-моему, есть нечто запредельно дебильное.

Поэтому когда я наталкиваюсь сейчас на выступления православных священников, где они как раз протаскивают подобные мысли о разложении современного общества и оптимистических перспективах его радикального преобразования, меня больше всего удивляет именно их возраст.

Почти всем из них где-то уже далеко за пятьдесят, то есть это вовсе не мальчики вроде Гайдара, который в шестнадцать лет командовал революционным полком. И при этом, у меня такое впечатление, что они вполне искренне верят в то, что говорят. Разве это не удивительно?

Настоящие дауны, к примеру, и внешне отличаются от обычных людей. Они такие немного неуклюжие, толстые, неповоротливые, поэтому в их рассуждениях на глобальные темы присутствует даже определенное обаяние, какой-то юмор. Неслучайно ведь профессиональные режиссеры иногда приглашают их поучаствовать в своих авангардных постановках. А тут, вполне здоровые на вид бородатые мужики, с потрепанными физиономиями и красными носами... Не знаю, я так и не решила до сих пор для себя, как к такому поведению относиться.

В юности большинство людей производят крайне отталкивающее впечатление, особенно в подростковом возрасте, когда у многих физиономии покрываются прыщами, да и попозже, впрочем, тоже. Однако с годами школьные и студенческие фотографии тех же самых индивидов обычно начинают казаться гораздо более презентабельными. На мой взгляд, тут сказывается своеобразный эффект смещения пропорций, когда те, кто смотрят на пожелтевшие от времени снимки, невольно сравнивают запечатлевшихся на них субъектов с жутиками, в каких они превратились позднее, и поэтому приходят к выводу, будто в прошлом они были еще относительно ничего, не такими пугающими. Отсюда, видимо, и пошел широко распространенный миф об эстетической привлекательности молодости. Тогда как, на самом деле, для того, чтобы ранние портреты обделенных природой убогих существ обрели более-менее приличный вид, должно пройти достаточно много лет.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в искусстве. В частности, картины соцреалистов в момент их создания следовало бы использовать разве что на огородах и колхозных полях, чтобы отпугивать птиц и прочую живность от созревающих плодов сельскохозяйственного труда. Нормального здорового человека заставить на них глядеть можно было только под пытками или же, по крайней мере, при помощи угроз, шантажа и иных способов принуждения. Тогда как теперь выставки художников вроде Пластова и других мастеров этого жанра периодически устраиваются в крупнейших музеях и собирают большое число совершенно добровольных посетителей. И это понятно: подобные живописные полотна как бы постоянно пополняют коллекцию некоего располагающегося вне времени и пространства собрания произведений арт-брют. Даже детям бывает интересно полюбоваться на хранящихся в Кунсткамере заспиртованных в специальных колбах уродцев, так почему бы не дать возможность желающим вблизи, во всех деталях, так сказать, рассмотреть плоды причудливого воображения маньяков, когда они сами изолируются от зрителей солидной временной дистанцией? Ясно, что такое зрелище всегда будет притягивать к себе публику.

В любом случае получается, что именно годы и старость облагораживают молодость, а вовсе не наоборот.

Идея, что люди произошли не от одного, а от разных видов обезьян, в последнее время получила дополнительные научные подтверждения. На днях прочитала в новостях, что археологи в Африке отрыли еще какую-то черепушку, свидетельствующую о подобном разнообразии. Я думаю, что так оно и есть. По моим наблюдениям, истинная сложность или простота каждого индивида не имеет никакого отношения к его образованию, начитанности и уму, а скрыта от посторонних глаз и находится у него где-то глубоко внутри. То есть, вероятно, предопределена именно генетически. Наиболее существенные черты характера и поведения человека формируются тоже там, в глубине. По этой причине при общении с формально вполне просвещенными и начитанными людьми меня часто не покидает ощущение, будто я вижу перед собой каких-то амёб, ничего особенно интересного и неожиданного от которых ждать не стоит. И наоборот, не так часто, правда, но иногда случается, что так называемые простые люди оказываются сложнее самих себя. Самые глубокие течения в искусстве и характерные стилистические особенности каждой эпохи тоже, наверняка, формируются не человеческой волей, а именно природой...

Таким образом, если эта гипотеза о происхождении людей получит окончательное подтверждение, то в литературе со временем можно будет говорить, в частности, о научно обоснованной и экспериментально проверенной в лабораторных условиях гениальности того или иного писателя, ведущего свое происхождение от самой уникальной и высокоорганизованной породы обезьян. То есть это естественнонаучное открытие может найти практическое применение в том числе и в искусстве – что до сих пор случалось крайне редко.

Обычно писателям бывает до лампочки, на плоской или же круглой Земле встречаются и женятся герои их романов, вращается она в это время вокруг Солнца или же нет... Получается, что наука развивается своим путем и периодически сталкивается только с религией, когда ставит под сомнение существование потустороннего мира, или же космонавты не обнаруживают следов пребывания Бога на небе, тогда как поэтов и прозаиков такие процессы почти не касаются. А тут даже абитуриенты Литинститута смогут предоставить справку от генетиков и биологов, где при помощи графиков и объективных цифр будет подтверждена сложность их натуры. Чего сосредоточенные исключительно на поверхностных суждениях и почерпнутых из школьных учебников фактах члены приемной комиссии, как правило, оказываются разглядеть не в состоянии. Не говоря уже, что деятельность критиков и литературоведов тоже сразу утратит всякий смысл. Их рецензии и статьи в глазах читателей станут чем-то вроде предсказаний астрологов и прочих гадалек на кофейной гуще на фоне математически просчитанной и подкрепленной результатами анализов гениальности автора, которого представители этих архаичных профессий ранее старались всячески принизить или же игнорировать.

Со времен Белинского все наезжают на Достоевского, что он разжигает в представителях социального дна мазохизм. В смысле, показывает, что те ловят кайф от своего положения, и тем самым, подталкивает их к подобного рода переживаниям. А что, собственно, им еще остается? Только упиваться несправедливостью этого мира, отсутствием бабок и жратвы.

Я даже думаю, что именно с подачи Достоевского бомжи, как ни посмотришь, постоянно веселятся, квасят где-нибудь рядом с помойным бачком или даже пританцовывают под доносящуюся из соседнего окна музыку. Сегодня это однозначно самая жизнерадостная и бодрая часть населения Петербурга.

И все благодаря классику русской литературы! Неслучайно ведь они так любят собираться возле его памятника на Владимирской. Их туда, прямо как магнитом, тянет. Люди всегда чувствуют, кому они обязаны своим веселым и беззаботным бытием.

Где-то с начала прошлого столетия, по-моему, писатели начали постоянно сбиваться в кучи. Такое ощущение, что теперь это их единственный способ существования. Больше никто не любит одиночество.

А удаляться от людей – это как уходить в открытое море. Получаешь специфическое удовольствие.

Цены в магазинах продолжают неуклонно ползти вверх. И это не радует. С другой стороны, чрезмерная духовность индивида всегда была знаком его опущенности. И сознание того, что я сейчас фактически оплачиваю из своего кармана и, таким образом, стимулирую ее рост, главным образом, у разного рода неполноценных уродов и умственно отсталых дебилов, приносит мне определенное удовлетворение.

Невольно чувствуешь себя меценаткой, снисходительно взирающей с высоты своей утонченной декадентской пресыщенности на копошащихся где-то на самом дне метафизического пространства познания убогих существ. Телевизор, гордость за свою страну и трогательная забота о детишках – это все, что имеется у них в жизни. Я эгоистична, холодна и равнодушна к окружающим меня людям, но готова платить эту маленькую дань, чтобы они держались от меня на расстоянии и не цеплялись со своими проблемами. Все почти, как в фильме «Анжелика – маркиза ангелов», и даже круче.

Индийский тигр-людоед пожизненно посажен за решетку.

Если у человека отсутствует чувство юмора, то ему нет никакого смысла заниматься литературой. Это все равно что становится композитором или певцом без музыкального слуха.

Смысл творчества гения сводится исключительно к служению красоте, а начиная шутить, он невольно изменяет своему призванию. Поэтому за индивидом, которому, в принципе, такое не грозит, совершенно не интересно наблюдать. Он и так всегда и во всем будет серьезен. Что не требует от него никаких усилий.

Именно по этой причине, мне кажется, человечество и изобрело религию. Чтобы подобным личностям тоже было чем заняться.

Отец Сергей у Толстого, к примеру, даже оттяпал себе топором палец, когда приехавшая к нему в гости баба попыталась его соблазнить. Сам по себе такой поступок лишен всякого смысла. Трахается человек с кем-то или нет – от этого никому ни холодно, ни жарко. Зато жизнь обделенных природой существ наполняется драматичным напряжением, и они начинают ощущать себя причастными к чему-то важному и значительному. Почти как гении, посвятившие себя служению красоте и борющиеся с искушением юмором.

За долгие годы пребывания на даче так и не решила для себя, какие посторонние шумы меньше выводят меня из себя: вопли детишек или русский шансон. Мне кажется, что только личности, кому эти звуки способны приносить удовлетворение, в наши дни живут в полной гармонии с внешним миром. Я же обречена на вечное одиночество и враждебность к окружающим меня людям. Как Лермонтов или же Байрон.

В детстве, помню, у нас в доме жили два дауна: Боря Осломордый и Боря Грушемордый. У первого была вытянутая длинная физиономия, как у осла, а второй имел и вовсе пугающую наружность – его лицо резко утолщалось книзу, наподобие лампочки или груши, а изо рта текла слюна, плюс ко всему, он постоянно ходил в ушанке, в том числе и летом.

Однако я и представить себе не могла, что словосочетание «умственная отсталость» когда-нибудь зазвучит совершенно по-новому, как это вдруг произошло сейчас. Куда ни ткнишь, всюду личности, внешне практически не отличающиеся от обычных человеческих особей, но стоит с ними соприкоснуться – да даже на расстоянии – сразу возникает ощущение, будто они вцепились в тебя своими незримыми щупальцами и тянут куда-то назад, в далекое прошлое, где сами по какой-то причине до сих пор задержались.

То есть со стороны люди выглядят более-менее нормально и не имеют явных физических дефектов, и поэтому тут дает о себе знать исключительно их умственная недоразвитость, в чистом виде, так сказать. Все эти годы они постоянно находились где-то рядом, сталкивались с теми же явлениями природы и окружающей действительности, учились в такой же примерно школе, читали приблизительно те же книги, работали, обзаводились семьями, общались между собой, но почему-то не усвоили самых элементарных и очевидных вещей. Вот что удивительно!

Никогда не думала, что примелькавшиеся и связанные с вполне определенными устойчивыми ассоциациями слова способны так трансформироваться. Однако неожиданно обретенный ими новый смысл предстает перед тобой в столь наглядной и почти физически осязаемой форме, что ты понимаешь: вот это есть их истинное значение, и оно открылось тебе только сейчас.

Становясь чем-то, некоторые личности забывают стать кем-то, и это глупо. А те, кто считают себя самыми умными, кем бы они ни являлись, обычно не отвлекаются от поставленных перед собой целей, и остаются ничем. Вот почему именно ум – самая характерная, если не главная, черта ничтожеств. Гений никогда не бывает особенно умен.

Этот мир был бы устроен более-менее гармонично, если бы вполне успешные и сытые личности периодически не начинали косить под дураков. Глупость ничтожеств гораздо хуже их ума.

Главным достоинством Советского Союза было то, что его граждане называли себя «советскими людьми». На Западе ими занимались советологи, а такого понятие как «руссофобия» в то время вообще не существовало.

Суть советского заключается в отрицании всего русского. Точно так же, как постмодерн является отрицанием модерна, например. Неслучайно ведь все началось именно с революции, которая на протяжении семидесяти лет существования СССР фактически не останавливалась. Кроме того, русский человек ленив, а советский обожает труд – и так буквально во всем, вплоть до возрождающихся ныне обшарпанных вонючих столовых... Поэтому стремление именно советских по духу людей начать называть себя русскими и режет так сейчас слух, причем почти в прямом смысле этих слов. И они, думаю, прекрасно это чувствуют, поэтому и ловят кайф, доставая таким образом более полноценных личностей.

Ясно, что каждому недоумку, к примеру, который видит меня, сразу хочется быть хоть в чем-то на меня похожим – я давно это заметила. Вот они и причисляют себя к «русским». По другим качествам пока не решаются, видимо, но тут нашли формальную зацепку. И меня это, естественно, раздражает, так как никому не интересно, чтобы тебя отождествляли с неполноценными недоразвитыми существами. Я бы лично предпочла от них максимально дистанцироваться. Но как? Может быть, начать называть себя «советской»? «Ведь ты же советский человек», – поощрительно говорил доктор Маресьеву, отплясывавшему на деревянных ногах, в фильме про настоящего человека. А я чем хуже? Тогда эти придурки увидят, как я горжусь собой в новом качестве, и тоже переименуются в советских. И тут я возьму, да и скажу, что, на самом деле, считаю себя русской. И они обломаются. Они же дебилы.

Советских деятелей искусства, помню, клинило на дуэли Пушкина с Дантесом. Как он отважно вступился за честь своей жены и, даже истекая кровью, изловчился и выстрелил в своего обидчика. Правда, попал в пуговицу, но все равно не промахнулся, а ему просто не повезло... Таким образом Пушкин пополнил галерею героев, хотя и был поэтом, но занял почетное место рядом с Александром Матросовым, Буденным и другими отважными личностями, служившими примером подрастающему поколению.

А мне кажется, что Хармс, например, практически всю свою сознательную жизнь проведший в крайне враждебном окружении, состоявшем, в том числе, и из поклонявшихся Пушкину советских писателей, но не изменивший своему призванию и сохранивший верность традиции великой русской литературы, продемонстрировал куда большую отвагу и мужество. Это же все равно что плыть в открытом океане, где совсем не видно берега, среди акул и крокодилов, без каких-либо перспектив и надежды на спасение, но все равно не дрогнуть и не отказаться от выбранного курса. Вот это, я понимаю, герой! Если такое определение вообще можно применить к поэту, конечно.

Лев загрыз графического дизайнера.

Сегодня возле метро «Владимирская» видела инвалида с белой тростью, который, стоял с микрофоном в руках и, закатив глаза, открывал рот, а из колонок у его ног раздавались громкая музыка и пение. Такой весь кругленький, с покатыми плечами и свисающим животиком из-под серого пиджака, как у персонажа индийского фильма, где все мужики обычно напоминают жирных баб. И голос у него, если это, конечно, была не фонограмма, тоже был блеющим, как у евнуха.

Не могу сказать, что мне понравилась его манера исполнения, как и весь этот антураж просящего подавание слепца. Он еще и место себе выбрал неподалеку от светофора и со своей арматурой перегораживал людям проход в час пик. Дебил, короче... Однако несколько слов из

того, что он пел, я все же запомнила: «сквозь злую ночь иду один на плаху». Прямо как про меня, по-моему.

Я слышала, что психиатры считают, будто безумие у человека чаще всего принимает циклическую форму. То есть, если тот или иной индивид вдруг вообразил себя Наполеоном, то он с большой вероятностью станет периодически к этой навязчивой идее возвращаться: побудет какое-то время обычным человеком, понынчится с детишками дома, на работе в офисе тоже ничем особым от своих коллег не отличаясь, а потом опять соорудит себе из газеты треуголку, напялит ее на башку и встанет на балконе, гордо скрестив руки на груди, презрительно взирая на копошащихся внизу людишек. И будет там торчать в такой позе, пока его не заберет скорая... Короче говоря, с сумасшедшими все более-менее понятно – именно так, скорее всего, они себя и ведут.

Однако я заметила, что и многие другие люди, которые считаются нормальными и вроде бы нигде не лечатся, тоже, подобно планетам, курсирующим вокруг небесных светил по строго очерченной орбите, постоянно возвращаются в однажды заданную точку своего бытия, чтобы затем снова отдалиться от нее на максимальное расстояние. Особенно это хорошо видно на примере самых простых и непосредственных существ, которые абсолютно себя не контролируют и не заботятся, чтобы хоть как-то замаскировать мотивы своего поведения от постороннего взгляда.

Возьмем хотя бы Ленина. Сначала он не брезговал ничем, даже бабками иностранных государств, чтобы развалить страну, в которой родился, вырос и получил образование, а как только его план осуществился, и на смену утонченному интеллигентному царю и могучим бородатым красавцам, вроде Распутина, к власти пришли низкорослые умственно отсталые уроды, типа него самого, он сразу же углубился в рассуждения о национальной гордости великороссов и трансформировался в патриота. И пусть он до конца и не успел продемонстрировать цикличность своего поведения, но заданную им амплитуду колебаний от любви к ненависти, не подчиняющуюся законам привычной человеческой логики, прекрасно проиллюстрировали его последователи.

Стоит только в России восторжествовать более-менее здоровому и естественному началу, когда ее граждане начинают печь блины, пить квас, кататься на тройках, любоваться на бескрайние степные просторы, рассказывать друг другу сказки про Иванушку-дурачка и вообще жить в свое удовольствие, как поклонников Ленина переполняет злоба, и они забывают про все хорошее, что дала им их родина, становятся интернационалистами, ищут поддержку за рубежом и готовы снова уйти в подполье, чтобы бороться с существующим режимом, как и их идейный вождь, не останавливаясь ни перед чем. А когда уродство с их помощью торжествует, опять чудесным образом превращаются в верноподданных граждан. При этом их совершенно не волнуют никакие мировоззренческие и даже имущественные расхождения с теми, кто в данный момент находится у власти – главное, чтобы они были такими же тупыми и невзрачными, как они.

И поскольку подобный цикл уже четко обозначен, амплитуда колебаний задана, а орбита очерчена, не приходится сомневаться, что этот процесс будет повторяться до бесконечности и остановить его практически невозможно. Даже сумасшедшие, которых в психушках привязывают к койке и подвергают другим неприятным процедурам, и те раз за разом возвращаются к своей нереализованной мечте побыть хотя бы немного императором или же Господом Богом. А тут речь идет о людях, которым и помощь врачей не требуется – тупость же это не болезнь...

Хотя лично я все-таки обратила бы внимание на субъектов, у которых подобные циклы обозначены слишком уж явно. Мне кажется, они тоже несут в себе опасный для общества заряд безумия. И если все видят, что каких-то личностей заклинило, и они будут до бесконечности повторять то, что и так уже несколько раз все наблюдали и поняли, то их тоже, на мой взгляд, следует признать не вполне вменяемыми. Тогда бы ими могли заняться специалисты с медицинским образованием, а более полноценные люди продолжили бы свое поступательное движение во времени и не блуждали вслед за маньяками по однажды очерченному кругу.

Как-то я читала в новостях, как одна мамаша, преисполнившись религиозных чувств, не стала вызывать своему младенцу «скорую», и тот окачурился. А потом выяснилось, что она была алкоголичкой. Вот так она квасила, ни фиги не делала, а в какой-то момент ей просто было лень

встать со стула и подойти к телефону, и поэтому она решила, будто добрый Боженька прибежит и ее обслужит.

Правда, если бы она постилась, била поклоны и регулярно совершала паломничества, то результат, наверняка, был бы тот же: без медицинской помощи ее дитя постигла бы та же участь.

О чем это говорит? Даже самые простые и опустившиеся на вид личности далеко не так глупы, как кому-то может показаться со стороны, прекрасно разбираются в глобальных философских вопросах вроде существования Бога, и из всех возможных стратегий поведения всегда выбирают такую, которая требует от них наименьших физических и духовных затрат.

Проезжая сейчас в троллейбусе мимо Исаакиевского собора, несколько секунд наблюдала за высоким и тощим, как глист, мужиком в оранжевой безрукавке, какие бывают у строительных рабочих. Размахивая руками и извиваясь всем телом, он цеплялся к прохожим, а те от него испуганно шарахались. На спине у него красовалась сделанная большими черными буквами надпись: «ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИСТ».

Право на забвение. Не знаю, что за этим стоит, но звучит красиво.

На даче во всех местных магазинах теперь установили телевизоры, которые подвешены к потолку и орут во всю мощь. Не думаю, что тут присутствует чей-то умысел. Наверное, это сделано, чтобы продавцы не особенно скучали на своих рабочих местах. Зато после посещения всего трех местных торговых точек я узнала, что США до самого последнего времени во всем мире почитались чуть ли не как главный оплот христианской веры и традиционных семейных ценностей, и вот теперь, после решения Верховного суда, легализовавшего во всех штатах однополые браки, человечество постигло страшное разочарование...

Приезжая на дачу после длительного перерыва, я сразу замечаю, как подросли за время моего отсутствия кусты и деревья возле дома. А если бы я жила тут постоянно и наблюдала за этими растениями каждый день, то такие изменения происходили бы настолько плавно и равномерно, что, скорее всего, стали бы практически не заметны для моего глаза. И только обращая время от времени к старым фотографиям, я бы вдруг с умилением обнаруживала, какими крошечными и трогательными были когда-то эта ель, которая вымахала теперь выше крыши, или же вишня у соседского забора...

Вот так и с потоком транслирующихся с экрана телевизора новостей. Если слушать их, как я, один раз в году, то сразу же обращаешь внимание на существенные перемены в оценке некоторых явлений внешнего мира, случившиеся за пропущенный тобой период. А когда одни и те же голоса, подобно журчанию лесных ручейков или же шелесту колышающихся на ветру листочков, постоянно ласкают твой слух, то не только небольшие колебания, но и самые радикальные метаморфозы в поступающей таким способом в человеческий мозг информации остаются по большей части никем не замеченными.

Все растения тянутся к солнцу, коты обожают лежать и греться в его лучах, вот и многие люди тоже хотели бы полностью расслабиться и просто произносить какие-то слова, совершенно не заботясь о том, что они говорили год назад или даже вчера. И мне кажется, уже сегодня человечество могло бы жить в полной гармонии с природой и вернуть себе некогда утраченный рай, если бы не направляемый невидимой дьявольской рукой научно-технический прогресс.

И тут возникает роковое противоречие. Человеку хочется полностью расслабиться и ни о чем не думать, а изобретенная им самим техника, наоборот, продолжает совершенствоваться и становится все более сложной и точной. Фотоаппарат, в частности, уже сейчас не позволяет людям окончательно избавиться от некоторых деталей прошлого, запечатлевая на снимках из каких малюсеньких зернышек и луковичек появились когда-то расцветшие на дачном участке цветы, деревья и кусты. И я несколько не удивлюсь, если в ближайшем будущем появятся специальные сканеры, которые без труда смогут отслеживать индивидов, засветившихся в виртуальном

пространстве типа телевизора, которые некоторое время назад, к примеру, называли США оплотом мирового зла и буржуазных свобод, а сегодня утверждают, что всегда считали эту страну главной опорой христианства и традиционных ценностей (а я уверена, что это далеко не единичный случай, просто я за ними и не слежу). И после того, как подобный субъект окажется зафиксирован, он сразу же исчезнет с экрана и больше никогда там не сможет вновь появиться.

Причем осуществляться такая процедура будет исключительно при помощи специальных программ, безо всякого вмешательства человека. Это, безусловно, серьезно нарушит установившуюся сейчас в мире идиллию, но зато вернет жизни интригу, придаст ей определенный драматизм, сделав участников всевозможных ток-шоу и выпусков новостей параллельно еще и персонажами глобальной компьютерной игры, наподобие морского боя. Что способно привлечь к этим передачам дополнительную молодежную аудиторию, серьезно повысить их рейтинги и, соответственно, доходы телеканалов от рекламы... То есть выгоду от таких нововведений при желании человечество или же, по крайней мере, какая-то его часть тоже сможет для себя извлечь.

В Великобритании грабительницу и ее спутника выдала уродливая внешность, запомнившаяся даже склеротикам.

После сериала «Mad men», несколько сезонов которого я привезла с собой на дачу, невольно начинаешь смотреть на рекламные щиты немного иначе. В частности, задумываешься над тем, как долго над ним работали их создатели, вели переговоры с заказчиками, возможно даже, не спали ночами, и все для того, чтобы придумать три слова типа «Живи на яркой стороне!» и разместить их над фото жизнерадостного олигофрена в полосатой футболке. Точнее, так ты воспринимала подобные композиции еще месяц назад, однако теперь они уже не кажутся тебе совсем бессмысленными. Несколько раз уже ловила себя на таких мыслях...

И этот эффект от просмотренного кино, мне кажется, позволяет лучше понять, почему у всех дебилов обычно бывает такой богатый внутренний мир, и именно они испытывают самую сильную тягу к сочинению всякого рода умных книг, диссертаций и философских трактатов. Просто им жизненно необходимо, чтобы окружающие максимально погрузились в то, что они пишут, думают и чувствуют. Чтобы те стали сопереживать тонкостям их душевных терзаний, размышляли о деталях посетивших их мыслей, прониклись сложностью изобретенных ими теорий и т.п. И как только люди во все это погружаются и начинают воспринимать их исключительно изнутри, они перестают замечать их очевидную глупость, которая при взгляде со стороны сразу же бросается в глаза.

Зимой полевые мыши совершили у меня на даче традиционный налёт. На сей раз им удалось открыть железные банки с плотными крышками и выпотрошить из бумажных фантиков все лежавшие в них конфеты. Мало того, они сумели проделать маленькое изящное отверстие в боковой стенке деревянной хлебницы и сожрать хранившиеся там остатки риса, сахара, крахмала и макарон. Чай, кофе и какао они не тронули. Пару пакетиков чая, правда, они всё-таки вскрыли, однако содержимое их явно не заинтересовало. Эта хлебница стоит у меня на кухне уже лет пятнадцать, к тому же ещё и на самой верхней полке под потолком, поэтому мне и в голову не могло прийти, что такое вообще возможно. Наверное, у мышей теперь появился вожак с особо длинными и острыми зубами. Или же они наконец сумели организовать посменную работу и совместными усилиями за три зимних месяца продолбили проход к таким прекрасным и ценным для них вещам, как рис и макароны. С учётом пропорций, размера крошечной мышки и высоты полки, где стоит хлебница, это, по-моему, даже круче ограбления банка при помощи подкопа, на осуществление которого людям порой требуется чуть ли не несколько лет.

Недаром же Гитлер, сидя в тюремной камере, восхищался мышами. И потом описал это в "Майн кампф". Именно мыши, думаю, и вдохновили его на покорение мира.

Монотонный стук дождя по крыше на даче настраивает меня на лирический лад. Тут у меня в углу большой комнаты с камином пылится целая куча пластинок с проигрывателем «Концертный.304»,

прямо на котором стоит еще и транзисторный радиоприемник Panasonic со встроенным кассетным магнитофоном. Я не включала их уже сто лет, притом что при желании это вполне можно было бы в любой момент сделать. С другой стороны, тот же камин я все-таки время от времени разжигаю, хотя обычно и пользуюсь электрическими обогревателями. Мне нравится наблюдать, как потрескивают объятые языками пламени сухие поленья. Иногда я подбрасываю к ним листочки из своих старых записных книжек и в такие мгновения невольно представляю себя на месте Гоголя, предающего огню главное сочинение своей жизни. У виниловых пластинок тоже есть свои приверженцы, главным образом, среди наиболее взыскательных ценителей музыки, так называемых меломанов. А особо фанатичные читательницы женских романов, как и их любимые героини, обожают еще и романтические ужины при свечах...

Забавно, что такую, вышедшую из употребления, но потенциально способную выполнять свои функции, технику на сухом языке сугубо профессиональной документации принято называть «морально устаревшей». А это значит, что и в поступательном движении человечества по пути прогресса при внимательном рассмотрении можно проследить обычную для всего остального мира тенденцию. Чем сильнее какой-либо предмет или же явление становятся отмечены печатью практической ненужности, упадка и разложения, включая моральное, тем большую эстетическую привлекательность они обретают для пресытившихся банальной прагматикой обывательского существования декадентов, вроде меня.

Телевизор, кстати, я тоже уже несколько лет не включаю, а в последнее время и для просмотра скачанных из сети фильмов пользуюсь ноутбуком. Не означает ли это, что личности, громче других декларирующие свои приверженность нравственному совершенству, но относящиеся с недоверием к новейшим достижениям научной мысли, также испытывают тайную тягу к разложению и пороку, но просто не могут себе позволить в ней вслух признаться? Не этим ли объясняется нелюбовь политиков и религиозных деятелей к интернету, которому они упорно предпочитают фактически полностью морально устаревшее к настоящему моменту телевидение?

Между тем, время не стоит на месте. И уже в ближайшие годы, возможно, облаченные в темные готические наряды гурманы и ценители утонченных образцов увядания человеческой нравственности начнут собираться в специальных барах на коктейли и тематические вечеринки, где вместо привычной inferнальной музыки будут включены телевизоры с прямой трансляцией выступления Римского папы, к примеру, или даже заседаний парламента. А еще лет через десять и любительницы женских романов сделают эту небольшую изысканную деталь частью особо торжественных ужинов со свечами и фимиамами, во время которых их избранники решатся, наконец, сделать им предложение руки и сердца. Не исключено, что и я сама уже в следующем году, сидя на даче у камина, захочу добавить к размеренному стуку дождя за окном еще и негромкое журчание льющих с телеэкрана речей. Почему нет? По большому счету, я могла бы сделать это уже сейчас, но мне кажется, что к таким вещам следует относиться, как хорошему вину: чтобы получать от них настоящие удовольствие, всегда лучше где-то хотя бы год-два подождать...

Микробы и те часто оказываются умнее человека. Штамм гриппа, в частности, периодически изменяется, и ученым, чтобы с ним справиться, приходится изобретать все новые и новые вакцины.

Что же говорить о людях! На вид большинство из них кажутся совсем простыми и понятными, а на самом деле уже мутировали, и снова представляют опасность для более сложно устроенных индивидов. Слова «бог», «добро», «духовность», «нравственность» на них совсем не действуют, даже такими редкими и длинными, как «трансцендентное» и «деконструкция», их не прошибешь. Обычных слов, составленных из простых слогов, похоже, уже недостаточно, нужно экспериментировать и искать эффективные словосочетания...

Не все понимают, но именно глупость является главным двигателем человеческого прогресса. А если полностью расслабиться и на все забыть, то однажды ты рискуешь не досмотреть до конца заинтересовавший тебя сериал.

Учение Маркса бессильно, потому что оно неверно!

Европейцам следовало бы вернуться к идее единого Бога. Думаю, это сразу решило бы множество проблем. Просто все люди должны признавать наличие высшего и низшего, то есть определенную иерархию ценностей. Она и представляет собой что-то типа лестницы, ведущей на небеса. А существует там где-то в ином мире какой-то Бог, либо нет – этого до конца никто не знает, в него все равно ведь можно только верить. В крайнем случае, можно было бы даже Римского папу подключить, раз уж он географически располагается в европейском регионе, просто поставить на его место нужного человека, и все. Так что я не вижу тут ничего особо сложного.

И тогда все существующие ныне религии станут ненужными, отпадет необходимость с ними воевать и тратить на это бабки и время. Одни выступают за Бога, и другие – тоже. Главный вопрос урегулирован, все довольны, а детали по ходу как-нибудь сами утрясутся.

У Колизея в Риме задержан «посланец бога» из Бразилии, угрожавший перерезать горло девушке...

Круто, конечно. Но после того, как я, будучи в Швейцарии, видела профиль Гельдерлина на ноге английского поэта, меня уже ничто не способно удивить.

Леонардо ДиКаприо пожертвовал 15 миллионов долларов на природу. Но природа и так счастлива, все поэты об этом пишут. На даче я сама постоянно наблюдаю, как беззаботно порхают и щебечут птички, а по небу плывут всякие там облачка. У них, по-моему, все в порядке. Лучше бы отдал эти бабки мне. Дебил!

Если мне повезет, и я получу крупную сумму денег в несколько миллионов, то обязательно отдам часть из них в фонд покорения Плутона. А всеми забытые и никому не нужные актеришки вроде ДиКаприо будут слушать эту новость, сидя в инвалидном кресле перед экраном телевизора в доме престарелых, и сосать.

«По делам их узнаете их». Когда натыкаешься на подобные фразы, сразу чувствуешь, насколько все-таки люди пару тысяч лет назад отставали в развитии от современного человека.

«По лицам их узнаете их», – такой совет в наши дни еще мог бы быть кому-нибудь полезен. Хотя по делам, в принципе, тоже можно, но это уже, боюсь, не будет иметь особого значения.

С другой стороны, если посмотреть на физиономии тех же верующих и вспомнить, откуда это высказывание, то поневоле начинаешь думать, что, возможно, тут не все так просто. И эта рекомендация специально рассчитана на разного рода доверчивых дурачков, чтобы те расслабились, не реагировали на грозящую им опасность и ждали пока их окончательно кинут и опустят на бабки, например. То есть все дела будут уже обделаны, а они потом на пенсии вспоминали, как много полезного узнали в жизни и гордились своей проницательностью.

Спасаясь от ливня, заскочила сегодня в магазин «Серебро». Стала рассматривать украшения, и явно скучавшая без дела продавщица сообщила мне, что к ней тут заходили мама с дочкой и просили показать член. Член совсем как настоящий, у него там все-все есть и, когда его надеваешь на шею, он встает – маме с дочкой очень понравился. Я, естественно, тоже заинтересовалась. Продавщица долго копалась в коробочках, выкладывая по ходу на прилавок серебряные фигурки, спаривающиеся в различных позах Камасутры, однако член так и не нашла. Мама с дочкой забрали последний.

Du point de vue esthétique dans chaque situation contestable celui qui n'a pas raison a raison. Voilà pourquoi les personnes persuadées de leur tort sont tellement laides¹⁰.

В сериале «Безумцы» я для себя выделила двух персонажей. Того, что занимаясь рекламным бизнесом, на досуге для души сочиняет рассказы в жанре фэнтэзи. И еще девку, жену главного героя, которая оставила эту работу ради съемки в дамских сериалах. Вот как надо жить и о чем мечтать!

Сейчас все думают, к примеру, что Союз писателей был крайне унылой и бессмысленной организацией, члены которой постоянно заседали на пародийных съездах и совещаниях по образцу партийных и колхозных собраний. Между тем, в советские времена желающие туда поступить выстраивались в длинные очереди. И так буквально во всем. Кажется, будто никто не хочет жрать дерьмо, но в какой-то момент вдруг выясняется, что многие люди всю свою жизнь только об этом и мечтали.

Кажется, я поняла, почему посещение магазинов стало вызывать у меня теперь сильное раздражение. Цены же росли всегда, но раньше я к этому факту относилась куда спокойнее. Просто сейчас все чаще приходится слышать и читать то, за что во все времена было принято убивать. Причем не где-нибудь в подворотне, а буквально везде, в том числе и на достаточно высоком официальном уровне, где обычно решаются вопросы важные для жизни граждан всех стран. Ясно, что это вызывает недовольство у тех, к кому такие слова обращены: они обижаются, забирают свои бабки, сворачивают производство и т.п. Что в целом и приводит к ухудшению экономической ситуации в мире. Так все это тебя вроде не особенно касается, но при виде изменившихся ценников ты вдруг почти физически ощущаешь, что личности, которые себе подобные вещи позволяют, выкабачиваются за твой счет, и поэтому как бы еще и прячутся у тебя за спиной. Из-за чего иногда хочется даже резко развернуться и дать хотя бы одному из них в лоб. Хотя я и осознаю, что в реальности позади меня никого нет, но от этого раздражение еще усиливается...

Поклонники вуду и прочие дикари до сих пор прыгают через костры и совершают разного рода причудливые телодвижения с копьями и палками. Пусть все и считают их умственно отсталыми, но именно таким образом они, вероятно, справляются со своими воображаемыми врагами. На самом деле, достаточно важно установить точное местонахождение раздражающего тебя явления не только в физическом мире, но, если так можно выразиться, и в другом измерении. А если речь идет о людях, как в моем случае, то это помогает еще и лучше понять их психологию и мотивы поведения. Поэтому такие пляски, вращения и прыжки, скорее всего, вовсе не столь бессмысленны, как многие думают, а являются чем-то вроде сеансов психотерапии для снятия напряжения. Негры и папуасы, конечно, вместо одежды облачаются в перья и серьезно отстают в развитии от городских жителей, но некоторые вещи из-за своей близости к природе они вполне могут ощущать даже лучше, я думаю.

Тут важно еще определить, где в данный момент посюсторонний мир и иное измерение максимально сближаются, а может быть, даже пересекаются. Люди же научились распознавать зоны магнитных аномалий, и тут тоже присутствуют определенные отклонения, на которые им просто следует обратить внимание. В Африке подобные участки возникают вокруг зажженных костров, а в Петербурге, судя по всему, они сейчас максимально дают о себе знать на территории всевозможных торговых точек. Это и объясняет раздражение, которое я в последнее время стала испытывать при посещении магазинов. Чисто теоретически можно было бы даже по ночам устраивать там сейчас нечто типа ритуалов вуду – подходишь к прилавку, например, резко поворачиваешься назад в момент наивысшего напряжения и делаешь выпад, как в фильме про восточные единоборства. Пару часов таких упражнений и где-то месяц, наверняка, будешь чувствовать умиротворение.

¹⁰ С эстетической точки зрения в любой спорной ситуации прав всегда тот, кто не прав. Вот почему личности, убежденные в своей неправоте, так уродливы. (франц.)

В Британии пьяная белка разгромила бар, в который запрещено приходить с животными.

Ленин в свое время называл Толстого «зеркалом русской революции», а когда того не стало, способность объективно отражать реальность перешла к коммунистической партии. Советские поэты и художники создавали на редкость корявые, жалкие и беспомощные произведения. Но это не мешало им получать государственные премии и награды, потому что в мире присутствовало настоящее зеркало, в котором все их мысли, слова и поступки обретали истинные, а не искаженные очертания.

Вот так и верующие. Какими бы уродливыми они сейчас всем ни казались, после смерти они, наверняка, попадут в рай, где любящий их Бог будет на них вечно любоваться.

Северная Корея грозит атаковать США неведомым «разрушительным оружием». Политика меня не особенно интересует, но иногда натыкаешься на такие заголовки и понимаешь, что фактически в одной фразе запечатлелась вся современная эпоха. Причем не только в глобальном масштабе, но и на бытовом уровне. Постоянно с чем-то подобным в последнее время приходится сталкиваться.

Жаль, что ни один из влиятельных мыслителей прошлого типа Гегеля или Канта не написал фундаментального труда под названием «О границах понимания». Тогда бы я стала гегельянкой или кантианкой, да хоть марксисткой... Такое сочинение существенно облегчило бы современным людям коммуникацию друг с другом.

Никогда не понимала, зачем понимать тех, кого нужно убивать. Однако постоянно натыкаюсь на таких личностей, которые чувствуют себя сегодня совершенно свободно и раскованно. К чему вообще существуют философы, если они не задаются столь важными вопросами? Чему их там учат в университете?

Тряпки, только что вышедшие из моды, раздражают сильнее всего. К искусству это тоже относится. Я помню, какое отвращение у меня вызывали в 90-е так называемые «шестидесятники». По этой причине, видимо, я совершенно не могу смотреть сейчас фильмы Вендерса, Херцога, Занусси и т.п. Не те, что были сделаны много лет назад, а которые они сняли в настоящем времени. Притом что такие фильмы нельзя даже назвать плохими. Они гораздо хуже: в каждом кадре присутствует нечто совершенно невыносимое.

На Гороховой возле светофора сегодня какая-то баба лет сорока спрашивала у молодого парня, тщательно выговаривая слова с явным иностранным акцентом: «Скашите, пашалойста, кхак пратти к Адмиралтестфу?» И потом долго уточняла, сколько времени туда добираться быстрым шагом и обычным. И даже продемонстрировала, что она имеет в виду, если идти «вот так», просеменив пару метров по тротуару энергично перебирая ногами. А в заключение еще поинтересовалась, как ее собеседника зовут. Точнее, я окончания их беседы дожидаться не стала, перешла на другую сторону и заглянула в магазин. Но буквально на следующем переходе оборачиваюсь, а она уже подходит ко мне и начинает, точно так же коверкая слова, расспрашивать, как пройти к Невскому. Я ей объясняю. После чего она идет дальше, и я вижу, как она опять кого-то вдалеке о чем-то расспрашивает, театрально жестикулируя...

И тут я понимаю, что это, видимо, сумасшедшая, которая решила изобразить из себя богатую иностранку, потерявшуюся в незнакомом городе. И вид у нее довольно странный: в полинявшей джинсовой куртке и обтягивающих лосинах, едва не лопающихся на заднице. Но, самое главное, конечно, акцент. Так обычно в советских фильмах изъяснялись пойманные с поличным иностранные шпионы. Ну, еще Эдита Пьеха, может быть.

И снова замелькало везде фото Бродского с Высоцким. Мелочь, конечно, но что-то в этом документе эпохи все же есть. По-своему, это даже круче, чем обнимающиеся патриарх и лидер КПРФ.

В детстве летом я часто ездила на остров Западный Березовый, где находилась учебная база Макаровского училища. И там, в лесу, было полно дотов и других бетонных сооружений, сохранившихся со времен финской войны. «Это линия Маннергейма!» – всякий раз, когда кто-нибудь из взрослых произносил эту фразу, в его голосе слышалось неподдельное восхищение. И сразу чувствовалось, что финны – хоть и маленький народ, но заставили себя уважать. Хотя в школе на уроках, насколько я помню, этот эпизод советской истории вообще едва упоминался.

Вот так и гений почти всегда одинок в глубоко враждебном ему мире, и поэтому надолго оставляет после себя следы не в учебнике литературы, а в виде воздвигнутых им неприступных укреплений, спрятанных практически тоже где-то в глухих лесных чащах и под землей.

Бывает, обсуждаешь с человеком кого-нибудь из знакомых, и вдруг выясняется, что под словом «другой», например, он имеет в виду вовсе не конкретного индивида, а некий научный термин с неведомым тебе смыслом. И от этого тебе становится немного не по себе. Ты к нему всей душой, а он, даже беседуя с тобой, мысленно как бы тренируется на тебе и продолжает готовиться к защите своей диссертации.

Поэтому я считаю, что все подобные понятия должны обозначаться специальными определениями типа «симулякр», «дискурс» или «трангрессия», чтобы люди чувствовали, что тут что-то не так, речь идет о чем-то сложном и необычном, и не оказывались в идиотском положении.

Подобные неувязки, кстати, могут иметь достаточно серьезные последствия не только на бытовом уровне, но и в государственном масштабе. Я заметила, в частности, что до недавнего времени никто не придавал особого значения слову «бог», а просто все говорили «бог с ним» или же «бог его знает» в том смысле, что никто не знает или же, что им все равно. И тут вдруг в телевизоре, газетах, буквально повсюду стали отсвечивать личности, которые начали вкладывать в это слово особый смысл, как их учили в духовной академии и других учебных заведениях, которые они закончили. Ясно, что это многих раздражает. Никому ведь не хочется чувствовать себя дураком. На первый взгляд, это кажется мелочью, но если вовремя не заменить слово «бог» на какой-нибудь специальный термин, то такое поведение в перспективе вполне способно привести к возрастанию напряжения в обществе, а, возможно даже, и к социальному взрыву.

У религии в этом отношении вообще много общего с наукой. Ученые любят выискиваться и доставать окружающих туманными понятиями, чтобы продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство над ними, и верующие ведут себя примерно так же. Только объекты исследований у них отличаются, а так, существенной разницы я не вижу.

Но если они действительно знают что-то особое, то и ладно. Однако когда слово уже занято для обозначения привычных всем вещей, то им тоже следует это учитывать и использовать для своих нужд что-нибудь иное. Чтобы никто не думал, что с ним не желают нормально общаться, а озабочены исключительно обделыванием своих дел и решением специальных задач.

Подумала сегодня, что, наверное, я тоже могла бы снять неплохой фильм. Какое-нибудь масштабное полотно с участием мировых звезд и многочисленными трюками, включая компьютерную графику. Но потом представила, сколько бабок мне на это потребуется, как их придется добывать, ходить по всяким инстанциям, чтобы получить грант или же найти спонсора, то есть не просто постоянно видеть перед собой тупые рожи всевозможных чиновников и бизнесменов, а еще и общаться с ними, и при этом не отталкивать их от себя, не раздражать, а вызывать определенную симпатию и казаться в чем-то близкой им по духу... И как только такая картина нарисовалась в моем мозгу, у меня мгновенно пропала всякая охота даже думать на эту тему.

С этой точки зрения само желание стать режиссером, мне кажется, в наши дни способно прийти в голову исключительно личностям с ограниченными умственными способностями. Гений

никогда в такую сферу не сунется. Поэтому, когда читаешь высказывания даже лучших представителей этой профессии – все эти их рассуждения о профессионализме в искусстве, как они любят людей, озабочены судьбами человечества, до сих пор увлекаются Достоевским и другими образцами мировой классики – всегда следует помнить, что ты имеешь дело с людьми, изначально отмеченными определенными дефектами в интеллектуальном развитии. И то, что им все-таки удалось снять хоть что-то более-менее приличное и заслуживающее внимания, уже само по себе достойно уважения. А большего от них ждать не стоит.

Большинство людей вообще ни фига не делают, я смотрю. Те же политики просто перемещаются в пространстве на машинах или же самолетах, трутся повсюду, встречаются с разными людьми, разговаривают, пьют чай, потом квасят, заседают на собраниях, курят, а вечером возвращаются домой, смотрят телевизор и ложатся спать. Бизнесмены – примерно то же самое. Или же обычные граждане: ну, может быть, постоят немного у станка или же у прилавка, и все. И при этом совсем неплохо живут. И только мне постоянно приходится работать.

Пока живешь на даче, смотришь на Луну, ни с кем не здороваешься и никого не видишь, кроме силуэтов соседей за забором, то все вроде встает на свои места. Но стоит встретить кого-нибудь на улице, поговорить по телефону, и все опять начинает перекашиваться. А после более длительного общения со знакомыми и родственниками и Толстой может показаться гением.

На даче среди деревьев и кустов видишь, как много общего у человека с растениями. В зоопарке можно обнаружить сходство между собой и пантерами. И только в окружении людей не чувствуешь ничего, кроме отвращения и ненависти.

Сжигать книги было бы правильней, я считаю, чем уничтожать продукты. Возьмем ту же Блокаду: не так страшен царивший тогда голод, как стихи советских поэтов на эту тему. Строчки «Никто не забыт, и ничто не забыто», к примеру, вполне можно использовать как рвотное, даже пальцы в рот вставлять не надо.

Раз в месяц я получаю вестник Союза Кинематографистов, где теперь публикуются многочисленные проекты, интервью и отчеты о заседаниях, связанные с возрождением так называемого «доброе кино», сопровождающиеся соответствующими фото. И это тоже гораздо хуже, чем «нямка с маянезиком».

У каждого события, эпохи, книги, фильма, факта, новостей тоже есть свой вкус. И поэтому все, в конечном счете, определяется состоянием духовности в обществе. И если уж что-то делать, то с нее и надо начинать.

Пчелы целыми днями трудятся на благо человека. И муравьи тоже постоянно пахнут, возводят свои муравейники. Но толку-то от них! Так бы их можно было заставить строить если не дачи, то собачьи будки или хотя бы домики для кукол, но они настолько тупые, что даже дрессировке не поддаются. А еще и кусаются. Лучше бы уж они тогда порхали и пели все лето, как стрекозы.

Практически вся литература, за редкими исключениями, значительно скучнее жизни. То же самое и кино. Еще есть религия, духовность, политика и телевизор. Если все это убрать, то люди бы перестали квасить. Само человеческое существование, в чистом виде, так сказать, к этому мало располагает.

Что из себя представляют так называемые «простые люди»? На мой взгляд, это такие личности, которые в своем поведении равняются на разного рода агентов под прикрытием. У тех имеется

легенда на случай провала, и они тоже при неудачном для них повороте событий могут сослаться на телевизор и назвать себя жертвой пропаганды. На бытовом уровне они, как правило, отработывают подобный сценарий, доябываясь до окружающих, когда находятся в состоянии опьянения, после чего утверждают, что якобы ничего не помнят, и извиняются.

Мамаша купила себе искусственные кактусы, а недавно один из них расцвел.

Верить в то, что кто-то сегодня верит в Бога – это все равно что, даже не знаю, прослезиться над популярной песней про несчастную любовь в исполнении звезд шоу-бизнеса.

Поэтому верующие и смотрят на атеистов как на недоразвитых дурачков.

Иногда хочется посмотреть более-менее приличный триллер, но не все так просто. Что ни возьмешь, практически сразу испытываешь разочарование: сюжеты затасканы, никаких новых тем, все заранее известно.

Дураков в этом мире нет! Никто не собирается особо напрягаться, чтобы кто-то сидел и получал за его счет удовольствие.

Продавщица в Гостином неожиданно заявила, что я являюсь ее воплощенной мечтой. Как бы она хотела быть такого роста! А то в метро ее ноги не достают до пола и болтаются, и недавно один мужчина даже сказал ей, чтобы она их убрала. «Но они же дебилы», – утешила я ее. Там, кстати, теперь отказались от советских маршей и церковных песнопений, и снова звучит «Квин». И в соседнем доме, я заметила, «Столовую» переименовали в «Шаверму». Жизнь берет свое.

Неспособность отслеживать причинно-следственные связи – самая неприятная черта человека по сравнению с компьютером.

Когда техника ломается, ее либо выбрасывают, либо несут в ремонт. А идею, будто этот мир проще, чем он есть на самом деле, даже нельзя назвать заблуждением.

Добычей мужчины и его сообщника-собутельника стали плюшевая игрушка, ножницы и табурет.

Ум глубоко антиэстетичен и в этом отношении даже хуже добра, которое обычно слегка облагораживается глупостью тех, кто испытывает к нему тяготение.

Другое дело, что глупость тоже должна выглядеть правдоподобно. Но дебилы и этого понять не в состоянии.

Общество духовного потребления. Никто его не описал почему-то. Люди, подобно пиявкам, вцепляются в слова «любовь», «добро», «бог» и пр. и высасывают из них последние капли смысла, оставляя после себя безжизненную пустыню...

Но, возможно, раньше с таким явлением просто никто не сталкивался. Все в этом мире когда-то случается впервые.

Все, в сущности, определяется мерой комфорта, который хотел бы обеспечить себе каждый индивид в этом мире. И когда об этом думаешь, сразу врубаешься в секрет популярности в определенной среде того же Розанова, например. Его поклонникам приятно обличать именно интеллигенцию, поскольку только так они чувствуют себя в максимальной безопасности и не ставят под угрозу существование себя и своих близких.

А поняв это, легко догадаться, почему они так любят семейные ценности, телевизор и другие приятные вещи, без которых невозможно представить настоящий домашний уют.

«Там вверху» – самая скучная часть трилогии Гюисманса. «Творимая легенда» Сологуба и вовсе ужасна... Но если бы я, к примеру, решила написать сейчас роман «Возвышенные и непреклонные», то это было бы даже прикольно.

И все потому, что Петербург в наши дни является столицей мирового декаданса. Что позволяет живущему здесь декаденту воплотить в жизнь практически любой замысел, который не сумели реализовать его предшественники.

Метафора – это такой перенос одного явления на другое, когда образуется некая область, где они пересекаются. И в этом смысле она в чем-то даже подобна точечному многоэтажному дому: употребляя ее, ты, как бы залезаешь наверх и приближаешься к самому краю крыши. Это помогает выявить тех, кто не чувствует границ реальности. Они обычно сразу же стараются развить сказанное тобой, подчиняясь чисто механической логике и полностью подменяя одно явление другим, и в результате проваливаются в пустоту. Такие личности, образно выражаясь, совсем не боятся высоты, поскольку вообще не врубаются, что помимо плоского и понятного мира, где они привыкли перемещаться, существует еще и нечто возвышенное и неуловимое.

Самый яркий пример – это Бог и доведшие его идею до абсурда схоласты.

Гений даже из мусора и отходов способен создать прекрасное произведение искусства, а обыватели берут возвышенные слова и понятия и превращают их в дерьмо.

Таковы социальные последствия безобидной на первый взгляд тяги отдельных личностей к вульгарным нарядам и украшениям из дорогих материалов, типа золотых крестов на толстых цепях.

Тот, кто перестает быть забавным, отлучается от Церкви, а юмористы попадают в ад. Все очень просто, на самом деле.

Осталось дожидаться аудиенции у Римского папы и предложить ему новый символ веры.

Слышала, что пчел иногда кормят сахаром. И это странно. Сахар ведь нужно покупать, а цветы и деревья растут в сельской местности сами по себе, поэтому пчелы могут собирать с них необходимую для производства меда пыльцу совершенно задаром, на халяву. Зато мед из сахара полностью лишается полезных свойств.

На что только не идут люди, чтобы нагадить своим ближним!

Практически каждое утро читаю в новостях про запреты продуктов из разных стран по все более и более невероятным и экзотическим поводам, и все глубже погружаюсь в состояние близкое к депрессии.

Делаешь одно, а подразумеваешь совсем другое – для простого человека, судя по всему, такой способ поведения является верхом изящества и остроумия. Все, кто намека не понял, – лохи. А надзорные государственные органы в данном случае выступают в качестве коллективного дедушки Крылова.

Ясно, что в таком мире утонченные декаденты вроде меня обречены на непонимание и одиночество!

Никогда не понимала, какая разница, сколько у человека бабок и берет ли он взятки, если в результате самого правильного и примерного поведения, к примеру, его физиономия приобрела настолько гнусное выражение, что от нее тошнит. Возможно, ему, наоборот, нужно было воровать и даже кого-нибудь замочить, и тогда это пошло бы ему на пользу.

И это касается не только политиков. Поэту тоже иногда, чтобы стать гением, следует писать как можно хуже.

Член семьи убийц зарезал жену, которая попросила его не разделывать на кухне собаку.

На Земле проживает несколько миллиардов человек, и если бы каждый из них дал мне один доллар, я бы стала миллиардером, а никто бы этого даже не заметил, то есть не испытал вообще никаких проблем, и всем было бы хорошо, все были бы довольны.

Но так не происходит, потому что вслед за мной и другие тоже, как обезьяны, захотят получить свой миллиард, и тогда человечеству придется раскошелиться на более значительную сумму. А если еще и я начну раздавать свои бабки, то вообще вся эта возня лишится смысла, и в конечном счете каждый останется при своем долларе. Это в лучшем случае, а, может, и вовсе денежки утекут в карман какому-нибудь мошеннику.

Вот поэтому я не люблю людей. За их тупость и жадность! Сами они ни до чего интересного додуматься не могут, а уже только своим присутствием в этом мире мешают наиболее одаренным личностям осуществлять их гениальные замыслы.

Больше всего люди напоминают мне насекомых, которые совершенно не приспособлены для жизни на свету и должны постоянно находиться в темноте, в каких-нибудь зарослях и подвалах, подальше от взглядов окружающих. Стоит только какому-нибудь случайному солнечному лучу упасть на отдельных индивидов или даже на целое их скопление, как они начинают беспомощно барахтаться, извиваясь своими тщедушными тельцами, и сразу всем становится понятно, насколько жалок и уродлив по своей природе тот или иной человек, который до этого момента, пока он оставался невидимым, еще мог кому-то показаться интересным и загадочным.

Самый яркий пример из новейшей истории – это пролетарии, в течение семидесяти лет отсвечивающие у всех на виду и в полной мере продемонстрировавшие ничтожность и убожество представителей этой социальной прослойки, окончательно развеяв все иллюзии на свой счет, если таковые у кого-то когда-либо имелись.

Нечто подобно сейчас происходит и с так называемыми «верующими», которые, думаю, уже в самое ближайшее время и вовсе полностью исчезнут с лица Земли как вид. Все-таки рабочие, какими бы дебилами по своей природе они ни были, уйдя обратно в тень, продолжают что-то мастерить, ковыряться с отвертками и гаечными ключами в различных механизмах и таким образом сохраняют свою полезность для других людей, чинят им машины и собирают те же телевизоры, по которым показывают сериалы и триллеры, а религия всегда была бессмысленным довеском к человеческому существованию, которое и без того является достаточно тяжелым.

Но это не значит, что печальный пример предшественников окончательно отобьет охоту у представителей других профессий, социальных групп и общественных объединений периодически вылезать из своих нор, чтобы завоевать мир. Я вполне могу себе представить, что следующими спасителями человечества решат выступить, например, врачи. Почему нет? Они ведь запросто могут перепрофилировать Литинститут и другие творческие вузы. Тем более, что здания уже имеются, а штат преподавателей в целом вполне готов переквалифицироваться – просто искусство будет там преподноситься в качестве «лекарства от духовных недугов», а вместо «инженеров человеческих душ» станут готовить «лекарей». Ну, и повсюду на плакатах, рекламных щитах, страницах газет, экранах мониторов и ТВ тоже, соответственно, замелькают люди в белых халатах, выступающие с советами и рекомендациями всеобщего исцеления. И так будет продолжаться до тех пор, пока определение «врач» само не станет своего рода диагнозом и не превратится в синоним слова «дегенерат». О том, что врачи, мягко говоря, не отличаются особым умом, многие, в принципе, догадываются уже сейчас. Однако, чтобы это дошло до более широких

масс, все-таки необходимо, чтобы они продемонстрировали свои способности более наглядно и вслед за остальными прошли весь цикл, подобный круговращению воды в природе, то испаряющейся и превращающейся в облака, то снова выпадающей на землю в виде осадков. После чего врачи тоже сойдут со сцены и опять растворятся в темноте, уступив место кому-нибудь из своих пациентов...

Первая серия «Люцифера» неожиданно заставила меня всерьез задуматься над своим поведением – фактически в каждом слове, жесте и поступке главного героя я узнаю себя. Но он-то существует только в кино, а я как бы присутствую в реальной жизни...

Смешно, но даже такое простое и, казалось бы, очевидное суждение, как «Не хлебом единым жив человек», и то оказалось лажей.

Достаточно посмотреть на тех, кто сейчас отсвечивает в телевизоре, например. У них имеются руки, ноги, головы, то есть по всем формальным признакам они являются людьми. Однако они совершенно не врубаются, что от созерцания красоты или же познания не то что бы уж прямо истины, но хотя бы каких-то новых, не известных тебе ранее оттенков бытия, чего-то забавного, тоже можно получить определенное удовлетворение. Нет, такое впечатление, что их волнуют только бабки и жратва. И все. А о существовании остального они даже не подозревают. И ничего. Спокойно себе живут и вполне всем довольны.

Не знаю, кто и для чего пишет такие книги, как Библия, но читать их, видимо, лучше совсем не вникая в суть, не углубляясь в смысл всех этих нравоучительных и многозначительных фраз и изречений, чтобы не чувствовать потом раздражения и разочарования. А относиться к словам, как к бульканью воды, например, и журчанию ручейка: прочитал, почувствовал смутное волнение, как будто ты соприкоснулся с чем-то легким прохладным странным, но неясным и туманным, и забыл. Как к стихам, короче.

Но вот в этой фразе «не хлебом единым...» нет даже приятных для слуха благозвучных аллитераций, она сама напоминает засохшую корку хлеба. Для чего тогда она вообще нужна? Вот этого я понять не могу.

Хочется топтать ногами жратву, рвать тряпки и сжигать книги. Просто настроение такое. И еще жарко на улице.

Встретила сейчас знакомого на Невском и едва удержалась, чтобы не стукнуть его по лбу. Вечно пьяный и довольный собой. Идиот, что с него взять!

Быть уродом, в сущности, хорошо. Это на него всем противно смотреть, а он хотя бы иногда общается с красивыми людьми. А если он еще и дебил, то еще лучше – можно созерцать прекрасное и параллельно вести умные беседы.

Участники матча на звание чемпиона мира не могут сыграть партию, которая когда-то уже разыгрывалась. Физики мучаются с проблемами гравитации. Кандидат философских наук даже в одну реку второй раз войти не в состоянии...

А простые люди не знают преград и, подобно Бэтмену, свободно перемещаются в пространстве и времени!

Допустим, бедность войдет в моду. Миллионеры закроют свои счета в банках и облачатся в рубища. А бомжи и прочие обитатели помоек сразу преисполнятся самомнения от сознания, что все хотят быть такими, как они. Однако по-настоящему стильным нищим все равно сможет быть только тот, кто стал им сознательно, то есть состоятельные люди, отказавшиеся от своих бабок. А

потом, когда вдруг станет модно кататься на яхтах, они разморозят свои счета, и бедняки опять останутся ни с чем...

Таковы суровые законы искусства. Любое явление там должно быть уничтожено и воссоздано заново непреклонной волей творца, включая отсутствие пищи и рваную одежду. По этой причине в литературе вот уже много веков классицистов сменяют сентименталисты, место которых потом занимают романтики и т.п., и только реалисты неизменно оказываются не у дел, и им в этом плане вряд ли когда-нибудь что-либо светит. Стиль и мода обходят их стороной.

Личности, тупо привязанные к реальности и старающиеся ее запечатлеть в своих произведениях, обречены вечно влачить столь же жалкое и беспросветное существование, как самые малоимущие слои населения!

По дороге на дачу еще раз убедилась, что человечество делится на тех, кто закрывают или же, наоборот, открывают окна в автобусе в жару. Может, и еще на кого, но уж никак не на православных и католиков. Хотя если регулярно ходить в церковь, например, то, наверное, и их тоже начнешь различать. Все-таки одни стоят во время службы, а другие сидят: прямо как в общественном транспорте, тот же принцип, судя по всему. Но зачем? Что я там забыла? Будешь болтаться, как дерьмо в проруби – так забьешь себе голову всяким мусором, что от него потом уже никогда не избавишься. Пусть лучше верующими занимаются религиоведы.

А гению главное – никогда не уступать место пенсионерам, беременным женщинам и инвалидам!

Гроб с телом влиятельного мафиозо был доставлен на старинной карете, запряженной шестеркой лошадей с черными плюмажами. Туда же под звуки музыки из знаменитого фильма про мафию "Крестный отец" подъехала колонна лимузинов с траурными венками на крышах, из окон которых на улицу летели красные розы. Похороны завершились дождем из алых лепестков, которые разбрасывались с вертолета...

Декаданс спасет мир!

Черепаша гораздо медленнее перемещается в пространстве, чем люди. Не случайно ведь принято говорить: «Ну, ты совсем как черепаха!», – или же: «Что ты тащишься, как черепаха!», – про тех, кто копается и слишком медленно идет. Поэтому даже если некто, человек или же другое крупное существо большого размера, типа орангутанга или медведя, преодолевают определенное расстояние, и черепаха тоже какой-то отрезок в это время проползает, перебирая своими маленькими лапками, то они все равно ее догонят и сожрут. Черепаха продвинулась на метр, а ее преследователи – на десять: где-то через минуту с небольшим они без труда настигнут черепаху, изначально бывшую от них на дистанции в шестьдесят метров. Люди же ходят со скоростью метр в секунду примерно, а медведи и обезьяны еще быстрее. Да даже если она и успеет еще чуть-чуть отползти, оставшийся промежуток можно будет запросто перепрыгнуть. Разве что человек находится где-нибудь в Европе, а черепаха – в Африке, тогда он ее вряд ли поймает. Я так думаю.

Возвращалась сейчас из местного дачного магазина и вдруг увидела впереди стаю бездомных собак, решила свернуть на другую дорожку, но не прошла и нескольких метров, как вдали замаячили резвящиеся детишки дошкольного возраста... Пришлось идти там, где собаки.

Вот, казалось бы, еще в девятнадцатом столетии писатель, удаляясь под конец жизни в монастырь, ставил эффектную точку в своем творчестве, придавая ему как бы дополнительную уходящую в туманную вечность перспективу. Читатели чувствовали, что человек полностью познал границы этого суетного мира, исчерпал возможности словесного искусства, и продвинулся к чему-то большему и не доступному пониманию простых смертных. Таким образом, религия удачно

дополняла и, можно сказать, украшала искусство. Да даже отлучение Толстого от церкви тоже оттеняло масштаб его личности и подчеркивало серьезность его духовных метаний.

И куда все делось, интересно? Религия в наши дни не только не расширяет границы человеческого бытия, а, наоборот, предельно их сужает, превращая и без того простой и прозрачный мир современного человека в нечто и вовсе банальное, плоское и даже смешное. Увидишь, как кто-нибудь на улице или же за столом осеняет себя крестным знамением, и сразу чувствуешь, что имеешь дело с олигофреном, который слишком много смотрит телевизор и явно перебрал с отечественными сериалами.

Сегодня поэт, решивший на старости лет обратиться к вере, даже если у него в стихах и можно было ранее обнаружить кое-какие проблески красоты и гениальности, таким своим жестом разом все перечеркивает, демонстрируя, что у него совершенно отсутствует эстетическое чутье, и за неимением какого-либо собственного познавательного для окружающих жизненного опыта он чисто механически повторяет красивые поступки своих предшественников. То есть фактически действует как эпигон и графоман.

Однако в своем поведении сами религиозные деятели и рядовые верующие исходят из того, что ничего не изменилось, и они по-прежнему являются носителями потустороннего сверхъестественного знания по отношению к обычным гражданам. И это обстоятельство все должны принять как само собой разумеющееся, причем исключительно потому, что так было всегда или же, по крайней мере, так было принято считать во все времена.

Несколько раз в жизни мне доводилось встречать совершенно ничем не примечательных невзрачных личностей, которые по каким-то неведомым мне причинам в своем поведении решили для себя во всем и всегда исходить из предпосылки, что они являются неотразимыми красавцами и интереснейшими собеседниками, на которых все любят и с которыми все буквально спят и видят как бы познакомиться и пообщаться. Если такой тип тебе звонит, к примеру, то он обычно говорит: «Вы так давно меня не видели, я тут проездом, вы, вероятно, по мне сильно соскучились, не хотите ли со мной встретиться?» После чего ты сразу же оказываешься в двусмысленном положении. Тебе и тратить свое время на него вроде не хочется, но и обижать столь жалкое и убогое существо, обозначив своим отказом, что ты совершенно о нем не думала, тоже как-то неловко.

Вот так и с религией. Как бы само собой предполагается, что она вносит в жизнь современного человека нечто чрезвычайно важное и интересное, о чем все люди на протяжении всей своей жизни только и мечтали. Ясно, что никому не хочется ее обижать. Так что же с ней делать? На мой взгляд, религию можно использовать для того, чтобы приобщать массы к литературе, живописи и музыке, в частности. В качестве своеобразного вводного курса в высокое искусство для чайников, если так можно выразиться. Так просто ведь представителей низших слоев населения в филармонию или же Эрмитаж не заманишь. Они всю свою жизнь, скорее всего, так и проведут в пьянстве и грязи. А тут они, соблазненные перспективой вечной жизни и всяческих удовольствий в загробном мире, будут ходить в храмы, слушать там музыку, церковные песнопения, созерцать простейшие образцы живописи в виде тех же икон, а там, глядишь, до них дойдет, что можно еще и просто в театр пойти на какой-нибудь спектакль. И тогда узкий кругозор огромного числа обывателей значительно расширится, их мир станет богаче. И они, возможно, поймут, что помимо того, что им долбят по телевизору, существуют еще кое-какие интересные вещи и явления. Но для этого важно, естественно, чтобы те же монахи, прошедшие десятки лет в монастырях, под конец жизни покидали свои кельи и выпускали книги стихов, например. Или же поступали в балетные училища и начинали учиться танцам. Или даже просто начинали посещать кружки и заниматься хотя бы лепкой. Демонстрируя народу на своем примере, что помимо молитв и постов, существует еще нечто более увлекательное и важное, и способствуя таким образом повышению уровня духовности в обществе.

Переключала тут на даче каналы и попала на фильм про Данелию. Оказывается, все российские режиссеры мечтают снять кино типа «Я шагаю по Москве». Счастливые люди, ничего не скажешь. Но такими надо родиться. Всем остальным просто не повезло.

Когда финал какого-либо масштабного предприятия или даже социального образования типа государства всем известен, люди хотя бы должны получать удовольствие от самого процесса, от разных там тонкостей, душевных переживаний, намеков, аллюзий, символов, красивых вещей или даже еды и одежды. Для гениального литературного произведения, в частности, начало и конец не так уж и важны. А вот все массовые жанры в ситуации с предсказуемой развязкой лишаются всякого смысла – что в жизни, что в искусстве.

Кому интересен детектив, в котором преступник засветился уже в самом начале, и все знают, что он будет наказан?

Вот почему обыватели, у которых даже намерений никогда не было стать гениями и которые всю свою жизнь спокойно снимали себе те же детективы, исполняли незатейливые песенки про любовь или же стояли у станка, в те или иные исторические моменты вдруг начинают читать окружающим мораль и вести себя, как Лев Толстой. Просто они понимают, что всех участников событий с известным концом нужно как-то вовлечь в происходящее, чтобы им не было совсем скучно. И такое поведение им диктуют законы жанра. То есть они вынуждены срочно переквалифицироваться в гениев, чтобы поддержать хоть какой-то интерес к затейной ими авантюре.

В местном фургончике, кстати, где продаются колхозные продукты, сейчас торгует белесая девушка с круглым лицом. И от нее веет такой приятной глупостью и непосредственностью, даже говорит она не то, чтобы окая, но с милым сельским акцентом.

Вот такими и должны быть простые люди, а не какими-то наглými придурками! О них, наверняка, и писали Пушкин и другие русские классики в своих стихах. Хорошо, что я ее увидела, а то я как-то уже совсем забыла, как они выглядят.

Выбирала сейчас себе шармы для браслета и попросила показать чертей, как продавщицу, которая только что излучала радушие и заинтересованность, вдруг прямо подменили: лицо ее окаменело, и она уставилась на меня так, что мне даже стало немного не по себе. И еще ледяным тоном произнесла: «Мы мирная организация, чертей, пистолетов и черепов у нас нет! Вот, можете взять Собор Василия Блаженного». Однако собор мне был не нужен, слишком грубая работа, к тому же, и я поинтересовалась, а нет ли у них моголеновида. После чего она окончательно отошла от меня в дальний угол.

И совсем молодая девка на вид. Не знаю, может, она приняла меня за провокатора из «казаков Петербурга», или у людей уже реально крыша поехала?.. Потом, правда, она немного расслабилась и продемонстрировала «мешочек долларов», но я бы предпочла евро. В конце концов, я взяла себе кораблик и еще Карлов мост.

Возьмем хотя бы Ленина и Петросяна. Одни думают, что с ними и так все понятно, а другие считают их гениями. В этом и заключается трагедия русской души.

Плутон, кстати, я примерно так себе и представляла. Ничего особенного. Я бы удивилась, если бы он оказался другим.

Человечество вкладывает миллиарды в освоение космоса, а личности вроде меня, наделенные экстрасенсорными способностями видеть через сотни тысяч километров, остаются невосребованными!

Слепые тоже могут быть расистами, выяснили ученые.

Люди всегда что-то сначала делают, а потом уже думают. Но одним после приходится подгонять под себя факты и постоянно что-то подтасовывать, чтобы как-то оправдать свои поступки, а другим – нет.

И получается, что кто-то сделал что-то интересное и важное, а кто-то, наоборот, что-то не то. Это вопрос чистого везения, на самом деле. Ничьей особой заслуги или вины тут нет.

Простые люди считают все интересное скучным. А все скучное им кажется интересным. Поэтому их бывает довольно сложно понять.

В самом слове «благодать» уже есть что-то дебильное. И лица у тех, на кого она снизошла, тоже соответствующие. Они как бы постоянно находятся немного под кайфом, ничего не замечают вокруг, размахивают руками и вообще ведут себя, как дурачки.

А это значит, что оказаться в таком состоянии для меня, к примеру, означало бы расслабиться и на все забыть. То есть фактически опуститься, по крайней мере, на ступеньку а, может, и больше вниз по сравнению с тем уровнем духовного развития, которого я к настоящему моменту достигла.

Но разве Бог не должен находиться где-то сверху? Но тогда и личности, отмеченные этой самой благодатью и особо к нему приближенные тоже, по идее, должны были бы надо мной возвышаться. Вот этого я понять не могу.

Кажется, я поняла. Неповторимость – вот главное для всего живого, не только в органической природе, но и в мире слов и понятий. Компьютеры и машины, в принципе, тоже несут на себе индивидуальную печать их владельца, но среди механизмов и вещей это все же не столь явно прослеживается. Конечно, каждое дерево отличается от другого, и береза, хотя и растет, но все равно остается собой и не похожа на дуб, и в этом смысле себя постоянно повторяет. Но только на таком уровне и для поверхностного взгляда, а при ближайшем рассмотрении она все время развивается, распускает новые ветви и листья и так до тех пор, пока не засохнет.

Еще лучше это видно в искусстве. Как только писатель начинает повторяться, он становится похож на засыхающее дерево и постепенно каменеющий труп. И это свойство, кстати, можно даже вполне сознательно использовать: если какая-то мысль тебе, в частности, надоедает и начинает тебя раздражать, то стоит только ее несколько раз продублировать, и она гибнет. Плагиаторы, с этой точки зрения, и вовсе всегда напоминали мне самоубийц или даже покойников. Творческие личности не случайно ведь их опасаются и часто на них жалуются. Они со своей стороны тоже чувствуют, что присутствие подражателей угрожает их жизни – в духовном плане, разумеется.

А русские?.. Вот это, пожалуй, самый яркий пример, который сейчас каждый имеет возможность наблюдать непосредственно прямо у себя перед носом. Существуют русские, которые, если так можно выразиться, никогда не кончались и, подобно березкам, ромашками и другим растениям, все это время продолжали свой рост. И есть такие русские, в существование которых на несколько десятилетий вклинились советские, и теперь они как бы снова решили продублировать прежних русских. То есть, по сути, эти личности ведут себя примерно как плагиаторы, и даже хуже, так как несут вполне реальную угрозу для настоящих русских, которые еще живы, и тут речь идет уже не только о литературе и других отвлеченных материях, а о том, чтобы физически занять чужое место. Хотя и тех, кто умер, они своим тупым копированием тоже убивают, уничтожая неповторимую русскую культуру. Не случайно ведь они с таким упорством постоянно долбят и называют себя «русскими» – им важно все время повторять в том числе и само это слово. Русские, что характерно, которые не кончались, определяют себя так достаточно редко и в основном по необходимости, как и представители других народов, присутствие в этом мире которых никогда не прерывалось столь очевидным образом, как это произошло в России. Киборги и мертвецы подобных нюансов, естественно, не различают.

Перед недавней встречей с читателями я решила сделать себе маникюр, но в салоне вместо милой девушки Ани, с которой я обычно имела дело, из подсобки вышла незнакомая мне баба. После минутного колебания я решила, что ничего страшного, все-таки руки это не так сложно и ответственно, как волосы. В результате она вытащила целую связку металлических инструментов и начала ими обрабатывать мои ногти. Я сразу же почувствовала жуткую боль, и на первом же пальце у меня проступила кровь, дальше было еще хуже, я начала дергаться и попросила ее действовать поосторожнее, но это совершенно ее не остановило, и она продолжила орудовать своими железяками, приговаривая после каждого моего подергивания: «И что это у вас с руками, никогда у меня такого еще не было!...» В довершение всего, выяснилось, что у них нет лаков ярких оттенков – а я собиралась окрасить ногти во все цвета радуги – так что мне пришлось отказаться от своей идеи и довольствоваться тем, что есть. После этой процедуры пальцы у меня кровоточили и болели еще несколько дней, а в первую ночь я и вовсе не могла заснуть, хорошо еще, что удалось избежать воспаления.

И, кстати, после того, как я сообщила ей, что хочу покрасить ногти в цвета радуги, она почему-то сразу начала рассказывать про свою десятилетнюю дочь, которая недавно разбила ее мобильник, и, как мне показалось, многозначительно уставилась на меня, как бы ожидая, что я сейчас заинтересуюсь ее девочкой, попрошу меня с ней познакомиться, а тут меня и арестуют по обвинению в педофилии или же пропаганде. Хотя, возможно, я и преувеличиваю, но я все равно не поняла, причем тут ее дочка и телефон, к чему она завела этот разговор – возможно, все же какие-то плохо осознаваемые ею самой намерения тут присутствовали, как-то связать всю эту цепочку, цвета радуги, ребеночка и меня, но просто она толком не знала, как ко мне еще прицепиться...

Но самое главное, конечно, чуть не забыла, это ее лицо, которое больше напоминало задницу, иначе не скажешь: абсолютно круглое белое и гладкое, в том числе и из-за зачесанных назад и стянутых на затылке в пучок волос, с такими же выпуклыми, как шары, бесцветными глазами, и еще ярко-красные и тоже выступающие вперед, как у вампира, губы. Вот на что нужно было сразу обратить внимание, тогда бы мне не пришлось претерпевать все эти пытки. Обычно, когда речь заходит о книгах, я всегда сначала смотрю на портрет автора, а тут вроде вопрос куда более серьезный, чем литература, касается здоровья, и я вдруг так расслабилась.

В спорте есть такое понятие как «фальстарт». Жаль, что его нельзя распространить на другие сферы человеческого бытия. Многих личностей стоило бы сразу снимать с дистанции, а так приходится просто не обращать на них внимания. Я имею в виду тех, кто по всем признакам должны быть где-то далеко позади, а не отсвечивать постоянно перед глазами.

Допустим, британские или другие ученые в один прекрасный день выяснят, что мед не содержит в себе абсолютно никаких полезных веществ, а даже вреден. Поскольку он сладкий и там много сахара, то такое вполне вероятно. Вот это был бы крах иллюзий, мне кажется, покруче, чем смерть Бога! У человечества с пчелами и всеми этими порханиями вокруг цветов так много всякого связано: поэты об этом постоянно писали, философы приводили в пример и т.п. И тут вдруг такой облом!

С другой стороны, люди уже извлекли определенную пользу, соприкасаясь с подобными метафорами, научились кое-чему у гипотетических пчел, и могут двигаться дальше. А что там, на самом деле, в реальности не так уж и важно. Настоящий, если так можно выразиться, символический мед не может быть вреден и не портится от того, что в действительности его не существует. И получается, что пчелы все-таки принесли пользу человечеству, несмотря на новейшие научные сведения.

Разве этот пример не показывает, что литература гораздо важнее науки? Поэты рассказывают людям о подлинной реальности и даже вредные вещества превращают в полезные, а ученые просто ковыряются в нечистотах, рассматривают в лупу микроорганизмы и думают только о материальном, а духовное состояние общества их совершенно не волнует.

Но самое печальное, что отдельные личности и после предоставленных наукой объективных доказательств будут продолжать поглощать мед в огромных количествах, настаивая на его полезности. Такие отморозки во все времена находятся, и им как бы вообще по фиг, что происходит в действительности. В результате, по статистике они будут отправляться на тот свет

лет на десять раньше остальных людей. Это ведь, на самом деле, теперь достаточно легко будет проследить, проведя определенные эксперименты и сделав соответствующие статистические выборки. Ясно, что многие красивые поэтические произведения прошлого из-за них начнут вызывать у обывателей скептическую улыбку.

Вот такие маньяки представляют самую большую опасность для искусства и подыгрывают бездуховным дебилам, я считаю. Они не любят и не понимают прекрасное. Для них главное – пожрать!

Именно после женитьбы его жизнь кардинально изменилась. Он называет этот момент "озарением": по его словам, он шел через леса и вдруг внезапно принял решение посвятить свою жизнь прогулкам в общественных местах в обнаженном виде.

Гнусность – это такое утонченное уродство. Поэтому ей должна противостоять грубоватая красота. Однако слова для нее в русском языке не существует, и это значит, что русские люди оказались совершенно не готовы к подобному противостоянию.

В советские времена коммунистов почему-то клинило на ошибках. Стоило где-нибудь в программке ТВ, к примеру, случайно написать «Мелодии врагов» вместо «Мелодии друзей», как разгорался страшный скандал и виновника, как минимум увольняли. И это странно. Ведь советские руководители были марксистами, а не фрейдистами.

Книги тогда тоже проходили тщательнейшую корректуру и редактуру, по которым многие читатели в девяностые даже испытывали сильную ностальгию, поскольку такие специальности как редактор и корректор в то время улетучились как класс или же, по крайней мере, утратили свое былое величие и значение. Впервые за долгие годы авторы стали смотреть на них даже несколько свысока. И это тоже странно, потому что еще совсем недавно редактор фактически выполнял еще и обязанности цензора, и все писатели трепетали и плохо спали по ночам перед встречей с ним.

А вот до революции в издательском деле царила и вовсе полная анархия: небрежные макеты, повторы, перекошенные столбцы, обрывы страниц, произвольная орфография и еще более вольный синтаксис. Помню, в юности, когда я приходила в Публичную библиотеку и брала в руки какую-нибудь старую книгу, я как будто отдыхала душой от царившего вокруг утомительного порядка.

С тех пор я на всю жизнь полюбила ошибки и всякий раз радуюсь, когда на них натываюсь. Далеко не все, к сожалению, могут их себе позволить.

Обыватели никогда не бывают одеты по моде, как бы они ни прихорашивались. В этом и заключается их отличие от гениев. Поэтому красота обывателей, как это ни странно, заключается в их естественном уродстве. Уродство и красота в природе существуют в полной гармонии и, можно сказать, дружат, дополняя и оттеняя друг друга.

Однако идиллия заканчивается, когда некоторые личности начинают напяливать на себя всякие эффектные и экзотические наряды, заявляя таким образом о своих претензиях на гениальность. Вот это и есть настоящее уродство, глубоко враждебное красоте. В такие моменты уродство утрачивает все свое природное очарование и превращается в гнусность.

Примеры? Я бы, наверняка, пребывала в мире бесплотных абстракций, если бы периодически не натывалась на отзывы о своих книгах. И надо сказать, что отрицательные мне часто нравятся даже больше положительных. Поскольку они своим убожеством как раз удачнее всего и оттеняют совершенство моих произведений.

Но и среди всех этих приятных мнений и суждений иногда все же попадаются такие, которые меня совсем не радуют. Поэтому за долгие годы я даже выделила их в одну характерную группу. Я имею в виду, в частности, таких рецензентов или же просто читателей, которые, вспомнив, что я, помимо собственного творчества, занималась еще и переводами Селина, пытаются ему меня противопоставить.

Обыватели, как я уже сказала, не бывают одеты по моде. То же самое и с искусством: все гении и классики для них непременно находятся в прошлом. Но если в качестве примера для подражания один из таких даунов выбирает Гомера или там Толстого и противопоставляет их, скажем, мне или же какому-либо другому из живущих ныне гениев, если таковые вдруг имеются, то его наивность выглядит даже трогательной и не лишена определенного шарма. А когда речь идет о Селине или же чем-то подобном, что кажется некоторым просвещенным индивидам чрезвычайно необычным и изысканным, и в определенном смысле даже является таковым, но все равно принадлежит прошлому, и потому тоже уже стало банальностью, как Гомер, Пушкин и Толстой – вот такое проявление, если так можно выразиться, особо утонченного уродства я и называю гнусностью.

И в более широком смысле, если вернуться от частного к общему, все умственно отсталые личности, не обязательно именно в литературе, стоит им только вторгнуться в современность и попытаться начать ее творить, как они сразу же утрачивают все свое уродливое очарование и становятся глубоко отталкивающими.

Современность каким-то парадоксальным образом почему-то неизменно ускользает от них. Прямо как черепаха от Ахилла.

Сегодня днем на Дворцовой передо мной шли несколько молодых людей с гладко подстриженными бородами, как сейчас носят. Вдруг один из них откололся от группы, подбежал к двум шедшим в стороне полицейским с крысиными физиономиями и стал им что-то, энергично жестикулируя, объяснять, указывая то себе под ноги, то в направлении Невы, а те в ответ пожимали плечами и недовольно морщились. До меня донеслись отдельные слова: «Безобразие, в центре города и такое!...» – «Мы этим не занимаемся...». Молодой человек упорно настаивал на своем и чуть ли не хватал их за рукав. Я даже немного удивилась: вроде приличный на вид юноша, а пытается на кого-то настучать. Но после он вернулся к своим товарищам, и поравнявшись с ними, я услышала их дружный хохот.

Оказалось, что его лакированные штиблеты были немного вымазаны, и это он предлагал полицейским пойти навести порядок, убрав кучу дерьма. Те, естественно, отказались, но настроение после этой сцены у меня все равно существенно улучшилось.

По моим наблюдениям, моралисты всегда бывают крайне жестокими в жизни, так как искренне не понимают, что слова вообще хоть что-то могут значить. Все эти разглагольствования о добре, совести и прочие нравоучения большинству людей до лампочки, и им это известно лучше других. А эстеты, напротив, часто оказываются чересчур мягкими и слишком полагаются на отвлеченные образы и понятия, так как склонны переоценивать силу воздействия прекрасного и предполагают, что каждым человеком, как и ими, движет исключительно страх уродства. Достаточно вспомнить маркиза де Сада хотя бы, который не справился со своими обязанностями в революционном трибунале.

Лучше всего, мне кажется, действовать по обстоятельствам и не отрывать от реальности. Красота, в отличие от морали, всегда осязаема и имеет четко очерченные формы. Если кто-то не замечает ее границ и с легкостью их переступает, значит, ты имеешь дело с высоконравственным индивидом, а следовательно с ним нужно быть, если так можно выразиться, предельно добрым, то есть переходить к жестким методам воздействия.

Если о каком-либо писателе, политике или актере окружающим становится известно буквально все до мелочей, а каждый его помысел, жест, поступок, слово тоже абсолютно предсказуемы и понятны, то он, вне зависимости от чьих-то субъективных желаний, начинает вызывать у всех глубочайшую скуку. То есть от одной его только физиономии людей начинает коробить, включая и тех личностей, которым по каким-то причинам выгоднее было бы ему сочувствовать и помогать. А поскольку вся информация о человеке – это и есть он сам, то с точки зрения современных технологий такого субъекта, по идее, можно будет еще и занести в компьютер, сделав персонажем занимательной игры, где желающие смогут на него охотиться, подвешивать за ноги и всячески

измываться, как бы мстя ему таким образом за то, что он своим присутствием в публичном пространстве всех достал – чтобы отвести душу, так сказать. И неважно, будет ли чувствовать сам продублированный индивид страдания своего двойника – главное, что участники игры не будут сомневаться, что тот, кого они пинают, является точной копией своего надоедливого двойника.

И даже если законодательно по этическим соображениям подобная процедура будет запрещена, все равно, наверняка, найдутся хакеры и подпольные умельцы, которые сделают такое развлечение доступным сначала отдельным продвинутым любителям, а затем и широким слоям населения. Более того, из-за запретов удовольствие от этих забав только усилится, и массы будут жаждать все новых и новых жертв...

Думаю, в самом ближайшем будущем нечто подобно и произойдет. Я бы назвала такой феномен информационным порогом известности.

Несмотря на антигуманный характер подобных манипуляций с одушевленными живыми существами, они, мне кажется, могут радикально снизить привлекательность для обывателей таких публичных сфер деятельности, как искусство и политика, в частности. И тогда ими, возможно, снова начнут заниматься личности более глубокие и сложно организованные, с какими тем же программистам будет разобраться гораздо труднее.

Что и позволяет мне смотреть на перспективы развития мировой цивилизации с некоторым оптимизмом. Притом что в настоящий момент наплыв простейших существ в культуру (о политике я даже не говорю) уже сейчас ставит под угрозу сам факт ее существования и может иметь для человечества куда более печальные последствия, чем столь живо обсуждаемое сегодня в СМИ нашествие нелегальных эмигрантов в современную Европу, например.

Греческий остров Лесбос пытается справиться с притоком беженцев...

Греция – страна юмора. Практически как Петербург. Здесь тоже недавно находившийся в состоянии сильного опьянения мужчина ударился головой о мемориальную доску дома Раскольникова.

В детстве меня довольно долго занимал вопрос авторства «Тихого Дона». На уроках литературы, естественно, об этом не говорили, но в кулуарах этот вопрос часто муссировался. Ходили слухи, что Шолохов позаимствовал свое произведение у какого-то белогвардейца, по-моему, стащив его дневник. Всех в основном интересовало, как молодой человек в возрасте всего двадцати одного года сумел сочинить такую толстую книгу. То есть не только возраст автора, но и размер книги многим казался подозрительным. Меня, естественно, это тоже немного смущало. Потом, правда, я об этом как-то совсем забыла, так как сам роман меня совсем не впечатлил. В принципе, его мог написать и Шолохов, если посмотреть на его портрет и некоторые факты его биографии, вполне его уровень.

Что касается меня, то я с удовольствием бы присваивала себе мысли, а при случае, может, и целые трактаты и книги, каких-нибудь придурков. Но они как будто чувствуют и ничего интересного не говорят и не пишут. У людей, какими бы дебилами они ни были, животные инстинкты обычно бывают развиты достаточно хорошо. А как увидишь что-нибудь забавное, то и автор сам, как назло, вроде ничего, жалко его обижать.

В мире материальных ценностей, где орудуют вору, живущие по понятиям, в этом смысле все несколько проще, мне кажется. Забрал бабки у лоха – и тебе во всех отношениях приятно и хорошо. А может, еще и в рай попадешь, если он какой-нибудь гнусный извращенец.

Вряд ли можно придумать что-либо более уродливое, чем Всемирный день красоты, который, как я слышала, отмечается сегодня. А еще и в календаре гугля разместили цитату из Достоевского: «Красота присуща всему здоровому... Она есть гармония, в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству идеалы... Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность её, значит, есть и потребность здоровья, нормы...», – дальше, думаю, лучше не продолжать. Если Достоевский имел в виду такую красоту, то она, безусловно, уже спасла мир.

Но как спастись от такого мира? Вот в чем вопрос.

Ходила сейчас в поликлинику за справкой для бассейна, и врачиха опоздала минут на пятнадцать, наверное. А там у них день рождения, бабы носятся по коридору с тортиками, зазывают друг дружку попить кофейку и обсуждают какую-то Галю, виновницу торжества, судя по всему.

Пока я дожидалась приема, еще раз до конца прочувствовала, как я ненавижу все эти улыбающиеся хари вокруг и атмосферу всеобщего веселья. Какое счастье, что даже в автобусе теперь можно уткнуться в телефон, рассматривать картинки, слушать музыку и никого не замечать или хотя бы делать вид, что не замечаешь. Не представляю, как бы я обходилась без интернета, если бы мне пришлось наблюдать такие рыла не пятнадцать минут, а целыми днями, разговаривать, обсуждать Галю, пить чаек, жрать тортики... В довершение всего старуха с испитой физиономией в коридоре поликлиники торжествующе сообщила, что у них сегодня было собрание. То есть еще и посещать собрания. От одной мысли об этом можно слевать!

Папа римский встретился с Фиделем Кастро.

В советские времена, помню, личности, вступавшие в партию, автоматически становились как бы отмечены каиновой печатью. Из-за чего при упоминании этого факта они непременно должны были в свое оправдание добавлять какое-нибудь душещипательное пояснение типа: «Как же я без этого, у меня больная жена и трое детишек на руках». Друзья и близкие такого индивида, соответственно, если речь о нем заходила в его отсутствие, тоже старались как-то сгладить данный факт, поясняя, что ему это нужно исключительно для карьеры, а так, сам по себе, он человек неплохой.

Сегодня же, когда я натываюсь на субъектов, говорящих о том, что они постыятся, посещают храмы, исповедуются или даже просто испытывают повышенный интерес к чтению священных книг типа Библии или Корана, у меня возникает ощущение, что я тоже имею дело с особями, отмеченными неким дефектом. Правда, уже не в моральном плане, как это было с коммунистами, которые как бы жертвовали собственной репутацией в глазах окружающих ради благополучия своих близких. Теперь все происходит в точности наоборот. Когда я встречаю заявляющего о своей религиозности индивида, у меня неизменно возникает инстинктивное желание отдалиться от него, чтобы меня, не дай бог, не заставили нянчиться с таким нравственно безупречным существом, не навесили на меня лишний груз, поскольку моя собственная жизнь и без того достаточно тяжела.

Естественно, я стараюсь в себе такие чувства подавлять или же, по крайней мере, никак их не внешне не проявлять. Особенно если речь идет о моих близких знакомых и родственниках. Остальные люди, насколько я могла заметить, ведут себя с ними примерно так же. Все ведь понимают, в конце концов, что вера в Бога этим дефективным существам нужна для попадания в рай после смерти.

«У меня особое отношение к французскому, потому что я был приговорен на этом языке. В суде мне зачитали приговор на французском языке», – любил повторять Жан Жене. А вот Достоевский до такого не додумался.

Или Солженицын? Столько лет провел в тюрьме и вышел оттуда еще тупее, чем был.

Постоянно натываюсь на разного рода дегенератов. И первое мое спонтанное желание – держаться от них подальше. А ведь можно было бы их как-то использовать, наверное. Опустить на бабки, например.

Возможно, это самая большая ошибка в моей жизни. И все из-за неправильно развитых инстинктов. Нормальный здоровый человек при виде умственно-отсталых существ должен радоваться, как голодный волк, увидевший зайца. Ну, или как удав – кролика... Большинство преступников, я заметила, сами далеко не семи пядей во лбу, и поэтому для них встретить кого-нибудь глупее себя – уже большая удача. К тому же, они обычно еще так одеваются и имеют настолько пугающие физиономии, что даже самые доверчивые из их потенциальных жертв сторонятся их за километр.

Если бы они знали, сколько дебилов меня окружает, и те сами ко мне так и липнут, то просто лопнули бы от зависти! А потом посмотрели, какую выгоду я из этого для себя извлекла, и решили бы, что я и сама являюсь дурой. И были бы правы, в сущности.

Какой приятный теплый вечер выдался сегодня. В центре полно народу, особенно молодежи, и у всех такие довольные лица. Когда шла сейчас по Рубинштейна, наступила на ногу размалеванной девке в мини юбке, сидевшей на стульчике с сигаретой возле кафе. Она подпрыгнула и визгливо выругалась матом, хотела даже меня в спину толкнуть, по-моему. А я сделала вид, что не заметила и, не оборачиваясь, стремительно прошла дальше.

Не помню уже, кажется, Розанов писал где-то незадолго до смерти, что человек, отправляясь в мир иной, вспоминает исключительно добрые дела и чуть ли не жалеет, как мало ему удалось их совершить. Не знаю, но, по-моему так, если хотя бы гадость кому-нибудь не скажешь в течение дня, то, считай, время было потеряно даром. А если еще и сделать что-нибудь конкретное удастся, пусть даже самую мелочь, как сегодня, то и вовсе настроение поднимается до следующего утра, даже спишь лучше.

Красота и уродство, как жизнь и смерть. Бывает достаточно всего одного неосторожного шага, переступить роковую черту – и ничего уже поправить будет нельзя, все исчезает.

Поэтому подавляющее большинство людей и предпочитают религию искусству. Там все куда проще. Можно делать что угодно: замочил кого-нибудь, а потом покался, и ты все равно будешь в раю.

Подтолкни падающего. Цитата Ницше, которую чаще всего почему-то любят вспоминать разного рода недоумки, пытающиеся спихнуть вниз выдающихся одиночек, совершающих рискованное восхождение к горным вершинам духа.

Ученые обнаружили на Марсе символ копирайта ©, но потом поняли, что это всего лишь следы от катящихся камней.

В молодости, кстати, я упорно пыталась любить людей. Каждое утро, приходя на работу, я старалась как можно меньше глядеть по сторонам и всячески убеждала себя, что окружающие меня личности очень хорошие и добрые. Но однажды я пошла на обед с одной жирной приземистой бабой. Ее водянистые глаза имели цвет перезрелого крыжовника, а желтые волосы, напоминавшие паклю, торчали во все стороны и закрывали почти все лицо, за исключением покрытого угрями крючковатого носа и огромной бородавки на правой щеке. Она заказала себе тарелку щей, жареную курочку с картошкой, салатик с майонезом, два пирожных, «картошку» и эклер, компот, чай, взяла десять кусков хлеба и стала с аппетитом, громко чавкая и щелкая вставной челюстью, жрать. При этом она еще прямо с набитым ртом рассказывала мне про своего мужа и сыночка. Глядя на то, как колышется ее испещренный красными прожилками тройной подбородок, я вдруг почувствовала, что если я еще хотя бы секунду просижу за столом, то меня реально стошнит. И хотя я никогда не отделяла ее от работавших со мной сотрудников и считала ее точно такой же хорошей и приятной, как они, я все-таки вынуждена была срочно отодвинуть свою тарелку в сторону и, улучшив удобный момент, извиниться и уйти.

Тогда я и поняла, что больше уже никогда не смогу любить людей.

«Глубина одиночества определяет чистоту стиля», – написала когда-то я. Однако и стиль тоже обрекает писателя на одиночество. В науке это, кажется, называется «обратная связь».

Вот почему гении с годами приближаются к совершенству, тогда как обычные индивиды впадают в маразм и деградируют.

Много лет назад я случайно встретила на Невском знакомого, который вышел мне навстречу из дверей Пассажа с двумя пожилыми бабами (как потом выяснилось его родственницами, приехавшими с Урала). Он стал мне радостно заискивающе кивать и улыбаться и уже, судя по всему, собирался представить меня спутницам в качестве знаменитой писательницы, как вдруг одна из них обратилась ко мне: «Надо же, как вы быстро подъехали, а мы думали, что придется еще минут двадцать ждать...» Оказывается, они недавно вызвали такси, и она приняла меня за водителя. Наступила неловкая пауза. А моего знакомого всего прямо передернуло, родственница сломала ему весь кайф, ведь ему так хотелось похвастаться перед своими односельчанами, какие у него тут в столичном городе выдающиеся знакомые, да и я не могу сказать, что была особо польщена ее ошибкой. Но тут, к счастью, к ним сбоку, и вправду, подвалил здоровенный лысый мужик в кожаной куртке, который и оказался настоящим таксистом. Я же тогда была в джинсах и ветровке, к тому же еще с короткой стрижкой и сигаретой в руке. Именно мой внешний вид, видимо, и сбил с толку ту бабу. Думаю, я напомнила ей героиню популярного в те годы сериала «Таксистка», которая тоже была довольно высокого роста, курила и носила брюки.

Этот случай заставил меня всерьез задуматься над своим обликом, причем не только внешним, но и внутренним. А надо сказать, что в то время я все еще до конца не определилась с творческим кредо и колебалась где-то между декадансом, реализмом и постмодернизмом, периодически склоняясь то в ту, то в другую сторону. Теперь же я не то чтобы окончательно погрузилась в мир грез или переселилась в башню из слоновой кости, но популярный среди водителей такси и некоторых писателей стиль постоянных разоблачений политиков и других известных личностей стал мне окончательно чужд. С реализмом я порвала, короче говоря, целиком и полностью сосредоточившись на метафизических аспектах человеческого бытия. И результаты не заставили себя ждать: с таксистами или же, тем более, дальнбойщиками меня с тех пор еще ни разу не путали, даже если я выхожу на улицу в джинсах и курю. Да я и сама вижу, что мое лицо за последние годы стало куда более одухотворенным и задумчивым.

И еще эта манера постоянно говорить то, о чем другие молчат. Предполагается, что некий индивид озвучивает нечто, чего остальные люди не замечают или же опасаются говорить. Но так ли это? Куда чаще, по моим наблюдениям, речь идет о вещах настолько очевидных, что специально обращать на них чье-то внимание большинство людей считают для себя неприличным. И тут вдруг появляется некто и сообщает человечеству, что миром правят «бабки», все решает сила, а у государств имеются свои интересы. И от набора этих банальностей все должны тут же прямо упасть в обморок. И так буквально во всем. Дебилам достаточно решиться на первый шаг, а дальше их уже не остановишь...

В этом мире трудно найти явление, которое нуждалось бы в чем-либо разоблачении, все и без того слишком просто и понятно. Единственное, что может полезного сделать, например, писатель – это привнести в окружающую действительность хоть немного сложности. Самим фактом своего присутствия, по крайней мере. А политики и вовсе обязаны следовать правилам выбранного ими жанра и тщательно обдумывать каждое свое слово. Я считаю, что это для их же блага: так их потенциальные избиратели могут подумать, что они, действительно, знают что-то важное и необычное, но просто предпочитают помалкивать.

Не говоря уже о том, что деньги никогда ничего не решают, сила тоже не имеет особого значения, и у государств не бывает интересов. А все вокруг подчиняется исключительно законам красоты!

Чисто теоретически, в идеале, люди могли бы быть хотя бы циничными, но они просто тупые. К чему практически невозможно привыкнуть. Всякий раз, когда я в этом убеждаюсь, у меня такое чувство, будто я наткнулась на стену в темной комнате, которая изначально казалась чуть более просторной. Так, по крайней мере, ее описывали те, кто ранее там побывал.

Часто приходится слышать, что красота обязательно должна быть связана с какой-то тайной. А вот мне, например, из всех явлений окружающего мира наиболее эстетичными кажутся звезды. При этом я точно знаю, что секрет их привлекательности заключается в том, что они находятся очень далеко.

Санкт-Петербург – Лозанна – Париж – Цюрих, август 2013 – сентябрь 2015